

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD LAW SCHOOL
LIBRARY

239
Bogletsy
Д. В. М. П.
БѢГЛЕЦЫ.

1893.
7

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

ОБЪ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ БѢГСТВАХЪ ИЗЪ ТЮРЕМЪ

И

ДРУГИХЪ МѢСТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

МАРІЙ. — БЕВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ. — ГУСТАВЪ
ВАЗА. — ГРОЦІЙ. — БЛАНКА КОМОНЪ. — БА-
РОНЪ ТРЕНКЪ. — КАЗАНОВА. — ЛАТЮДЪ. —
БЕНЕВСКІЙ. — ЛАВАЛЕТЪ. — ЛЮДОВИГЪ-НАПО-
ЛЕОНЪ. — ГАРИБАЛЬДИ И ПР. И ПР.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

^{Bealetzy}
БѢГЛЕЦЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

О ВЪ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ БѢГСТВАХЪ ИЗЪ ТЮРЕМЪ

И ДРУГИХЪ МѢСТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

МАРІЙ. — БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ. — ГУСТАВЪ
ВАЗА. — ГРОЦІЙ. — БЛАНКА КОМОНЪ. — БА-
РОНЪ ТРЕНКЪ. — КАЗАНОВА. — ЛАТЮДЪ. —
БЕНЕВСКІЙ. — ЛАВАЛЕТЪ. — ЛЮДОВИКЪ-НАПО-
ЛЕОНЪ. — ГАРИБАЛЬДИ И ПР. И ПР.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Comp.
985.8
BEG

Типографія А. Котомина, Вознесенській просп.. д. № 23—81.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ:

Современные французскіе писатели. Выпускъ первый. Рошфоръ, Дрозъ, Дюма-сынъ и Тэпъ. Спб. 1868 г. (Осталось около 20 экземпляровъ въ продажѣ).

Современные французскіе писатели. Выпускъ второй. Морисъ Жолн: **Объ искусствѣ выходить въ люди** (Счастье и случай. Врожденныя чувства. Характеръ. Качества и таланты. Умѣнье браться за дѣло. Иезуиты. Необходимость страха и жестокости. Искусственная оппозиція. Магометъ. О революціяхъ. Пронски честолюбцевъ. Дипломатія. Фуше. Друзья. О придворныхъ. Придворныя интриги. Клевета, какъ превосходное орудіе. Фавориты. Валленштейнъ. Мазарини. Г-жа Ментенонъ. О славѣ. Историки, экономисты, демократы, журналисты. Сила и значеніе газетъ. О любви къ женщинамъ. Нинона Ланкло о любви. Вѣрность криваго пути, и пр. и пр.). — **Жандармы**, административная фантазія Гектора Пессара. — **Сатирическіе очерки: Парижская роскошь и женщины.** — **Старички.** Спб. 1869.

Цѣна каждому тому отдѣльно **1 руб. 50 коп.**

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Этимъ томомъ мы начинаемъ рядъ изданій, предназначенныхъ для такъ-называемаго легкаго чтенія. Вслѣдъ за этимъ томомъ мы думаемъ напечатать рассказы не менѣ интересные и увлекательные, чѣмъ рассказы о бѣгствахъ изъ тюремъ,—о воздушныхъ путешествіяхъ, совершенныхъ учеными и любителями приключеній со временъ изобрѣтенія воздушнаго шара, до настоящаго времени; затѣмъ рассказы, заимствованные изъ разныхъ писателей, о тѣхъ средствахъ религіознаго суевѣрія и невѣжества, которыми богаты были всѣ времена. Влагая историческую основу въ наши книжки для легкаго чтенія, мы хотимъ этимъ дать такой матеріалъ для чтенія, ко-

торый имѣлъ бы подъ собой почву несомнѣнной истины. Въ концѣ книжки, въ видѣ прибавленія, мы напечатали разсказъ о бѣгствѣ изъ тюрьмы, заимствованный изъ Диккенсова журнала.

Декабрь, 1869 года.

БѢГЛЕЦЫ.

Мессенскій полководецъ Аристоменъ.

(684 г. до Р. Х.)

Мессенскій *) полководецъ Аристоменъ сражался съ лакедемонянами, которые превосходили численностью его войско и имѣли начальниками двухъ спартанскихъ царей. Защищаясь, Аристоменъ получилъ нѣсколько ранъ, между прочими одну, камнемъ, въ голову. Онъ упалъ почти за мертво. Лакедемоняне взяли его въ плѣнъ вмѣстѣ съ пятидесятью его воинами и увели ихъ въ Спарту, гдѣ рѣшено было бросить ихъ всѣхъ въ Цеаду. Это была глубокая раселина въ землѣ, куда бросали осужденныхъ на смерть. Дѣйствительно Аристомена бросили туда вмѣстѣ съ товарищами его, которые погибли всѣ до одного при паденіи; одинъ Аристоменъ былъ чудомъ спасенъ, что случалось съ нимъ уже не въ первый разъ. Нѣкоторые изъ описавшихъ его подвиги, рассказываютъ, будто бы онъ былъ подхваченъ орломъ, который поддержалъ его

---

*) Мессенія и Лакедемонъ или Спарта—древнія государства въ южной Греціи, которыя вели между собою войны, кончившіяся покореніемъ Мессеніи.

на распростертыхъ крыльяхъ, такъ что онъ невредимо спустился до дна пропасти. Случай помогъ ему выбраться изъ нея. Сначала, онъ лежалъ неподвижно, накрывшись своею одеждою, и ждалъ смерти, полагая, что она близка. Прошло уже три дня, какъ онъ лежалъ въ Цеадѣ, какъ вдругъ слышалъ шорохъ и, открывъ лицо, увидѣлъ въ полу-мракѣ лисицу, пробирающуюся къ трупамъ.

Понявъ, что животное не могло проникнуть въ яму, еслибы изъ нея не было выхода, онъ сталъ выжидать, когда лисица приблизится къ нему и, ухватившись за хвостъ ея одною рукою, другою подставлялъ ей свою тогу, когда лисица оборачивалась съ тѣмъ, чтобъ укусить его. Такимъ-образомъ, она повлекла его по подземелью. Наконецъ, онъ увидѣлъ свѣтъ, проникавшій чрезъ отверстіе, въ которое могла пролѣзть только лисица. Выпустивъ животное, которое тотчасъ скрылось, Аристомень расширилъ руками отверстіе и, выбравшись изъ подземелья, успѣлъ благополучно присоединиться къ своимъ согражданамъ.

Это чудесное спасеніе изъ Цеады было приписано явному покровительству боговъ. (Павзаній, *Описаніе Греціи*, книга IV, гл. XVIII.)

Эгезистратъ.

(475 г. до Р. Х.)

Согласно съ греческими обрядами, у Мардонія *) былъ прорицатель, Эгезистратъ, изъ Элен. Этотъ человѣкъ, взятый когда-то въ плѣнъ спартанцами, которымъ онъ причинилъ много вреда, былъ заключенъ въ оковы и приговоренъ къ смерти. Зная, что ему предстоитъ не только лишиться жизни, но и вынести передъ смертью ужасныя муки, Эгезистратъ рѣшился на неслыханное дѣло. Онъ былъ прикованъ за деревянное кольцо, обитое желѣзомъ и надѣтое на ногу; случайно найдя въ своей тюрьмѣ, неизвѣстно какъ попавшей туда, кусокъ желѣза, онъ совершилъ необыкновенно мужественный поступокъ: вымѣривъ, какую часть ноги ему можно будетъ высвободить изъ кольца, онъ отрѣзалъ себя пятку. Затѣмъ, такъ какъ при тюрьмѣ находились сторожа, онъ проломилъ отверстіе въ тюрьмѣ и бѣжалъ въ Тегею, идя только ночью, а на день прячась въ хворостѣ. Такимъ образомъ, на третью ночь онъ достигъ Тегеи, избѣжавъ преслѣдованья лакедемонянъ, которые были до крайности удивлены, когда, придя въ тюрьму, нашли вмѣсто плѣнника, только часть его ноги. Вылечившись, Эгезистратъ приставилъ себѣ деревянную ногу и сдѣлался непримиримымъ врагомъ лакедемонянъ. Движимый

---

*) Персидскій полководецъ, тесть Дарія, разбитый во время персидскихъ войнъ греками при Платеѣ, гдѣ онъ лишился жизни.

ненавистью къ нимъ и алчностью къ деньгамъ, онъ сдѣлался прорицателемъ и жрецомъ у персовъ, во время битвы при Платеѣ, и получалъ за это щедрое жалованье отъ Мардонія. Но ненависть къ спартанцамъ погубила его: онъ былъ взятъ ими въ плѣнъ и казненъ. (Геродотъ, Кн. IX, гл. XXXVII.)

Во времена Геродота, подъ словомъ пятка, понималась не только та часть ноги, которая называется такъ въ современной намъ анатоміи, но также и лежащая у большого пальца. Судя по одной фразѣ Гиппократа, пяткою называлось, какъ кажется, исключительно то, что называется теперь плюсною и второй рядъ пяточныхъ костей, которыя Гиппократъ отличаетъ отъ тѣхъ, что соединяють пятку съ верхнею частью ноги. У Геродота довольно опредѣленно сказано, что Эгезистратъ отрѣзалъ себѣ ногу въ мѣстѣ соединенія пятки съ плюсною.

На первый взглядъ кажется невѣроятнымъ, чтобы человекъ могъ самъ себя изуродовать такимъ образомъ, и въ особенности, чтобы онъ могъ еще потомъ сдѣлать все то, о чемъ рассказываетъ греческій историкъ; но у сѣверо-американскихъ туземцевъ были наблюдаемы не менѣе изумительные факты. Впрочемъ трудно предположить, чтобы въ эпизодахъ избраннаго нами характера не встрѣчались нѣкоторыя преувеличенія даже у самыхъ серьезныхъ историческихъ писателей. Мы только приводимъ то, что они рассказываютъ, предоставляя критику самому читателю.

Марій.

(85 годъ до Р. Х.).

Марій, угрожаемый въ Римѣ Суллою*), тщетно старался возмутить въ свою пользу рабовъ и, зная, что ему нечего ждать пощады отъ соперника, котораго онъ лишилъ многихъ друзей, преданныхъ имъ смерти, былъ принужденъ уступить и искать спасенія въ бѣгствѣ. Но едва онъ вышелъ изъ Рима, какъ всѣ его спутники разбѣжались; онъ остался одинъ въ темнотѣ и укрылся въ Солоніумѣ, своемъ загородномъ домѣ. Оттуда онъ послалъ своего сына за провизіею въ лежавшее неподалеку имѣніе своего тестя, Муція. Самъ же онъ отправился въ Остію, гдѣ одинъ изъ его друзей, Нумерій, ожидалъ его на суднѣ и, Марій не дожидаясь возвращенія сына, отплылъ съ своимъ зятемъ Граніемъ. Между тѣмъ молодой Марій заготовилъ провизію, но тогда уже разсвѣло и въ тѣ мѣста прибыла конница Суллы, возмѣвшая подозрѣнія. Управляющій Муція, замѣтивъ всадни-

---

*) Марій, сынъ бѣднаго земледѣльца изъ сельскаго городка Арпинума, родился въ 155 году. Выбранный въ должность трибуна, онъ выказалъ себя противникомъ знати и другомъ народныхъ правъ. Благодаря своимъ талантамъ, онъ сдѣлался консуломъ и нѣсколько разъ побѣждалъ враговъ римлянъ. Сулла былъ представителемъ знати и также пользовался вліяніемъ. Соперничество между ними повело къ междуусобной войнѣ, которая заставила Марію искать спасенія въ бѣгствѣ.

ковъ издалека, спряталъ молодаго Марія въ телѣгу съ бобами, запрягъ въ нее воловъ и самъ правя ими, поѣхалъ на встрѣчу конницѣ. Такимъ образомъ бѣглець достигъ дома своей жены и на другой день отплылъ въ Африку.

Между тѣмъ старый Марій плылъ съ попутнымъ вѣтромъ вдоль итальянскаго берега. Онъ опасался только Геминія, одного изъ значительнѣйшихъ гражданъ Террачины, который былъ его врагомъ; поэтому Марій велѣлъ матросамъ держаться подалеже отъ Террачины. Они повиновались ему, но вдругъ со стороны моря подулъ сильный вѣтеръ, поднялась страшная буря и судну нельзя было долѣе оставаться въ морѣ. При томъ же, Марій страдалъ морскою болѣзнію, такъ что пришлось причалить къ берегу Цирцеи, гдѣ мореплаватели съ трудомъ успѣли высадиться.

Они находились всего въ двадцати стадіяхъ (одна миля) отъ Минтурнъ, когда увидѣли приближавшійся къ нимъ отрядъ конницы. Усмотрѣвъ недалеко отъ берега двѣ барки, спутники Марія побѣжали къ морю и, бросившись въ воду, поплыли къ баркамъ. Граній успѣлъ сѣсть въ одну изъ нихъ и добраться до острова Энарій, лежавшаго насупротивъ того берега, но Марій, которому уже было въ ту пору 70 лѣтъ, съ трудомъ доплылъ до барки, поддерживаемый двумя невольниками. Всадники уже были на берегу и кричали матросамъ, чтобы они подвели барку къ берегу, или чтобы бросили Марія въ море и плыли сами куда хотятъ. Марій умолялъ, плакалъ и матросы, нѣсколько разъ мѣнявшіе рѣшеніе, отвѣтили, наконецъ, что они не покинутъ Марія. Но едва разъяренные всадники скрылись изъ вида,

какъ моряки переѣнили намѣреніе и поплыли къ берегу. Они бросили якорь при устьѣ Лориса (Гарильяно), образующаго въ этомъ мѣстѣ болото, и пригласили Маріа высадиться на берегъ, чтобы поддѣрпнуть себя пищею и оправиться отъ морской болѣзни, въ ожиданіи попутнаго вѣтра, котораго ожидали въ извѣстный часъ, когда вѣтеръ съ моря падаетъ и смѣняется вѣтромъ со стороны твердой земли, достаточно сильнымъ, чтобы вести лодку въ море. Марій повѣрилъ имъ и послѣдовалъ ихъ совѣту; моряки высадили его на берегъ и онъ прилегъ на лугу, не подозрѣвая, что должно случиться. Но моряки, тотчасъ возвратившись въ лодку, подняли якорь и поспѣшно удалились, считая безчестнымъ выдать Маріа и не безопаснымъ для себя спасти его.

Повинутый Марій долго молча лежалъ на берегу, не произнося ни слова; наконецъ, онъ съ усиленіемъ всталъ и пошелъ долиною, на которой не было видно тропинокъ. Пройдя глубокія болота, онъ добрался до хижины одного старика, жившаго трудами своихъ рукъ. Марій бросился къ его ногамъ, умоляя спасти его, помочь человѣку, который, избѣжавъ опасности, могъ наградить его выше его ожиданій. Старикъ, быть можетъ, знавшій его когда-то, отвѣчалъ, что для отдыха онъ можетъ остаться въ хижинѣ, но если онъ спасается отъ враговъ, то спрячетъ его въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Марій просилъ о послѣднемъ и старикъ повелъ его въ болото, велѣлъ влѣзть въ душло на берегу рѣки и прикрылъ отверстіе тростникомъ и другими легкими предметами, которые скрыли его, не обременяя тяжестью.

Марій не долго пробылъ тамъ, когда со стороны хижины слышались шумъ и голоса. Геминій Террачинскій выслалъ множество людей въ погоню за Маріемъ; нѣкоторые изъ нихъ зашли случайно въ эти мѣста и старались запугать старика, жившаго въ хижинѣ, крича, что онъ далъ убѣжище врагу Рима и скрылъ его. Марій вышелъ изъ своей засады и, раздѣвшись, углубился въ тинистую воду болота. Но преслѣдователи замѣтили его. Они вытащили его нагаго, покрытаго грязью, и выдали судьямъ. Между тѣмъ уже по всѣмъ городамъ былъ объявленъ указъ о преслѣдованіи Марія, предписывавшій поймавшимъ убить его. Однако, судьи нашли нужнымъ предварительно посовѣтоваться и помѣстили Марія въ домъ одной женщины, по имени Фанніи, оскорбленной когда-то Маріемъ. А между тѣмъ Фаннія не поступила въ этомъ случаѣ, какъ женщина обиженная. Видъ Марія не только не возбудилъ въ ней дурныхъ воспоминаній, но, напротивъ того, она предложила ему, что имѣла, стараясь ободрить его. Онъ поблагодарилъ ее, увѣряя, что полонъ надежды, вслѣдствіе видѣннаго имъ благоприятнаго предзнаменованія. Потомъ онъ пожелалъ отдохнуть и велѣлъ затворить дверь своей комнаты.

Между тѣмъ минтурнскіе судьи и декуріоны рѣшили немедленно предать Марія смерти. Но ни одинъ гражданинъ не взялся исполнить надъ нимъ приговоръ. Тогда выискался одинъ ратникъ, по словамъ однихъ галлъ, а по словамъ другихъ кимвръ; онъ взялъ мечъ и вошелъ къ Марію. Комната, въ которой онъ лежалъ, была слабо освѣщена, почти темна; рассказываютъ, что

кимвру *) показалось, будто глаза Марія мечутъ пламя и что онъ услыхалъ громкій голосъ въ глубинѣ темницы, воскликнувшей: „Осмѣлишься ли ты, несчастный, убить Кайя Марія?“ Варваръ выбѣжалъ изъ темницы и, бросивъ мечъ, убѣжалъ изъ дома, воскликнувъ: „Нѣтъ, я не могу убить Кайя Марія!“ Всѣ были поражены сначала удивленіемъ, потомъ состраданіемъ и раскаяніемъ; всѣ упрекали себя въ жестокости и неблагодарности за намѣреніе умертвить челоуѣка, спасаго Италію, и говорили: „Пусть онъ идетъ куда хочетъ довершать свою судьбу, а мы будемъ молить боговъ, да простятъ они насъ за то, что мы изгнали Марія, нагого и лишеннаго всякой помощи, изъ стѣнъ нашего города.“

Они толпою вошли въ его темницу и проводили его къ морю. Между городомъ и моремъ, лежалъ лѣсъ считавшійся у жителей священнымъ. Но одинъ изъ спутниковъ сказалъ, что нѣтъ запрещенныхъ дорогъ, когда дѣло идетъ о спасеніи Марія, и первый вступилъ въ священный лѣсъ. Нѣкто Белей доставилъ Марію судно, которое снабдили всею необходимою провизією.

Впослѣдствіи Марій велѣлъ написать картину, изображавшую всѣ эти событія. (Плутархъ, *Жизнь Марія*).

---

*) Марій разбилъ кимвровъ и тевтоновъ, воинственныя племена, которыя угрожали большою опасностью Риму.

Секундъ Куріонъ.

(XVI вѣкъ).

Целій Секундъ Куріонъ, будучи ревностнымъ лютераниномъ, публично обвинилъ во лжи, въ Казальской церкви, одного монаха, провозглашавшаго съ каедръ самыя возмутительныя клеветы на главу реформы, то есть Лютера. Куріона тотчасъ арестовали по предписанію туринскаго инквизитора. Переводимый изъ тюрьмы въ тюрьму, онъ успѣлъ, наконецъ, такъ ловко убѣжать, что враги его приписали этотъ побѣгъ колдовству. Желая оправдаться въ такомъ опасномъ въ тѣ времена обвиненіи, онъ обнародовалъ краткій латинскій діалогъ, озаглавленный „Пробъ,“ съ подробнымъ описаніемъ своего побѣга. Приводимъ изъ него слѣдующее:

„Я уже цѣлую недѣлю сидѣлъ въ моей новой тюрьмѣ, гдѣ мнѣ надѣли на ноги огромныя деревянныя колодки, когда небо внезапно внушило мнѣ одно намѣреніе. Когда въ темницу вошелъ молодой человѣкъ, приставленный стеречь меня, я принялся умолять его освободить отъ колодки одну изъ моихъ ногъ, говоря, что достаточно быть прикованнымъ и за одну ногу къ такой огромной колодѣ. Простодушный стражъ согласился и высвободилъ одну изъ моихъ ногъ. Въ слѣдующіе два дня я сталъ приводить въ исполненіе мое намѣреніе. На мнѣ была полотняная рубаха; я снялъ ее, также какъ и носокъ съ освобожденной ноги, и сдѣлалъ изъ этого

бѣля форму, на подобіе ноги, обувъ ее въ башмакъ. Но мнѣ не доставало еще кое-чего, чтобы придать ей плотность. Въ крайнемъ затрудненіи я сталъ искать какого нибудь предмета и, къ радости своей, увидѣлъ подъ стульями тростниковую палку. Я поспѣшно взялъ ее и всунулъ въ искусственную ногу, а настоящую спря-талъ. Въ этомъ видѣ я сталъ дожидаться прихода моего тюремщика. Честный малый пришелъ на другой день около двадцатаго часа (въ два часа пополудни) и спросилъ меня, какъ я поживаю. „Не дурно, отвѣчалъ я, только еслибы вы перемѣстили теперь колодку на другую ногу, чтобы каждая изъ нихъ могла по-очереди отдыхать.“ Онъ согласился и продѣлъ колодку на фальшивую ногу.

Ночью, когда сторожа заснули и узникъ услыхалъ ихъ храпѣніе, онъ вынулъ изъ колодки фальшивую ногу, надѣлъ опять рубаху и носокъ и безъ шума отперъ дверь своей тюрьмы, которая была заперта изнутри одною задвижкой. Самое трудное было впереди, однако ему удалось, хотя и не безъ труда, слѣзть со стѣны.

(Ludovic Lalanne. *Curiosités biographiques*).

Густавъ Ваза.

(1519—1523).

Въ 1397 г. датская королева Маргарита договоромъ, извѣстнымъ подъ именемъ „кальмарской уніи“, соединила Данію, Швецію и Норвегію подъ одною верховною властію, но такъ, что каждое изъ этихъ государствъ удержало свои права и привилегіи. Наслѣдники Маргариты не исполнили этотъ договоръ, притѣсня шведовъ; особенно въ началѣ XVI вѣка, датскій король Христіанъ II довелъ угнетеніе шведовъ до такой степени, что они возстали подъ предводительствомъ Стена Стуре; но Христіанъ усмирилъ ихъ и наказалъ страшными казнями, при чемъ погибли лучшіе мужи Швеціи; онъ самъ разбѣзжалъ по Швеціи и въ каждомъ городѣ, куда ни пріѣзжалъ онъ, строились висѣлицы и на нихъ умирали всѣ тѣ, которые навлекли на себя гнѣвъ этого тирана.

Спасителемъ Швеціи явился Густавъ Эриксоу Ваза, потомокъ древнихъ шведскихъ королей. Онъ получилъ образованіе въ упсальскомъ университетѣ и обладалъ обширными для того времени знаніями и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Участвуя въ войнѣ съ Даніей подъ начальствомъ Стуре, онъ попалъ потомъ въ заложники къ Христіану II и былъ привезенъ въ Данію. Христіанъ намѣревался умертвить всѣхъ заложниковъ, хотя это было противно всѣмъ обычаемъ и правамъ; но его удержали отъ этого министры его. Тогда Хри-

стіанъ велѣлъ заключить всѣхъ шведовъ въ темницу, гдѣ содержали ихъ такъ жестоко, что большая часть ихъ умерли. Густавъ Ваза подвергся бы той же участи, еслибы за него не вступился одинъ изъ его родственниковъ, Эрикъ Баннеръ, который выпросилъ его себѣ на поруки съ тѣмъ, однако, что въ случаѣ его бѣгства, Баннеръ обязывался заплатить значительную сумму денегъ, именно 6,000 золотыхъ эю. Густавъ приобрѣлъ вскорѣ расположеніе всего семейства Баннера и содержался въ его замкѣ скорѣе въ качествѣ гостя, чѣмъ плѣнника. Тѣмъ не менѣе Густава беспокоило будущее: онъ зналъ, что если Христіанъ потерпитъ поражение во время похода въ Швецію, къ которому онъ въ это время приготовлялся, то отомститъ шведамъ убійствомъ ихъ заложниковъ. Послѣ долгаго раздумья, онъ рѣшился, наконецъ, убѣжать изъ замка своего благодѣтеля, хотя этимъ подвергалъ его денежной потерѣ. Разъ, въ сентябрѣ 1519 г., отправившись рано утромъ на охоту, онъ снялъ свое платье, надѣлъ вмѣсто него платье работника одной ютландской фермы и пошелъ по направленію къ Фленсбургу, куда и прибылъ послѣ двухдневнаго странствія. Въ этомъ городѣ была въ это время ярмарка; Густавъ нанялся въ работники къ одному скотопромышленнику и съ нимъ прибылъ въ Любекъ. Любскій сенатъ состоялъ изъ двухъ партій, изъ которыхъ одна стояла за Христіана, другая противъ него. Баннеръ, хватившись бѣглеца и угрожаемый королемъ, немедленно отправился въ погоню за Густавомъ и требовалъ у любскаго сената выдачи его. Но Густавъ отвѣчалъ, что заплатитъ своему родственнику 6,000 золотыхъ эю, но обѣщанія своего, которымъ онъ обязался

не дѣлать попытки къ бѣгству изъ замка, не считалъ нужнымъ сдержать, потому что его сдѣлали плѣнникомъ вопреки всякому праву и обѣщаніе было вынуждено у него понятнымъ желаніемъ избѣгнуть жестокостей короля. Баннеръ настаивалъ, но напрасно; въ Любекѣ нашлись люди, которые приняли въ Густавѣ самое горячее участіе и дали ему возможность отплыть на корабль въ Стокгольмъ; къ несчастію, городъ этотъ окруженъ былъ флотомъ Христіана и капитанъ корабля, высадивъ Густава на мысъ около Кальмара, возвратился въ Любекъ. Такимъ образомъ Густавъ остался одинокимъ въ безлюдной мѣстности, гдѣ легко было погибнуть съ голоду или попасться войскамъ Христіана, который въ это самое время уже праздновалъ свою побѣду надъ шведами казнями, жертвою которыхъ сдѣлались братъ и родственники Густава. Датчане скоро узнали, что Густавъ скрывается въ Швеціи и его приказано было непременно найти, при чемъ голова его оцѣнена въ большую сумму; тому же, кто скроетъ бѣглеца, грозили смертью.

Густавъ Ваза рѣшился свитаться изъ мѣста въ мѣсто, пока не придетъ къ Далекарлійцамъ, которые искони отличались любовью къ родинѣ и которые, думалъ онъ, помогутъ ему въ борьбѣ съ притѣснителями. Но путь въ Далекарлію былъ далекъ и много опасностей долженъ былъ онъ перенести, прежде нежели достигъ ея. Въ крестьянскомъ кафтанѣ, съ коротко обрѣзанными волосами, въ круглой войлочной шляпѣ, онъ бродилъ изъ одного мѣста къ другому, прося, какъ поденщикъ, работы и хлѣба, ночуя очень часто въ лѣсахъ, или въ разсѣлинахъ скаль. Такимъ образомъ онъ прибылъ на

мѣдные рудники въ Фалуни и нѣкоторое время работалъ въ рудникахъ, потомъ нанялся работникомъ къ одному фермеру, который, узнавъ его, просилъ удалиться изъ боязни датчанъ. Морозной ночью Густавъ ушелъ и рѣшился укрыться у Арендта Персона, дворянина, съ которымъ онъ воспитывался въ университетѣ и котораго имѣніе было недалеко. На пути онъ встрѣтилъ рѣку, покрывшуюся льдомъ. Не долго думая, Густавъ пошелъ по льду и провалился; казалось гибель его была неизбѣжна, но онъ выбрался снова на ледъ и пришелъ въ имѣніе Персона, который принялъ его съ распростертыми объятіями. Но Персонъ, будучи корыстолюбивъ, рѣшился выдать бѣглеца, чтобы получить назначенное за это вознагражденіе. Онъ уѣхалъ, какъ бы для того, чтобы увѣдомить сосѣдей о томъ, что Густавъ затѣваетъ желанное возстаніе противъ датчанъ, но отправился не къ сосѣдямъ, а къ ближайшему датскому начальнику, которому и сообщилъ обо всемъ. Тотчасъ отрядили 20 датскихъ солдатъ, чтобы овладѣть бѣглецомъ. Но жена Персона, чтобы загладить измѣннической поступокъ своего мужа, сказала обо всемъ Густаву и дала ему лошадь и сани для бѣгства. Когда сыщики прибыли во дворъ, бѣглецъ былъ уже далеко оттуда, спасаясь по дорогамъ почти непроходимымъ. Знакомый ему по университету пасторъ, желая скрыть Густава отъ усиливающихся преслѣдованій, цѣлую недѣлю запиралъ его въ своей церкви и потомъ препроводилъ къ крестьянину Свену Эльфсону. Эльсонъ взялъ къ себѣ Густава въ работники. Густавъ находился въ комнатѣ Эльфсона, когда датскіе всадники неожиданно вошли въ комнату для того, чтобы освѣдо-

миться о бѣглецѣ. Густавъ не потерялся и отвѣчалъ на вопросы офицера съ большимъ хладнокровіемъ. Жена Эльфсона слышала этотъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты и, боясь, чтобъ Густавъ какъ нибудь не выдалъ себя, смѣло вошла къ нему, и притворясь, что не замѣчаетъ датчанъ, набросилась на Густава съ бранью и упреками: „Ты что это ничего не дѣлаешь и стоишь тутъ сложа руки и розиня ротъ? Ахъ, ты лѣнтяй эдакій, — только хлѣбъ даромъ ѣшь. Пошелъ, дай корму коровамъ“. Увидѣвъ, что Густавъ нехотя повинуется, она схватила грабли и прогнала его ударами по спицѣ. Датскій офицеръ, дѣйствительно сталъ было уже подозревать, что передъ нимъ Густавъ, но подозрѣніе это тотчасъ исчезло: онъ никакъ не могъ себѣ вообразить, чтобъ крестьянка могла такъ обращаться съ потомкомъ шведскихъ королей, и бросился на поиски въ другія мѣста. Между тѣмъ Эльфонъ увидѣлъ, что скрывать Густава долѣе было бы опасно и потому рѣшился отвезти его въ сосѣдній хуторъ, къ братьямъ Ольслёнеръ. Датчане поставили на всѣхъ мѣстахъ и перекресткахъ всадниковъ, отдѣльныя толпы которыхъ ѣздили взадъ и впередъ по дорогамъ и задерживали всякаго человѣка подозрительнаго вида. Поэтому надо было стараться какимъ бы то ни было образомъ скрыть бѣглеца, и Эльфонъ спряталъ его въ возъ съ соломой. Но возъ этотъ остановили, когда Эльфонъ, правившій самъ лошадьми, подѣхалъ къ одному изъ мостовъ. Датскіе воины, находившіе что-то подозрительное и таинственное въ странно накиданныхъ связкахъ соломы, просунули туда свои копья и однимъ изъ нихъ глубоко ранили въ ногу спрятаннаго Густава. Но даже жесто-

кая боль не заставила его издать ни малѣйшаго стога; возъ скрылся отъ взоровъ преслѣдователей, и Эльфсонъ старался поскорѣе достигнуть хребта горы; но кровь, струившаяся изъ раны и черезъ повозку капавшая на снѣгъ, чуть-чуть не выдала Густава; уже враждебные рыцари настигали возъ по кровавому слѣду и только присутствіе духа честнаго крестьянина довершило дѣло спасенія; онъ поспѣшно ранилъ въ ногу свою лошадь и тѣмъ заставилъ датчанъ думать, что кровавый слѣдъ произошелъ вслѣдствіе раны животнаго. На новомъ мѣстѣ Густавъ не нашелъ покоя; рядъ приключеній, доказывавшій необыкновенную энергію, находчивость и неустрашимость Густава, заставляли любить его; слухъ о нихъ прошелъ по всей странѣ и шведы, не зная бѣглеца, уже чувствовали къ нему преданность; это еще больше раздражало датчанъ и они удвоили цѣну за голову Густава и послали на поиски за нимъ самыхъ искусныхъ сыщиковъ. Обо всемъ предупрежденный, Густавъ скрылся въ лѣсъ, находившійся возлѣ хутора и провелъ здѣсь нѣсколько дней, мучась голодомъ и холодомъ и страшась дикихъ звѣрей. Еще до сихъ поръ показываютъ небольшую нору въ землѣ, гдѣ Густавъ провелъ 72 часа, прикрытый срубленной сосною. Такая жизнь была невыносима и Густавъ, не смотря на датчанъ, рѣшилъ покинуть свое убѣжище. Сыщики преслѣдовали его по пятамъ, какъ дикаго звѣря, и два раза едва не захватили его: онъ бросился въ ихъ глаза въ болота, поросшія деревьями, и исчезъ; сыщики подумали, что онъ погибъ; но вскорѣ опять напали на его слѣдъ и бросились за нимъ. Густавъ бѣжалъ отъ нихъ черезъ деревню, растерянный, запыхав-

шійся; сыщики уже настигали его и спасенія казалось не было: еще нѣсколько минутъ и онъ былъ бы въ ихъ рукахъ; въ это самое время вдругъ онъ видитъ передъ собою погребъ и бросается въ него; сыщики не замѣтили, куда онъ исчезъ и, оцѣпивъ деревню, бросились искать во всѣхъ хижинахъ, во всѣхъ закоулкахъ; перешарили рѣшительно все, исключая погреба. Можно себѣ вообразить положеніе бѣглеца, который ежеминутно опасался, что его откроютъ.

Испытывая такія опасности, Густавъ прибылъ, наконецъ, въ Далекарлію, шведскую провинцію, населенную воинственными жителями, которые рѣшились возстать противъ датскаго ига. Собравъ ихъ, Густавъ разбилъ датчанъ; эта побѣда заставила многихъ присоединиться къ нему и небольшое войско его росло со дня на день, такъ что Густавъ могъ выступить противъ всей датской арміи, которой онъ нанесъ такія рѣшительныя пораженія, что Христіанъ долженъ былъ отказаться навсегда отъ надежды подчинить Швецію своему владычеству. Теряя городъ за городомъ, провинцію за провинціей, датчане заперлись въ Стокгольмѣ; Густавъ осадилъ ихъ съ суши и съ моря и когда овладѣлъ столицею, шведы избрали его единогласно королемъ въ 1523 г. Наученный несчастіями, близко познакомившись съ народомъ, онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ шведскихъ королей.

Бенвенуто-Челлини.

(1538)

Бенвенуто-Челлини (1500—1510), скульпторъ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ, жилъ около двадцати лѣтъ въ Римѣ. Онъ вѣрно служилъ папѣ Клименту VII и принималъ участіе въ защитѣ замка св. Ангела, когда его осадила армія конестабля Бурбона, который предводительствовалъ войсками Карла V. Папа, когда дѣло становилось плохо, позвалъ къ себѣ Челлини, поручилъ ему вынуть всѣ драгоценныя камни изъ своихъ тиаръ, митръ и колець, и потомъ зашить ихъ въ свое платье и такимъ образомъ эти сокровища были спасены хотя и не всѣ, ибо Бенвенуто часть ихъ похитилъ, но повинился въ этомъ передъ папою и получилъ прощеніе. Благодаря своему неуживчивому, наглому характеру и своимъ слишкомъ нахальнымъ и дерзкимъ похожденіямъ, Челлини нажилъ себѣ множество враговъ. Онъ былъ вѣрный сынъ своего времени, когда люди гордились тѣмъ, что удовлетворяли своимъ страстямъ, и считали насиліе добродѣтелью, если только они не дѣлались измѣнниками и трусами. Кровопролитіе было не рѣдкимъ явленіемъ въ обыденной жизни. Одинъ изъ враговъ Челлини, скульпторъ Помпео, постоянно старался уронить его въ глазахъ папы; а такъ какъ Челлини былъ не изъ тѣхъ, которые прощаютъ обиды, то послѣ смерти папы, убилъ кин-

жаломъ Помпео среди бѣлаго дня; новый папа, Павелъ III, простилъ ему это преступленіе, но завалилъ за то множествомъ работъ, за которыя онъ и принялся; вдругъ одинъ изъ его работниковъ обвинилъ его въ томъ, что онъ утаилъ при осадѣ Рима не ту часть сокровищъ, въ которой признался папѣ Клименту, а гораздо большую, именно на 80,000 экю. Павелъ III былъ способенъ простить убійство, но когда дѣло касалось его сокровищъ—онъ шутить не любилъ. Положеніе Челлини было тѣмъ труднѣе, что сынъ папы, Пиетро-Луиджи Фарнезе, былъ его смертельнымъ врагомъ.

„Однажды рано утромъ, рассказываетъ онъ въ своихъ „Запискахъ“, вышелъ я погулять, и при поворотѣ въ одну улицу, вдругъ очутился передо мной Криспино со всѣми своими сбирами и сказалъ мнѣ: „Ты папскій арестантъ“.—Криспино, сказалъ я, ты вѣроятно меня принимаешь за другаго. — „Нѣтъ, не ошибаюсь, отвѣчалъ Криспино: ты Бенвенуто, искусный артистъ: я очень хорошо знаю тебя. Мнѣ поручено отвести тебя въ замокъ св. Ангела, куда заключаютъ вельможъ и такихъ талантливыхъ людей, какъ ты.

„Четыре сбира бросились было ко мнѣ и хотѣли взять у меня винжалъ и снять съ пальцевъ кольца.

— „Не смѣть трогать его, сказалъ Криспино строгимъ голосомъ:—исполняйте лишь вашу обязанность, то есть не упустите его.

„Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ и весьма учтиво просилъ отдать оружіе. Взглянувъ вокругъ себя, я вспомнилъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ я убилъ Помпео. Меня отвели въ замокъ, и заперли въ одну изъ комнатъ на верху башни.

„Въ это время мнѣ было тридцать семь лѣтъ. Въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ испытать тюремное заключеніе. Синьоръ Піетро Луиджи, сообразивъ, что сумма, въ покражѣ которой меня обвиняли, весьма значительна, просилъ папу, своего отца, отдать ее ему. Папа согласился и еще обѣщаль помочь въ этомъ дѣлѣ. Я сидѣлъ въ тюрьмѣ уже восемь дней; наконецъ меня позвали къ допросу. Допрощиками были—губернаторъ Рима, мессеръ Бенедетто Конверсини, изъ Пистойи, и епископъ джезскій, прокуроръ—фискаль, имя котораго не припомню, и мессеръ Бенедетто де-Кальи, судья по уголовнымъ преступленіямъ. Эти три человекъ допрашивали меня сначала весьма учтиво, но учтивость эта скоро превратилась въ жестокия и страшныя угрозы, потому-что я сказалъ имъ:

— „Синьоры, вотъ уже полъ-часа какъ вы спрашиваете меня о такой чепухѣ, что скорѣе можно подумать, что вы просто болтаете, или мелете сущій вздоръ. Такъ ужъ позвольте мнѣ спросить васъ, что вамъ угодно узнать отъ меня? Мнѣ хотѣлось бы слышать отъ васъ что-нибудь поумнѣе, а не болтовню“.

Губернаторъ объяснилъ ему, въ чемъ его обвиняютъ. Челлини не трудно было оправдаться; обвинители видѣли, что они не правы и доложили о томъ папѣ.

„Папа устыдился и велѣлъ тщательно повѣрить списки драгоценностямъ. Оказалось, что камни всѣ на лицо, но мнѣ не сказали объ этомъ ни слова. Піетро-Луиджи понялъ, что поступилъ неловко, и, чтобы все поправить, было рѣшено, во что бы то ни стало умертвить меня.“

„Между тѣмъ французскій король Францискъ I, узнавъ, что папа невинно посадилъ меня въ тюрьму, написалъ къ своему посланнику, синьору де-Монлукъ, чтобы онъ вытребовалъ меня, какъ человѣка, принадлежащаго его величеству. Папа, человѣкъ смысленный и умный, повелъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ бѣдный помѣщикъ и настоящій простякъ. Онъ сказалъ посланнику, что напрасно его величество беспокоится обо мнѣ, — что я буянъ, всегда готовый обнажать шпагу, и что онъ совѣтуетъ его величеству оставить меня въ тюрьмѣ, куда привели меня убійства и чортъ знаетъ какія еще преступленія. Король отвѣчалъ, что въ его королевствѣ строгое правосудіе, и что если онъ милостивъ и щедръ для людей достойныхъ, то умѣетъ наказывать и непокорныхъ, что его святѣйшество самъ отпустилъ Бенвенуто и не позаботился употребить его талантъ въ свою пользу,—что его величество былъ радъ прибытію Бенвенуто въ свое государство и съ удовольствіемъ принялъ его къ себѣ на службу, почему и вызываетъ теперь Бенвенуто, какъ человѣка, ему принадлежащаго. Это вмѣшательство вмѣсто того, чтобы послужить мнѣ въ пользу, до-нельзя повредило. Папа, опасаясь, чтобы я не открылъ безбожныхъ навѣтовъ, которыхъ я сдѣлался жертвою, придумывалъ всевозможныя средства погубить меня, не замаравъ своей чести.

„Губернаторъ замка Св. Ангела былъ достойный флорентинецъ, мессеръ Джіорджіо дельи-Уголини. Онъ обращался со мною со всевозможною вѣжливостію. Зная, что я задержанъ несправедливо, онъ позволилъ мнѣ, положившись на мое честное слово, свободно ходить по замку. Я хотѣлъ имѣть это позволеніе на поручитель-

ствѣ, но губернаторъ воспротивился, сказавъ, что полагается на мою честь, потому-что весь свѣтъ говорилъ ему, что я человѣкъ честный и благородный. И такъ, я обязался словомъ; губернаторъ позволилъ мнѣ даже немного работать. Я приобрѣлъ дружбу нѣкоторыхъ изъ сторожей и солдатъ. Папа иногда приходилъ въ замокъ ужинать; тогда часовыхъ снимали, и двери оставались отпертыми, какъ въ обыкновенномъ дворцѣ; только арестантовъ запирали тщательно обыкновеннаго; но я не подходилъ подъ это правило и свободно разгуливалъ по замку. Сколько разъ солдаты совѣтовали мнѣ бѣжать, обѣщая обратиться ко мнѣ спиною и сдѣлать видъ, будто не замѣчаютъ меня. Я отвѣчалъ имъ, что даль честное слово губернатору, столь ко мнѣ снисходительному.

— „Эхъ, Бенвенуто! говорилъ мнѣ одинъ храбрый и умный солдатъ: — арестантъ не обязанъ и не можетъ быть обязанъ держать слово. Послушай меня: улизни-ка отъ папы и его прихвостника; они вѣдь поклялись умертвить тебя.

„Но я согласился бы лучше сто разъ умереть, чѣмъ измѣнить данному слову.

„Сотоварищемъ моихъ бѣдствій былъ монахъ, изъ фамиліи Паллавичини, знаменитый предсказатель: онъ былъ взятъ подъ стражу за лютеранизмъ. Онъ былъ славный товарищъ, но страшный грѣшникъ. Я удивлялся его способностямъ, глубоко ненавидѣлъ его пороки и порицалъ его за нихъ въ глаза. Онъ безпрестанно напѣвалъ мнѣ, что арестантъ не обязанъ держать слово.

— „Кто-нибудь можетъ быть и не обязанъ, отвѣчалъ

я, а порядочный человекъ обязанъ. Кто человекъ, тотъ всегда долженъ быть честенъ, въ какомъ бы положеніи ни находился; а такъ какъ я человекъ, то всегда исполню даже простое обѣщаніе.

„Убѣдившись, что онъ не можетъ совратить меня своими тонкими и хитрыми доводами, онъ замыслилъ другой планъ дѣйствій. Нѣсколько дней онъ былъ покоенъ, читалъ мнѣ проповѣди Фра Джироламо Савонаролы и дѣлалъ на нихъ удивительные комментаріи, во сто разъ лучше самого текста. Онъ до того прельстилъ и увлекъ меня, что я, за исключеніемъ только нарушенія даннаго слова, готовъ былъ все сдѣлать для этого человека. Вотъ что онъ придумалъ, убѣдившись, что я совершенно нахожусь подъ вліяніемъ его ума. Онъ ловко, обиняками спросилъ меня, какое бы я употребилъ средство, чтобы отворить темницу, если бы мнѣ вздумалось бѣжать. Желая показать монаху, что и я человекъ не безъ способностей, я отвѣчалъ ему, что мнѣ ничего не стоитъ отпереть какіе угодно замки, въ особенности тюремные, что это также легко какъ проглотить кусокъ свѣжаго сыру. Чтобы узнать этотъ секретъ, онъ сталъ обвинять меня въ хвастовствѣ.

— „Есть такіе люди, говорилъ онъ: — которые слывать за искусниковъ, все знаютъ; а какъ придется показать знаніе-то на дѣлѣ, такъ они и того... пожалуй и потеряютъ репутацію. Вы мнѣ рассказываете такіе невѣроятныя вещи, что еслибъ и на дѣлѣ захотѣли ихъ показать, такъ ужь вѣрно бы осрамялись.

„Дьяволъ этотъ до того задѣлъ меня за-живое, что я возразилъ ему съ запальчивостію: „я дѣлаю всегда бо-

лѣе того, что обѣщаю. Поддѣлать ключи—дѣло самое пустое, и я вамъ тотчасъ докажу это“:

„Вслѣдъ затѣмъ я весьма неосторожно сталъ объяснять ему, какъ это сдѣлать. Монахъ повидимому не придавалъ словамъ моимъ никакой важности, а между тѣмъ все замѣтилъ, все запомнилъ. Достойный губернаторъ, какъ я уже замѣтилъ выше, позволялъ мнѣ безпрепятственно гулять по замку, на ночь не велѣлъ запирать меня, какъ другихъ арестантовъ и позволялъ мнѣ заниматься работами изъ золота, серебра и воску.

„Во время моего заключенія я посвятилъ нѣсколько недѣль на отдѣлку таза, назначеннаго феррарскому кардиналу; но работа мнѣ эта надоѣла, и я, для развлечения, сталъ моделировать фигуры изъ воску. Монахъ укралъ у меня кусокъ этого воску и воспользовался имъ, чтобы поддѣлать ключи, по показанному мною способу. Повѣреннымъ его и помощникомъ былъ падуанецъ Луиджи, губернаторскій чиновникъ. Слесарь, которому они поручили поддѣлать ключи, донесъ на нихъ. Губернаторъ, приходившій ко мнѣ иногда въ комнату и видѣвшій меня за восковою работою, тотчасъ узналъ, что ключъ сдѣланъ изъ моего воску.

„Бѣдный Бенвенуто, сказалъ онъ:—жертва величайшей несправедливости, но все-таки это ничуть не причина поступить со мною такъ, какъ онъ поступилъ; а я еще, чтобы ему сдѣлать только удовольствіе, не исполнялъ своей обязанности. Пускай же онъ сидитъ теперь взаперти; нѣтъ ему никакой поблажки! И онъ отдалъ приказаніе запереть мою комнату.

„Особенно больно мнѣ было слышать упреки отъ его служителей, желавшихъ мнѣ добра и рассказывавшихъ

мнѣ все, что дѣлалъ для меня губернаторъ. Они называли меня безчестнымъ и неблагодарнымъ, одинъ изъ нихъ выражался даже черезчуръ рѣзко. Чувствуя, что я невиненъ, я отвѣчалъ надменно, что никогда не измѣнялъ честному слову, что готовъ доказать это цѣною жизни и что если кто-либо осмѣлится повторить эти обидныя слова, то я скажу ему въ лицо, что онъ безстыдный лжець. Служитель тотчасъ отправился въ кабинетъ губернатора и принесъ мнѣ воскъ и модель ключа. Увидавъ это, я сказалъ ему, что теперь мы оба правы, и просилъ его дать мнѣ возможность поговорить съ губернаторомъ, которому хотѣлъ рассказать всю правду. Губернаторъ немедленно призвалъ меня къ себѣ, и я открылъ ему всю истину. Монаха снова заперли; онъ донесъ на чиновника, который чуть не погибъ. Губернаторъ замялъ это дѣло, дошедшее уже до ушей папы. Онъ спасъ чиновника отъ висѣлицы, а мнѣ возвратилъ прежнюю свободу.

„Видя, съ какою строгостью вели это дѣло, я сталъ наконецъ и о себѣ подумывать.... и дошелъ до заключенія, что если губернаторъ еще разъ на меня разсердится и опять лишитъ меня своего довѣрія, то тогда я буду вправѣ не считать себя связаннымъ словомъ и могу прибѣгнуть къ своей ловкости, успѣхъ которой долженъ быть по вѣрнѣе, чѣмъ успѣхъ предпріятія монаха.

„Я началъ съ того, что сталъ требовать себѣ чистыхъ толстыхъ простынь, не возвращая грязныхъ; когда же мои слуги спрашивали, гдѣ грязныя? то я отвѣчалъ, чтобъ они объ этомъ не заботились, что я ихъ отдавалъ бѣднымъ солдатамъ, которые могутъ отправиться на

галеры, если объ этомъ провѣдаютъ; въ слѣдствіе чего ни мои ученики, ни слуги, не говорили объ этомъ ни слова. Я вынулъ изъ тюфяка соломѹ и сжегъ ее въ каминѣ, а простыни разрѣзалъ на полосы, въ ширину въ четверть брассы. Полосѣ этихъ набралось столько, что по нимъ я могъ спуститься сверху башни внизъ.

„Губернаторъ замка по временамъ страдалъ болѣзнію, во время которой лишался разсудка. Болѣзнь эта обнаруживалась тѣмъ, что онъ начиналъ говорить, или, лучше, болтать безъ умолку. Причина его сумасшествія измѣнялась со всякимъ годомъ: то казалось ему, что онъ сосудъ съ деревяннымъ масломъ, то лягушка, и тогда онъ начиналъ прыгать по лягушачьи. Въ одинъ прекрасный день онъ увѣрилъ себя, что онъ умеръ и его надо было предать погребенію. И со всякимъ годомъ новая эксцентричность. На этотъ разъ представлялось ему, что онъ летучая мышь. Гуляя, онъ раздражалъ крику этого животнаго и вилялъ всѣмъ тѣломъ, а особенно руками, какъ бы приготовляясь летѣть. Доктора и служители старались всѣми силами развлекать его. Замѣтивъ, что губернаторъ находитъ большое удовольствіе въ разговорѣ со мною, они часто приходили за мною и уводили къ больному. Бѣднякъ болталъ со мною часовъ по пяти, оставлялъ обѣдать съ собою и сажалъ напротивъ. Я не упускалъ случая прекрасно пообѣдать; онъ же самъ — не ѣлъ, не спалъ, такъ-что это препровожденіе времени мнѣ наконецъ страшно надоѣло, просто сдѣлалось невыносимо. Когда я смотрѣлъ на него прямо, то замѣчалъ, что глаза его до того разбѣгались, что одинъ глядѣлъ вправо, другой влѣво. Однажды онъ спросилъ меня приходило ли мнѣ

въ голову летать по воздуху? Я отвѣчалъ, что вообще люблю дѣлать то, что люди почитаютъ за самое трудное, и что навѣрно полечу, благодаря устройству тѣла и своей ловкости. Онъ хотѣлъ знать, какія средства употреблю я для этого?

— „Изъ всѣхъ летающихъ животныхъ, возразилъ я: — человѣкъ можетъ съ успѣхомъ подражать лишь полету летучей мыши.

„При словѣ — летучая мышь, которое приводило его въ сумасшествіе въ этотъ годъ, бѣдняга заоралъ во все горло:

— „Правда твоя, правда! только полету летучей мыши! да, только летучей мыши, одной только летучей мыши!

„Потомъ, помолчавъ немного, онъ сказалъ съ разстановкою:

— „Бенвенуто, а что, еслибъ тебѣ позволили, достало бъ у тебя твердости полетѣть?

— „Если мнѣ возвратятъ свободу, отвѣчалъ я: — то я возьмусь пролетѣть до Прати, съ помощью пары холстинныхъ крыльевъ изъ навошеннаго льна.

— „Да, я бы тоже.... однако же папа велѣлъ мнѣ хранить тебя какъ его собственныя очи: я знаю, ты преискусная бестія, улизнешь, если захочешь! Вотъ же я тебя посажу за сто замковъ, изъ опасенія, чтобъ ты не убѣжалъ.

„Я напомнилъ ему, что давно могъ бы убѣжать, еслибъ хотѣлъ, но что я не нарушу даннаго слова ни за какое благо въ свѣтѣ; потомъ я сталъ просить его во имя Бога, не трогать меня и не стѣснять моего, и безъ того тѣснаго, положенія. Но онъ не хотѣлъ ничего слышать и велѣлъ запереть меня.

— „Ну, запирайте сказалъ я ему, видя, что нѣтъ средствъ помочь горю:—запирайте и тщательнѣе присматривайте, а я все-таки объявляю вамъ въ присутствіи всѣхъ вашихъ служителей, что, несмотря ни на какія средства, я убѣгу! Меня отвели въ темницу и заперли за мною тяжелыя двери.

„Оставшись одинъ, я внимательно осмотрѣлъ всю комнату и сталъ придумывать средства спуститься внизъ. Потомъ взялъ я простыни, разрѣзанныя мною на полосы и крѣпко пришитыя одна къ другой, и расчислилъ, на сколько должны онѣ быть длинны. Удостоверившись въ томъ, въ чемъ хотѣлъ, я подумалъ—какъ бы мнѣ употребить съ пользою клещи, которыя я унесъ у савояра, служившаго въ замкѣ. Человѣку этому былъ порученъ надзоръ за бочками; онъ любилъ заниматься столярною работою: я отыскалъ въ его инструментахъ клещи, которыя мнѣ могли когда-нибудь пригодиться и спряталъ ихъ въ тюфякъ. Пришло время ими воспользоваться, и я употребилъ ихъ на то, чтобы выдергивать гвозди, которыми держались петли у дверей. За первымъ гвоздемъ мнѣ много было работы, однако же я его выдернулъ. Но вѣдь могли замѣтить, что гвоздя недостаетъ; поэтому-то я и придумалъ слѣдующее: при помощи воску, смѣшаннаго съ опилками отъ ржаваго желѣза, я сдѣлалъ на петляхъ шапочки отъ гвоздей, совершенно такія же, какія выдергивалъ. Петли висѣли на гвоздяхъ, которыя я сперва вытащилъ и потомъ снова вложилъ слегка, надломивъ кончики. Производить эту работу мнѣ было не легко, потому-что губернаторъ, которому каждую ночь грезилось мое бѣгство, время отъ времени присылалъ осматривать мою ком-

нату. Тотъ, на кого была возложена эта обязанность, былъ настоящій сборъ, какъ по имени, такъ и по душѣ: его звали Боцца; съ нимъ же приходилъ нѣкто Джованни, прозванный Пединьоне (зазноба). Джованни былъ солдатъ, Боцца — лакей. Джованни считалъ долгомъ всякой разъ сказать мнѣ какую-нибудь неприятность; аккуратно каждый вечеръ онъ осматривалъ петли моей двери и всю комнату, что не мѣшало мнѣ каждый разъ говорить ему: „Стерегите меня хорошенько, потому-что я, несмотря ни на что, убѣгу“. Слова эти поселили между нами смертельную вражду.... Какъ же тщательно пряталъ я въ тюфякъ всѣ свои желѣзные инструменты, какъ напр. клещи, широкій и длинный кинжалъ и прочее. Въ тюфякъ кромѣ того лежали полосы изъ простынь. Лишь наступалъ день, я выметалъ комнату; чистоту я и всегда любилъ, а теперь довелъ ее до высшей степени; потомъ стлалъ постель и усыивалъ ее цвѣтами, приносимыми мнѣ каждое утро са-воярромъ, у котораго я стянулъ клещи. Всякой разъ наказывалъ я Боцца и Джованни не дотрогиваться до постели, изъ опасенія, чтобъ они ее незапачкали. Иногда, единственно изъ желанія позлить меня, они-таки слегка ошупывали ее. Тогда я кричалъ на нихъ, какъ будто выходя изъ себя отъ гнѣва. „Ахъ, вы, засаленныя рожи! Вотъ какъ я выхвачу у кого-нибудь изъ васъ шпагу, да отдѣлаю васъ порядкомъ, такъ вы увидите, смѣете ли прикасаться къ постели такого человѣка, какъ я! Смотрите, не выводите меня изъ терпѣнія, не то я покажу вамъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ въ отчаяніи“. Они пересказали это губернатору: онъ запретилъ подходить къ моей постели и велѣлъ снимать шпаги,

когда они входят ко мнѣ въ темницу. Убѣдившись, что постель моя не будетъ болѣе подвергаться осмотру тюремщиковъ, я совершенно успокоился, потому-что въ постели-то и заключалось все дѣло.

„Однажды (день былъ праздничный) губернатору сдѣлалось хуже обыкновеннаго. Сумасшествіе его развивалось все сильнѣе и сильнѣе. Онъ безпрестанно повторялъ, что онъ летучая мышь, и что если Бенвенуто убѣжалъ, то это не бѣда, что онъ его поймаешь, потому-что ночью онъ ужь навѣрно полетитъ быстрѣе меня.

— „Бенвенуто, говорилъ губернаторъ:—не настоящая летучая мышь, а я такъ вотъ настоящая; а онъ—что за летучая мышь! совсѣмъ нѣтъ! я дѣйствительно летучая мышь! Мнѣ поручено смотрѣть за нимъ; вы меня только пустите, и я его какъ разъ нагоню.

„Припадки эти не уменьшались уже нѣсколько ночей сряду: губернаторскіе слуги измучились совершенно. Рѣшившись бѣжать въ этотъ праздникъ ночью, я прежде всего вознесъ усердную молитву милосердному Богу, прося послать мнѣ помощь въ этомъ опасномъ предпріятіи, — потомъ сталъ готовить все, что мнѣ было нужно.

„За два часа до разсвѣта снялъ я петли съ невозвѣрнымъ трудомъ, потому-что двери и задвижки представляли сильное сопротивленіе, такъ-что я принужденъ былъ разрѣзывать дерево. Наконецъ двери были отперты, и я вышелъ вонъ, забравъ съ собою холщевые бинты, которые намоталъ на два куска дерева, какъ наматываютъ нитки. Я отправился къ отхожимъ мѣстамъ, откуда легко взлѣзъ на крышу, сорвавъ двѣ черепицы. Привязавъ одинъ конецъ бинта крѣпко-на-

крѣпко, я вознесъ слѣдующую молитву Богу: „Господи, помоги мнѣ, ибо я самъ себѣ помогаю, ибо дѣло мое право, какъ это извѣстно Тебѣ, Всевѣдущему Владыкѣ“.

„Потомъ я сталъ тихонько спускаться, держась руками за бинтъ. Луна спряталась, но ночь была свѣтлая. Наконецъ я коснулся земли и въ радости сталъ смотрѣть на ужасную высоту, съ которой спустился съ такой отвагой. Какое радостное чувство овладѣло мною, когда я увидалъ себя на свободѣ! Но чувство это продолжалось не долго: по приказанію губернатора съ этой стороны замка построена была конюшня, и весь задній дворъ обнесенъ высокою стѣною. Входъ въ ограду былъ запертъ снаружи тяжелыми запорами. Радость смѣнилась отчаяніемъ. Ходя взадъ и впередъ по двору, я раздумывалъ о своемъ положеніи, какъ вдругъ наткнулся на длинную балку, покрытую соломой. Не безъ труда подставилъ я ее къ стѣнѣ и, хватаясь руками, взлѣзъ до верху; такъ какъ стѣна была зубчатая, то мнѣ невозможно было притащить балку къ себѣ. Я отрѣзалъ кусокъ бинта, привязалъ его къ балкѣ и такимъ образомъ спустился внизъ. Переправа эта была трудна и утомительна, руки всѣ были ободраны, по нимъ текла кровь. Собравшись съ силами сталъ я взбираться на послѣднюю ограду, выходившую со стороны Прати. Только что хотѣлъ я привязать бинтъ къ зубцу, какъ вдругъ увидалъ часового. Опасаясь быть пойманнымъ, а затѣмъ умерщвленнымъ, я рѣшился сдѣлать отчаянное нападеніе на солдата: замѣтивъ, что я иду прямо на него съ кинжаломъ въ рукѣ, онъ быстро удалился. Возвращаясь къ тому мѣсту, гдѣ я оставилъ бинты, увидалъ я другого человѣка, но онъ казалось не обра-

щаль на меня ни малѣйшаго вниманія. Привязавъ бинтъ, я сталъ спускаться. Думалъ ли я, что до земли уже не далеко, или руки мои потеряли всю силу, не знаю, только я выпустилъ бинтъ и упалъ; въ этомъ паденіи я сильно ударился головою и пролежалъ безъ чувствъ, какъ мнѣ кажется, часа полтора.

„На разсвѣтѣ пахнула на меня утренняя свѣжесть, предшествующая солнцу, и я опомнился, но память еще не возвратилась; мнѣ казалось, что мнѣ отрубили голову, и что я нахожусь въ чистилищѣ. Наконецъ мало-по-малу силы возвратились, и я увидалъ себя внѣ проклятаго замка. Тутъ я все припомнилъ. Осмотрѣвъ тѣло, я подумалъ, что нѣтъ ни одной тяжкой раны; но когда хотѣлъ привстать, то убѣдился, что правая нога раздроблена пальца на три выше пятки. Но я не унывалъ. Сдвинувъ, сколько могъ, разломленную кость, я перевязалъ ногу и на четверенькахъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, направился къ римскимъ воротамъ. Ворота были затворены; внизу лежалъ камень, который не казался мнѣ слишкомъ тяжелъ. Я попровалъ своротить его; камень подавался, я принатужился, камень откатился, и ворота открылись. Съ того мѣста, гдѣ я упалъ, до воротъ было шаговъ пятьсотъ.

„Не успѣлъ я проползти нѣсколько сажень, какъ на меня бросилось нѣсколько громадныхъ собакъ и одна изъ нихъ жестоко укусила меня. Проклятыя собаки отбѣгутъ не много и опять бросятся на меня. Я защищался кинжаломъ, наконецъ посчастливилось мнѣ одну изъ нихъ ранить пребольно: собака отскочила и подняла вой; другія собаки, какъ это обыкновенно бываетъ

бросились на раненую, а я поползъ безъ оглядки къ церкви Треспонтина.

„Потомъ я направился по дорогѣ къ св. Петру. Сдѣлалось совсѣмъ свѣтло; я могъ подвергнуться опасности. Вдругъ вижу, стоитъ водовозъ съ осломъ и ведрами.

„Я несчастный молодой человѣкъ, сказалъ я водовозу:—я переломилъ себѣ ногу, выскакивая изъ окошба, по поводу любовной интриги. Такъ какъ домъ, откуда я вышелъ, принадлежалъ важной особѣ, и такъ какъ меня могутъ изрубить въ куски, то прошу тебя, любезный, возьми меня на плечи, я дамъ тебѣ золотой эку. И я показалъ туго-набитый кошелекъ. Водовозъ тотчасъ взвалилъ меня на плечи и стащилъ къ лѣстницамъ св. Петра. Я далъ ему обѣщанную награду, и онъ отправился къ своему ослу. Но времени терять было невозможно и я ползъ, все на четверенькахъ, къ дворцу герцогини Маргариты, побочной дочери императора, вышедшей за-мужъ за Оттавіо, по смерти Александра, герцога Флоренціи, своего перваго супруга. Я зналъ, что найду тутъ друзей, пріѣхавшихъ изъ Флоренціи съ этою принцессой; она и сама была расположена ко мнѣ, благодаря губернатору замка. Въ самомъ дѣлѣ, губернаторъ сказалъ папѣ, что въ день въѣзда герцогини въ Римъ, я отвратилъ убытокъ слишкомъ на тысячу эку, который могъ причинить проливной дождь. Онъ разсказалъ, что, видя его отчаяніе, я утѣшалъ его и направилъ нѣсколько пушекъ въ ту сторону, гдѣ клубились самыя густыя облака, и что въ минуту, когда полилъ дождь, я выстрѣлилъ, и такъ успѣшно, что при четвертомъ выстрѣлѣ дождь пересталъ и показалось солнце, такъ-что я одинъ былъ при-

чиною тому, что празднество обошлось благополучно. Когда герцогиня узнала объ этомъ обстоятельствѣ, то она сказала: — „Бенвенуто изъ числа тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ любилъ мужъ мой, герцогъ Александръ. Я ихъ не забуду, когда случай представится имъ быть полезной“. Кромѣ того она говорила обо мнѣ герцогу Оттавіо, почему я и отправился прямо къ его свѣтлости герцогу, который жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ въ Борго-Веккіо. Я могъ быть увѣренъ, что папа не посмѣетъ употребить насиліе въ этомъ убѣжищѣ; но что я сдѣлалъ до сихъ поръ, было слишкомъ изумительно для человѣка. Однакожь, Богъ не попустилъ меня впасть въ гордость и для моего же блага. Ему угодно было осудить меня на новое испытаніе, строже перваго. Скоро увидятъ, какъ это случилось.

„Въ то время, какъ я ползъ по лѣстницамъ, меня увидалъ одинъ изъ слугъ кардинала Корнаро; онъ узналъ меня и побѣждалъ, чтобы разбудить своего господина.

— „Синьоръ, сказалъ онъ кардиналу:—вашъ Бенвенуто тамъ, внизу; онъ бѣжалъ изъ тюрьмы, тѣло его все облито кровью. У него вѣрно переломлена нога. Мы не знаемъ, куда идетъ онъ.

— „Бѣги скорѣй, сказалъ кардиналъ: — и принеси его сюда, въ мою комнату.

„Когда внесли, то кардиналъ сказалъ, чтобъ я ничего не боялся и онъ тотчасъ послалъ за искуснѣйшимъ во всемъ городѣ хирургомъ. Маэстро Джакомо не замедлил явиться; онъ удивительно соединилъ переломленную кость, перевязалъ ногу и самъ пустилъ мнѣ кровь.

„Кардиналъ помѣстилъ меня въ потайную комнату

и отправился во дворец просить папу возвратить мнѣ свободу.

„Между тѣмъ въ Римѣ сдѣлалась тревога: холстинныя тесьмы, развѣвавшіяся во всю длину главной башни замка, были замѣчены, и весь городъ сбѣжался смотреть на нихъ. Губернаторъ находился тогда въ самомъ сильномъ припадкѣ сумасшествія; онъ рвался изъ рукъ своихъ слугъ и хотѣлъ летѣть съ башни, увѣряя, что это единственное средство поймать меня. Мессеръ Роберто Пуччи, услыша эту новость, вышелъ изъ дому, чтобы собственными глазами въ ней удостовѣриться; потомъ онъ отправился во дворецъ, гдѣ встрѣтилъ кардинала Корнаро, который передалъ ему всѣ подробности моего бѣгства, и сказалъ, что раны мои перевязаны и что теперь я отдыхаю въ его домѣ. Эти достойные вельможи бросились къ ногамъ папы; но папа не далъ имъ произнести ни одного слова.

— „Я напередъ все знаю, что вы мнѣ хотите сказать завопилъ онъ.

— „Святѣйшій отецъ, сказалъ мессеръ Роберто Пуччи: — мы просимъ у васъ пощады несчастному челоувѣку, котораго таланты заслуживаютъ снисхожденія, и который обнаружилъ мужество и умъ почти сверхъестественные. Мы не знаемъ за какое преступленіе угодно было вашему святѣйшеству такъ долго держать его въ тюрьмѣ: если преступленіе это очень важно, — намъ извѣстны правосудіе и мудрость вашего святѣйшества, и да будетъ ваша воля; если же это такой проступокъ, который можно ему извинить, — то простите его для насъ.

— „Я его держалъ въ тюрьмѣ, отвѣчалъ пана съ за-

иъшательствомъ: — по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ придворныхъ, съ которыми онъ былъ нѣсколько дерзокъ. Но зная его талантъ и желая удержать его при себѣ, мы рѣшились осыпать его такими милостями, которыя отнимуть у него всякое желаніе уѣхать во Францію. Мнѣ самому очень жаль, что онъ подвергся этой неприятности. Скажите ему, чтобы онъ постарался скорѣе вылечиться, а когда будетъ здоровъ, мы вознаградимъ его за всѣ его страданія.

„Добрые мои покровители тотчасъ же передали мнѣ эту пріятную новость.

„Римскіе вельможи, молодые и старые, и люди всѣхъ состояній приходили освѣдомляться о моемъ здоровьи. Начальникъ тюрьмы, мессеръ Джорджіо Полини, несмотря на свое сумасшествіе, велѣлъ отнести себя къ папѣ и объявилъ, что его святѣйшество нанесетъ ему самую жестокую обиду, если не посадитъ меня снова въ тюрьму.

— „Боже мой! говорилъ онъ: — онъ убѣждалъ, несмотря на честное слово, которое далъ мнѣ! Онъ обѣщаль мнѣ не улетать—и улетѣлъ!

— „Перестаньте, перестаньте, отвѣчалъ папа со смѣхомъ: — я возвращу вамъ его, будьте увѣрены.

— „Ваше святѣйшество, продолжалъ мессеръ Джорджіо,—прикажите губернатору Рима спросить у Бенвенуто, кто помогалъ ему въ бѣгствѣ; если это одинъ изъ моихъ людей, то я повѣшу его на томъ самомъ зубцѣ, съ котораго Бенвенуто спустился.

„Когда мессеръ Джорджіо удалился, папа велѣлъ позвать губернатора Рима и сказалъ ему съ улыбкою:

— „Этотъ Бенвенуто молодецъ и его подвигу нельзя

не удивляться. Ступайте и скажите Бенвенуто, чтобы онъ откровенно объявилъ, кто ему помогаль? мнѣ рѣшительно все равно, кто бы ни былъ, потому-что я его простилъ: вы можете въ этомъ смѣло увѣрить Бенвенуто.

„Губернаторъ, за два дня передъ тѣмъ сдѣланный епископомъ джезскимъ, навѣстилъ меня. Я рассказалъ ему свое приключеніе отъ начала до конца, не пропуская ничего, не забылъ даже водовоза. Возвратясь во дворецъ онъ передалъ его святѣйшеству то, что я рассказалъ. Синьоръ Піетро Луиджи, сынъ папы, присутствовалъ при этомъ. Всѣ слушатели приходили въ неописанное удивленіе.—„Дѣйствительно, вскричалъ папа:— это удивительная исторія!“ При этихъ словахъ, синьоръ Піетро Луиджи подошелъ къ папѣ и сказалъ: „— Святѣйшій отецъ, если вы освободите Бенвенуто, то онъ надѣлаетъ вамъ еще болѣе удивительныхъ исторій: этотъ человѣкъ слишкомъ дерзокъ. Я вамъ расскажу сейчасъ еще одинъ изъ его подвиговъ, котораго вы не знаете. Бенвенуто передъ тѣмъ, какъ его заключили въ тюрьму, поссорился съ однимъ изъ придворныхъ кардинала Санта-Фіоре изъ-за какой-то бездѣлицы; онъ простеръ свою дерзость до того, что вызвалъ на дуэль своего противника. А противникъ увѣдомилъ объ этомъ кардинала. Кардиналъ поклялся, что самъ возьмется за это дѣло и образумить безумца. Бенвенуто, узнавъ это, приготовилъ штуцеръ; изъ котораго не даетъ промаха по копейкѣ; когда кардиналъ сѣлъ около огня, онъ схватилъ ружье и прицѣлился въ его преосвященство изъ своей лавки, находящейся по сосѣдству съ дворцомъ. Къ счастью, кардиналъ былъ предостереженъ во-

время и успѣлъ отойти. Бенвенуто, чтобы удалить отъ себя подозрѣнiе, выстрѣлилъ въ голубя, который сидѣлъ на яйцахъ въ трещинѣ, на верху дворца, и (трудно повѣрить) раздробилъ ему голову. Ваше святѣйшество вправѣ поступить съ нимъ, какъ вамъ угодно; я по-крайней-мѣрѣ сдѣлалъ свое дѣло: предупредилъ васъ. Бенвенуто, убѣжденный въ томъ, что былъ посаженъ въ тюрьму несправедливо, можетъ быть вздумаетъ выстрѣлить и въ ваше святѣйшество. Этотъ человѣкъ не знаетъ никакихъ препятствiй, никакого страха.... Онъ убилъ Помпео, пронзивъ ему горло двумя ударами кинжала, въ присутствiи десяти человѣкъ, сопровождавшихъ его, и скрылся, къ стыду этихъ людей. Между тѣмъ всѣ они были не трусливаго десятка.“ Придворный кардинала Санта-Фіоре, съ которымъ я поссорился, находился тутъ же. Онъ подтвердилъ передъ папою все, что синьоръ Пиетро Луиджи рассказалъ его святѣйшеству. Папа, въ досадѣ и ярости, размышлялъ о томъ, что сказалъ ему его сынъ. Два дня спустя кардиналъ Корнаро просилъ у его святѣйшества епископства, которое онъ обѣщалъ одному изъ его дворянъ, по имени Андреа Ченгано. Въ это время открылась вакансія, и кардиналъ напомнилъ папѣ объ его обѣщанiи. Павелъ III не отказался отъ своего обѣщанiя и объявилъ, что съ охотою его исполнить, если кардиналу угодно будетъ сдѣлать ему одно удовольствiе — отдать въ его руки Бенвенуто.

„Кардиналъ отвѣчалъ ему:—„ваше святѣйшество, вы простили Бенвенуто и отдали его мнѣ; что послѣ этого будетъ говорить свѣтъ о вашемъ святѣйшествѣ и обо мнѣ?“

„Я хочу Бенвенуто, а вы хотите епископство, — а свѣтъ пускай говорить все, что хочеть, возразилъ папа.“

Добрый кардиналь попросилъ папу дать ему епископство и предоставилъ его святѣйшеству дѣлать все, что ему угодно. Папа, стыдясь нѣсколько, что такъ низко нарушаетъ свое слово, прибавилъ; „я пошлю за Бенвенуто и велю помѣстить его въ нижнемъ этажѣ, въ комнатахъ, которыя выходятъ въ мой садъ: это послужить мнѣ удовлетвореніемъ. Тамъ онъ можетъ лечиться и видѣть всѣхъ своихъ друзей. Я принимаю даже всѣ издержки на его содержание.“

„Кардиналь возвратился домой и прислалъ ко мнѣ того самого дворянина, которому было обѣщано епископство, сказать мнѣ волю папы. Я поручилъ мессеру Андреа попросить кардинала не выдавать меня папѣ и предоставить мнѣ самому выйти изъ этого затруднительнаго положенія. — Я велю запрятать себя въ тюфякъ и отнести изъ Рима въ безопасное мѣсто, прибавилъ я: — а выдать меня папѣ, значитъ осудить на вѣрную смерть. — Кардиналь вѣроятно согласился бы на мою просьбу; но мессеръ Андреа, который домогался епископства, донесъ на меня. Папа тотчасъ же прислалъ за мною и велѣлъ помѣстить меня въ одной изъ комнатъ, выходящихъ въ потаенный садъ. Кардиналь прислалъ мнѣ сказать, чтобы я ничего не ѣлъ со стола папы, что онъ самъ будетъ доставлять мнѣ пищу, что онъ жалѣеть, что не могъ поступить иначе. совѣтовалъ мнѣ не терять мужества и обѣщалъ сдѣлать все, чтобы возвратить мнѣ наконецъ свободу. Итакъ я не употреблялъ тѣхъ кушаній, которыя мнѣ прислалъ папа, и ѣлъ только то, что доставлялъ кардиналь.“

Нѣкоторое время Челлини содержался хорошо, но потомъ его перевели въ другую тюрьму и, наконецъ, въ замокъ св. Ангела.

„Губернаторъ, несмотря на свою болѣзнь, велѣлъ принести себя ко мнѣ. „Ну, вотъ видишь, я—таки поймалъ тебя!“ сказалъ онъ мнѣ. „Да, отвѣчалъ я: — „но и ты видѣлъ, что я сдержалъ свое обѣщаніе—убѣждалъ отъ тебя. Тебѣ бы меня никогда не захватить, если бы меня не продалъ за епископство кардиналъ Венеціи римскому папѣ—Фарнезе. Дѣлай же со мной все что хочешь, я ничего не боюсь“. Услыша это, бѣднякъ заоралъ во все горло: „Для него равно—жить или умереть! когда онъ былъ здоровъ, то не былъ такъ дерзокъ. Посадите же его въ тюрьму подъ садомъ!“

„Меня перенесли въ мрачную темницу, находившуюся подъ садомъ, наполненную водой, тарантулами и другими ядовитыми насѣкомыми. Тамъ положили мнѣ маленькій матрацъ, набитый паклею, и заперли дверь четырьмя задвижками; вѣсть не дали. Въ такомъ положеніи я оставался до девятнадцатаго часу слѣдующаго дня. Въ это время мнѣ принесли обѣдъ. Я попросилъ у тюремщиковъ какихъ—нибудь книгъ; они ничего не отвѣчали, но увѣдомили объ этомъ больного губернатора, который хотѣлъ знать все, что я буду говорить. На другой день поутру мнѣ принесли Библию и хроники Джовани Виллани. Когда я сталъ просить у нихъ другихъ книгъ, то мнѣ отвѣчали, что и этихъ много. Грустно проводилъ я время, лежа на гниломъ матрацѣ. Черезъ нѣсколько дней все пропиталось сыростью. Моя сломанная нога требовала совершеннаго покоя, а я принужденъ былъ въ ужасныхъ мученіяхъ ползать на

четверенькахъ, когда, побуждаемый нуждою, слѣзаль съ постели, чтобы не марать ея. Каждый день часа на полтора слабый лучъ свѣта прокрадывался въ эту ненавистную тюрьму черезъ узкое отверстіе. Я могъ читать только въ это короткое время. Остальную часть дня и ночи я проводилъ въ совершенной темнотѣ, безпрестанно помышляя о Богѣ и о ничтожествѣ человѣка. Я былъ увѣренъ, что мое жалкое существованіе скоро прекратится въ этомъ подземельи.

„Я сталъ прилежно читать Библію и благоговѣнно размышлять надъ ней. Она до такой степени меня воодушевляла, что я читалъ бы ее, если бы могъ, безконечно; но когда свѣтъ умиралъ въ моей темницѣ, всѣ страданія возобновлялись еще сильнѣе, еще чувствительнѣе: они повергали меня въ совершенное отчаяніе, такъ что не разъ я рѣшался умертвить себя. Привести это намѣреніе въ исполненіе было трудно, потому—что мнѣ не давали ножей.

„Осматривая тюрьму, я замѣтилъ нѣсколько кусковъ кирпичу, размокшаго отъ сырости. Я растеръ ихъ и составилъ изъ этого родъ чернилъ. Потомъ доползъ на рукахъ и ногахъ до двери и послѣ большихъ усилій оторвалъ отъ нея зубами небольшую лучинку. Сдѣлавъ это, я сталъ дожидаться минуты, въ которую свѣтъ проникалъ въ мою тюрьму: онъ доходилъ до меня въ двадцать часовъ съ половиною и свѣтилъ въ продолженіи часа; я написалъ тогда на чистыхъ страницахъ моей Библии разговоръ, въ которомъ тѣло упрекало душу въ желаніи разстаться съ жизнію; душа оправдывалась своими страданіями, тѣло воодушевляло ее надеждою на лучшую участь.

„Почерпнувъ въ самомъ себѣ эти утѣшенія, я сталъ снова крѣпокъ духомъ и продолжалъ чтеніе Библии. Я до того пріучилъ свои глаза къ темнотѣ, что могъ читать въ продолженіи трехъ часовъ вмѣсто полутора часа.“

„Ногти мои между тѣмъ сдѣлались такъ велики, что причиняли мнѣ сильную боль; когда я дотрогивался до тѣла, они разрывали кожу; когда я одѣвался, они гнулись во всѣ стороны и заставляли меня жестоко страдать. Кромѣ того, зубы мои совершенно испортились: крѣпкіе зубы тѣснили слабыхъ, которые въ свою очередь пробивались черезъ десна, отчего корни ихъ выходили изъ ячеекъ. Я вынималъ ихъ какъ изъ футляра, не чувствуя никакой боли и безъ малѣйшаго признака крови. Такъ потерялъ я нѣсколько зубовъ. Впрочемъ я свыкъся и съ этими новыми страданіями. Я то пѣлъ, то молился, то писалъ при помощи растертаго кирпича, о которомъ я говорилъ выше.“

Въ этомъ заключеніи Бенвенуто пробылъ четыре мѣсяца; между тѣмъ французскій посланникъ, Монлюкъ, продолжалъ настоятельно требовать Челлини для Франциска; но папа вовсе не былъ расположенъ освободить его, наконецъ прибылъ изъ Франціи въ Римъ кардиналъ Феррары и явился къ папѣ, который удержалъ его у себя до самого ужина. Папѣ хотѣлось поговорить съ кардиналомъ о Франціи на свободѣ: онъ зналъ, что за столомъ говорятся такія вещи, которыхъ нигдѣ болѣе не услышишь.

„Кардиналъ, зная совершенно характеръ и великолѣпную жизнь короля Франциска I, такъ умѣлъ занять и позабавить папу, что превзошелъ его ожиданія: папа

былъ въ чудесномъ расположеніи духа, тѣмъ болѣе, что въ этотъ самый день онъ имѣлъ обыкновеніе напиваться пьянымъ, послѣ чего его всегда тошнило. Кардиналь, замѣтя, что его святѣйшество былъ расположенъ къ милости, началъ съ жаромъ просить за меня отъ имени короля и объявилъ папѣ, что его величеству очень бы хотѣлось имѣть меня при себѣ. Папа, находясь совершенно подъ вліяніемъ вина и чувствуя, что его начинаетъ тошнить, сказалъ кардиналу съ громкимъ смѣхомъ:

„Ну, хорошо, хорошо, возьмите его къ себѣ, не теряя ни минуты.

„Потомъ онъ отдалъ нужныя для этого приказанія и всталъ изъ-за стола. Кардиналь прислалъ за мною прежде, чѣмъ узналъ объ этомъ синьоръ Піетро Луиджи, который никакъ бы не выпустилъ меня изъ тюрьмы. Около четырехъ часовъ ночи двое дворянъ, изъ придворныхъ кардинала, пришли за мной и проводили меня къ его преосвященству. Кардиналь принялъ меня очень ласково и отвелъ мнѣ въ своемъ дворцѣ помѣщеніе, гдѣ я нашелъ всѣ удобства.“

Марія Стюартъ.

(1568 г.)

Кто не знаетъ судьбу этой несчастной шотландской королевы, кончившей жизнь на эшафотѣ послѣ 18-ти лѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, куда посадила ее англійская королева Елизавета, у которой Марія думала найти защиту? Мы расскажем только одинъ эпизодъ изъ ея бурной жизни, напомнимъ въ общихъ чертахъ поводы къ нему. Она родилась въ 1542 г. отъ шотландскаго короля Якова V и Маріи Лотарингской; спустя нѣсколько дней послѣ ея рожденія, Яковъ V умеръ; Марія тотчасъ же была провозглашена королевою подъ опекою матери своей. Въ 1558 г. она вступила въ бракъ съ дофиномъ Франціи, который въ слѣдующемъ году сдѣлался французскимъ королемъ подъ именемъ Франциска II; но этотъ король, 18 мѣсяцевъ спустя послѣ своей женитьбы, умеръ и Марія возвратилась въ Шотландію. Будучи строгой католичкой, она навлекла на себя общее неудовольствіе страны, которая приняла протестанство. Это неудовольствіе увеличивалось благодаря той жизни, которую вела Марія. Влюбившись въ кузена своего Дарнлея, человѣка совершенно пустаго, но красиваго, она вышла за него замужъ; бракъ этотъ не былъ счастливъ и Марія обратила благосклонное вниманіе на одного итальянца, Давида Риччіо, который сдѣлался ея любовникомъ. Дарнлей изъ ревности убилъ его и затѣмъ самъ погибъ, ужаснымъ образомъ: убіицы,

съ помощью поддѣльныхъ ключей, пробрались въ комнату короля; услышавъ шумъ, Дарнлей набросилъ на себя шубу и соскочилъ съ кровати, чтобъ спастись бѣгствомъ; но убійцы схватили его и задушили; такимъ же образомъ былъ убитъ и его молодой пажъ. Въ этомъ преступленіи обвиняли совершенно справедливо графа Ботвеля; участіе въ немъ королевы было несомнѣнно. Марія хотѣла отдѣлаться отъ мужа и вступить въ бракъ съ Ботвелемъ, котораго она любила. И любовь эта была такъ сильна, что бракъ былъ заключенъ спустя три мѣсяца послѣ убійства Дарнлея и весьма естественно возбудилъ сильное негодованіе въ странѣ. Шотландскіе лорды возстали и разбили войска ея, которыми предводительствовалъ Ботвель. Пораженіе было полное, такъ что королева не могла даже спастись бѣгствомъ. Въ этой крайности, она рѣшилась разстаться съ Ботвелемъ и предложила лордамъ эту мѣру, если только они покланутся въ вѣрности ей. Лорды обѣщали, но не сдержали своего слова.

Она, рассказываетъ Минье, сдѣлалась плѣнницею лордовъ, которые привезли ее въ Эдинбургъ. Предшествуемая знаменемъ, изображавшимъ умерщвленіе короля, она вѣхала въ столицу въ десять часовъ вечера, и собравшіеся жители встрѣчали и провожали ее проклятіями. Ее помѣстили у городского старшины, не допустивъ къ ней даже прислужницъ ея. Она не хотѣла принимать никакой пищи, хотя не ѣла цѣлые сутки, и была въ отчаяніи. Въ эту самую ночь, открывъ окно своей комнаты стала призывать къ себѣ на помощь. Никто не явился; за то на другой день утромъ съ улицы подняли на равнѣ съ окномъ ея знамя, изо-

бравшее печальное лицо ея мертваго мужа и фигуру сына, просящаго о мщеніи. При этомъ зрѣлищѣ, потерявшаяся, видѣ себя, она, не одѣтая, съ распущенными волосами, какъ безумная, бросилась къ окну, испуская крики и умоляя народъ именемъ Божиимъ вырвать ее изъ рукъ угнетавшихъ ее мучителей. „Никто, говорить свидѣтель этой раздирающей сцены не могъ смотрѣть на нее безъ состраданія.“

Лорды, боясь народнаго непостоянства и волненій, отправились къ огорченной Маріи Стюартъ; чтобы успокоить ее, они подали ей надежду, что она будетъ выпущена на свободу и помѣщена въ своемъ дворцѣ Голирудъ. Но ихъ намѣренія были не таковы. Непреодолимая привязанность къ Ботвелю, котораго она не забывала внушала лордамъ живѣйшія опасенія. Если вѣрять Мельвилю, они имѣли въ своихъ рукахъ письмо, написанное ею къ Ботвелю, въ которомъ она называла его: *мое милое сердце*; это письмо она вручила одному изъ приставленныхъ къ ней стражей, и обѣщала наградить деньгами, если онъ доставитъ его въ Денбаръ, куда удалился Ботвель. Она говорила въ этомъ письмѣ, что никогда не оставитъ Ботвеля; что принуждена теперь только на время разлучиться съ нимъ, для того чтобы защитить его отъ опасностей, которыя ему грозили; она просила его утѣшиться и быть осторожнымъ. Тѣ же чувства къ Ботвелю она выразила съ самымъ пламеннымъ увлеченіемъ, говоря въ тотъ же день съ Летингтономъ. Она съ горечью упрекала лордовъ за то, что они разлучили ее съ мужемъ, съ которымъ она была бы счастлива, если бы могла *жить и умереть вмѣстѣ*; она просила при этомъ, чтобы

ихъ обоихъ посадили на корабль и пустили бы на произволь судьбы. Такая упорная страсть Маріи Стюартъ къ Ботвелю, увѣренность союзниковъ въ томъ, что она захочетъ опять соединиться съ нимъ и возобновить войну, какъ только получить свободу, и ея угрозы по восстановленіи своей власти *перевышать и распять союзныхъ лордовъ*, заставили послѣднихъ забыть о состраданіи, и окончательно сдѣлали ея положеніе безнадежнымъ. Они рѣшились заключить и низложить ее.

Въ восемь часовъ вечера изъ дома градоначальника ее перевели во дворецъ Голирудъ. Она шла пѣшкомъ въ сопровожденіи фрейлинь, подъ конвоемъ изъ трехъ сотъ стрѣлковъ. Послѣ этого собрался совѣтъ, и лорды рѣшились прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Ими составленъ былъ обвинительный актъ, въ которомъ они изложили все, происшедшее послѣ *позорнаго и ужаснаго умерщвленія короля* и послѣ *безнравственнаго и постыднаго* замужества королевы съ графомъ Ботвелемъ, *который былъ главнымъ убійцею*; тутъ была указана необходимость, заставившая дворянство поднять оружіе во имя мести за это преступленіе, въ защиту жизни наследнаго принца и для избѣжанія собственной гибели и совершеннаго разрушенія. Далѣе въ этомъ актѣ говорилось: „Показавъ ея величеству ея собственное положеніе, жалкое состояніе государства и опасность, въ которой находился драгоцѣнный принцъ, сынъ ея; испросивъ у нея согласіе и приказаніе наказать убійцъ,—мы встрѣтили въ ней упорное сопротивленіе въ этомъ отношеніи, изъ котораго и явствуетъ, что она поддерживаетъ сказаннаго Ботвеля и соучастниковъ его злодѣяній, и что если ея величество сохранить въ своихъ

рукахъ правленіе государствомъ, то снова отдастся своей неприличной страсти, которая приведетъ ее къ окончательному разстройству и гибели всего королевства. Въ слѣдствіе этого, по зрѣломъ размышленіи и съ общаго согласія, мы нашли приличнымъ и необходимымъ воспретить ея величеству всякія сношенія со сказаннымъ графомъ Ботвелемъ, и удалить ее отъ всѣхъ, кто можетъ найти средства избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Находя замокъ Лочлинъ самымъ приличнымъ и самымъ удобнымъ жилищемъ для ея величества, мы предписываемъ и повелѣваемъ, дабы Патрикъ лордъ Линдсэй-Вайрсъ, Уильямъ лордъ Рутвенъ и Уильямъ Дугласъ Лочлинъ, проводили туда особу ея величества, заключили ее тамъ въ безопасности, не дозволяя ей никуда выходить и не допуская имѣть сношенія съ кѣмъ бы то ни было, или пересылать извѣщенія или приказанія къ кому бы то ни было, иначе, какъ только въ ихъ присутствіи, или черезъ нихъ и черезъ членовъ Эдинбургскаго совѣта. Они отвѣчаютъ передъ Богомъ. Этотъ актъ они имѣютъ считать своимъ уполномочіемъ.“

Во исполненіе этого указа, несчастная Марія, въ ночь на 17 іюня, была исторгнута изъ дворца своихъ предковъ, и на скверной лошаденкѣ, подъ присмотромъ суровыхъ Линдсэя и Рутвена, отвезена въ замокъ Лочлинъ. Этотъ замокъ, по своему неприступному и совершенно уединенному мѣстоположенію, соотвѣтствовалъ цѣлямъ союзниковъ. Онъ находился среди озера, окружавшаго его со всѣхъ сторонъ на полмили въ окружности. Онъ принадлежалъ Уильяму Дугласу, брату Муррэя по матери. Плѣнная королева была помѣщена здѣсь подъ надзоромъ женщины, ненавидѣвшей

ее; это была Маргарита Эркинъ, мать Уильяма Дугласа, нѣкогда любовница короля Якова V. Когда-то красавица, теперь старуха, но по прежнему высоко-мѣрная и гордая, — владѣлица Лочлина имѣла, отъ отца Маріи Стюартъ, сына (Муррея), который, по ея мнѣнію, былъ законнымъ наслѣдникомъ шотландскаго престола. Она была дочь лорда Эркина, но при существовавшемъ въ то время развращеніи нравовъ въ Шотландіи, считала себя законною женою короля и вслѣдствіе этого смотрѣла на Марію Лотарингскую какъ на свою соперницу, отнявшую у нея сердце Якова V, а на Марію Стюартъ — какъ на причину, по которой Муррэй былъ лишенъ принадлежавшаго ему сана и наслѣдства. Съ воспоминаніями оскорбленной гордости и обманутаго честолюбія она соединяла въ себѣ дикія увлеченія фанатической набожности. Она была ревностной пресвитеріанкой, характеръ ея, вѣрованія, родство, ненависть, дѣлали изъ нея самую благонадежную охранительницу плѣнной королевы.

Заточеніе королевы собственными подданными было происшествіемъ необыкновеннымъ, даже въ этотъ вѣкъ междоусобныхъ войнъ и религіозныхъ переворотовъ. Возстаніе противъ власти рѣдко доходило до такой степени, чтобы подвергать заточенію лицо, считавшееся священнымъ хранителемъ ея. Однакоже, не смотря на свою необычайность, этотъ смѣлый поступокъ не встрѣтилъ въ Шотландіи ни сильнаго порицанія, ни серьезнаго сопротивленія. Странное, безразсудное, предосудительное поведеніе Маріи Стюартъ отняло у нея всѣхъ приверженцевъ. Смерть Дарнлея и бракъ съ Ботвелемъ, погубили ея доброе имя; безграничная привязанность

ея въ этому убійцѣ и ссыльному, уничтожила всякую возможность примиренія между нею и союзными лордами. Угнетаемая своими торжествующими противниками, она не получала дѣйствительной помощи отъ уstraшенныхъ приверженцевъ своихъ. Хотя послѣдніе и собрались въ Дэмбартонѣ какъ бы для изысканія средствъ къ ея освобожденію, однакоже не только не предпринимали ничего въ ея пользу, но даже и сами готовы были измѣнить ей. И такъ она была покинута всѣми въ своемъ государствѣ; лорды заставили ее подписать отреченіе въ пользу сына ея, котораго немедленно провозгласили королемъ, а регентомъ избрали побочнаго брата Маріи, Муррея.

За плѣнницею наблюдали очень строго, опасаясь, чтобы она не вздумала обратиться къ иностраннымъ государямъ съ просьбою о помощи, или чтобы не устроила, при пособіи оставшихся еще у нея въ Шотландіи друзей, своего бѣгства. Она могла писать только во время ѣды и сна своихъ стражей, дочери которыхъ даже спали возлѣ нея. Но всѣ эти предосторожности оказались неудовлетворительными. Ея красота и несчастія оказывали могущественное вліяніе на всѣхъ, кто только приближался къ ней. Одинъ изъ сыновей Маргариты Эрскинъ, Джорджъ Дугласъ, единоутробный братъ регента, позволилъ себѣ увлечься ея красотой и тронуться ея скорбью. Плѣненный очаровательной плѣнницей, которая вовсе не разрушала его надеждъ, онъ рѣшился освободить ее. Въ первый разъ, обманувъ бдительность своей матери, онъ доставилъ Маріи Стюартъ случай выйти изъ замка въ одеждѣ прачки, приносившей ему бѣлье въ Лочлинъ. Узница, переодѣтая

такимъ образомъ, прошла неузнанною. Она сѣла въ лодку, которая должна была перевезти ее на другой берегъ, гдѣ ее ожидали Джорджъ Дугласъ и двое другихъ приверженцевъ. Она считала себя спасенною. Но среди переѣзда одинъ лодочникъ, принимая ее за ту, кѣмъ она казалась, подсѣлъ къ ней и, въ видѣ шутки, хотѣлъ поднять ея вуаль; Марія быстро подняла руку, чтобы не показать своего лица, и лодочникъ, замѣтивъ эту прекрасную бѣлую руку, сейчасъ же догадался, что онъ везетъ королеву. Открытая такимъ образомъ, Марія не потеряла присутствія духа; она приказала гребцамъ, подъ страхомъ смерти, высадить ее на другой берегъ, но они, боясь строгости лорда Лочлина больше, чѣмъ угрозъ королевы, лишенной власти, отвезли ее обратно въ крѣпость.

Послѣ этой неудачной попытки, 25 марта, Джорджъ Дугласъ бѣжалъ изъ замка, но не удалялся изъ окрестностей озера. Плѣнница почти отчаявалась въ своемъ освобожденіи, которое, однако, было близко.

Джорджъ Дугласъ, рѣшившійся служить ей съ преданностью столько же изобрѣтательною сколько страстною, не переставалъ пріискивать средства къ возвращенію ей свободы. Оставаясь очень близко отъ Лочлина, онъ завелъ сношенія съ пажемъ своей матери, котораго звали маленькимъ Дугласомъ. При помощи этого шестнадцатилѣтняго пажа ему удалось устроить бѣгство королевы, которую извѣщенные имъ Ситоны и Гамильтоны, готовы были принять по выходѣ ея изъ замка. Воскресенье, 2 мая, было днемъ, избраннымъ для этого вторичнаго бѣгства, задуманнаго лучше, чѣмъ первое, и увѣнчавшагося большимъ успѣхомъ.

Жители Лочлина, громъ королевы, обѣдали и ужинали обыкновенно всѣ вмѣстѣ. Въ это время ворота замка были заперты и ключи отъ нихъ лежали на столѣ, подле владѣльца. За ужиномъ, маленькій Дугласъ, поставивъ передъ лордомъ блюдо, ловко утащилъ ключи, которые закрылъ прежде салфеткой. Не медля ни минуты, онъ побѣжалъ извѣстить и взять съ собою королеву, преслѣдовавшую за нимъ въ одеждѣ одной изъ своихъ прислужницъ. Они безпрепятственно вышли изъ замка, и молодой пажъ заперъ за собою ворота, чтобы помѣшать всякому преслѣдованію. Когда королева съла вмѣстѣ съ нимъ въ маленькій челнокъ, онъ поспѣшно отчалилъ его и, усердно гребя веслами, успѣлъ счастливо высадить ее на противоположный берегъ озера, гдѣ ихъ ожидалъ Джорджъ Дугласъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ присоединился лордъ Ситонъ, находившійся съ своими людьми въ сосѣдней деревнѣ. Обладая уже свободой и надѣясь скоро возвратить свою власть, Марія легко и весело вскочила на лошадь, и поскакала по направленію на западъ. Она остановилась только въ Ниддри, мѣстопребываніи Ситоновъ. Отдохнувъ здѣсь три часа, она продолжала путь до крѣпкаго замка Гамильтонъ, гдѣ ее приняли архіепископъ Сентъ-Андре и лордъ Клавдій, выѣхавшій къ ней на встрѣчу съ пятьюдесятью всадниками.

Извѣстіе объ ея освобожденіи быстро распространилось. Всѣ, кто прежде поддерживалъ ее, кого состраданіе къ ея бѣдствіямъ заставляло забывать о ея прежнихъ заблужденіяхъ, кто былъ недоволенъ строгимъ и высококомѣрнымъ управленіемъ Муррея, всѣ собрались вокругъ нея. Большая часть дворянства приняла ея сторону. Вспомнивъ о

своемъ отреченіи, она объявила его недѣйствительнымъ, потому что оно было вынуждено у нея насильно, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожила всѣ дѣйствія, совершенныя Мурреемъ во время регентства, какъ носившія печать измѣны. Марія не была ослѣплена этимъ возвратомъ счастія. Она предпочитала примиреніе съ противниками борьбѣ съ ними, понимая очень хорошо, что торжество оружія не только сомнительно, но даже можетъ быть еще опасно. Побѣжденная она снова попадетъ въ руки грознаго регента, побѣдившая она останется въ зависимости отъ Гамильтоновъ, которые питали надежду женить на ней одного изъ членовъ своей фамиліи и управлять отъ ея имени. Поэтому она хотѣла лучше, если бы представилась возможность, примирить партіи, и при ихъ взаимной враждѣ не подчиняться ни одной изъ нихъ. Она предложила Муррѳю заключить миръ, но онъ собралъ войско и принудилъ Марію бѣжать въ Англію, гдѣ она и нашла себѣ смерть.

Комонъ де-ла-Форсъ.

(1572 г.).

Въ Вареоломеевскую ночь *), въ ту минуту, когда убійцы проникли въ улицу Сены, братъ жившаго въ этомъ кварталѣ дворянина де-ла-Форсъ убѣждалъ его бѣжать вмѣстѣ съ нимъ и съ нѣсколькими другими протестантскими дворянами. Но де-ла-Форсъ не пожелалъ покинуть своего старшаго сына, который, едва оправившись отъ болѣзни, не могъ за нимъ слѣдовать. Де-ла-Форсъ заперся въ домѣ съ своими двумя дѣтьми и вскорѣ былъ окруженъ солдатами, пришедшими его убить. Онъ предложилъ начальнику этихъ негодяевъ двѣ тысячи экю выкупа и его вмѣстѣ съ дѣтьми отвели въ улицу Petits-Champs, гдѣ ихъ помѣстили въ одномъ домѣ, подъ надзоромъ двухъ швейцарцевъ, взявъ съ де-ла-Форса слово, что ни самъ онъ, ни его дѣти не будутъ искать случая къ бѣгству. Несчастный отецъ, вѣрный своему слову, отказался отъ средствъ къ спасенію, которыя предлагали ему сторожа, и не согласился даже отослать въ безопасное мѣсто своего старшаго сына.

---

*) Подъ этимъ названіемъ извѣстно избіеніе протестантовъ (гугенотовъ), произведенное во всей Франціи 24 августа 1572 г., по приказанію короля Карла IX и матери его Катерины Медичи. Католики, напавъ на беззащитныхъ протестантовъ ночью, безжалостно вырѣзали ихъ многія тысячи.

„На слѣдующее утро, рассказываетъ Де-ла-Форсъ, къ намъ явился графъ Кокона, въ сопровожденіи сорока или пятидесяти швейцарскихъ и французскихъ солдатъ, и сказалъ:

„— Меня прислалъ къ вамъ его высочество, братъ короля; узнавъ, что вы въ плѣну, онъ желаетъ говорить съ вами.

„Его видъ и обращеніе ясно говорили о его намѣреніяхъ; видя, что узники поправляютъ свой костюмъ и надѣваютъ шляпы, онъ прибавилъ, что всѣ эти церемоніи излишни и чтобы они поспѣшили. Съ нихъ сорвали плащи и шляпы и несчастные поняли, что ихъ ведутъ на казнь.

Де-ла-Форсъ замѣтилъ солдатамъ, что они ведутъ ихъ не въ Лувръ, а на бойню, и горько жаловался на это нарушеніе даннаго ему слова, увѣряя, что деньги, обѣщанныя имъ за выкупъ, у него готовы.

„Кокона вывелъ ихъ изъ дома, каждого между двухъ солдатъ, и повелъ на казнь.

„Отецъ шелъ впереди, за нимъ старшій сынъ, а позади младшій. Пройдя улицу Petits Champs до вала, солдаты крикнули: „Бей ихъ!“ и старшій изъ сыновей упалъ первый отъ нѣсколькихъ ударовъ кинжаломъ.

„О, Боже! умираю! вскричалъ онъ, падая. Отецъ обернулся къ сыну и въ ту же минуту былъ пронзенъ кинжалами. Младшій сынъ, облитый кровью, но по какому-то чуду не получившій ни одной раны, также вскричалъ: „Умираю!“ и упалъ между отцомъ и братомъ, которымъ, уже лежащимъ, нанесено было еще нѣсколько ударовъ, тогда какъ младшій не получилъ даже ни одной царапины. Судьба такъ хранила его,

что убійцы, даже раздѣвъ свои жертвы и, оставивъ ихъ безъ рубахъ, не замѣтили, что на молодомъ чловѣкѣ не было ни одной раны.

„Полагая, что они съ ними покончили, солдаты удалились, произнеся: „Покончили всѣхъ троихъ!“

„Но если тѣло молодого Комона Де-ла-Форсъ не было поражено, за то душа его была поражена жестоко. Онъ рассказывалъ потомъ, что агонія его отца длилась долго и онъ слышалъ его стоны. Можно себѣ представить его положеніе, когда онъ принужденъ былъ лежать между убитыми отцомъ и братомъ и слушать ихъ стоны, какъ ножомъ, поражавшіе сердце!

„Онъ пролежалъ такимъ образомъ, совершенно нагой, до четырехъ часовъ вечера, когда, наконецъ, изъ сосѣднихъ домовъ вышли люди; движимые любопытствомъ или желаніемъ попользоваться добычею, уцѣлѣвшею отъ палачей, они подошли осмотрѣть трупы. Между этими людьми былъ маркеръ изъ улицы Верделе. Желая снять чулокъ, оставшійся на одной ногѣ молодого Комона, лежавшаго ничкомъ, онъ повернулъ его и, увидя его молодое лицо, вскричалъ:

„— Бѣдный мальчикъ! хотя бы они этого-то пощадили; что онъ могъ имъ сдѣлать?“

„Услышавъ эти слова, Комонъ приподнялъ голову и сказалъ:

„— Я живъ. Спасите меня, умоляю васъ.

„Маркеръ зажалъ ему рукою ротъ. „Молчите, они еще здѣсь! сказалъ онъ. Комонъ умолъ и маркеръ, походивъ по валу, вскорѣ возвратился и сказалъ ему: Встаньте, они ушли.“

„Онъ накиннулъ ему на плечи худенькій плащъ, потому

что юноша былъ совсѣмъ нагъ и, дѣлая видъ что бьетъ его, погналъ его передъ собою. Сосѣди спрашивали его: „Кого это вы ведете?“—„Да вотъ мой племянничекъ напился пьянъ, такъ я его за это школю,“ отвѣчалъ маркеръ. Такимъ образомъ, онъ привелъ молодаго Де-ла-Форса въ свое жилище, пройдя мимо нѣсколькихъ карауловъ, которые стояли еще въ ту пору на всѣхъ углахъ и помѣстилъ на чердакѣ, въ маленькой коморкѣ, гдѣ находились его жена и племянникъ. Тамъ онъ спряталъ его въ соломѣ своей постели.

„Спустя нѣкоторое время, маркеръ, замѣтивъ кольца на пальцахъ Комона, заговорилъ ему о своей бѣдности, о томъ, что ему нечѣмъ его кормить и потребовалъ, чтобы онъ отдалъ ему свои кольца. Молодой человѣкъ отдалъ ихъ всѣ, исключая одного, съ брилліантомъ, которое осталось ему отъ матерп.

„Услыхавъ объ этомъ, жена маркера сказала, что онъ долженъ отдать все, за то, что ему спасли жизнь. Тщетно онъ увѣрялъ, что это кольцо ему необходимо, потому что оно поможетъ ему доказать, кто онъ такой; упрямая женщина настаивала, грозясь выдать его, если онъ не отдастъ кольцо. Тогда онъ отдалъ его и за это она принесла ему ломоть хлѣба и кружку вина. Маркеръ спросилъ, что онъ намѣренъ дѣлать и вызвался проводить его, куда понадобится. Комонъ просилъ отвести его въ Лувръ, гдѣ у него была сестра, по имени г-жа Ларшанъ, находившаяся при королевѣ. Но маркеръ сказалъ на это: „Я не рѣшаюсь вести васъ туда, дитя мое: намъ пришлось бы пройти мимо столькихъ карауловъ, что, пожалуй, кто нибудь узналъ бы васъ и тогда насъ убили бы обоихъ.“ Тогда молодой

человѣкъ просилъ отвести его въ арсеналь, гдѣ жила его тетка, г-жа Бризамбургъ, на что маркеръ согласился: „Вотъ это возможнѣе, сказалъ онъ, мы пойдемъ валомъ, гдѣ никого не встрѣтимъ.“

„Поутру, когда чуть начало свѣтать, маркеръ далъ ему надѣть старыя и грязныя чулки, подобный же камзолъ, накинулъ поверхъ всего прежній худой плащъ и прикрылъ ему голову изношенною красною шапкою, прикрѣпивъ къ ней оловянный крестъ. Въ этомъ нарядѣ маркеръ повелъ его по городскому валу къ арсеналу. День только что занимался, когда они пришли къ первымъ воротамъ его, и такъ какъ ворота отстояли далеко отъ строеній, то молодой Де-ла-Форсъ сказалъ своему спутнику: „Подождите здѣсь; я вышлю вамъ одежду, которую вы мнѣ ссудили, и обѣщанные мною тридцать экю.“

„Долго простоялъ онъ у воротъ, не смѣя постучаться, изъ опасенія, чтобы не спросили, кто онъ такой.

„Спустя нѣсколько времени, изъ воротъ кто-то вышелъ и Комонъ проворно проскользнулъ въ нихъ, не будучи окликнутымъ. Пройдя задній дворъ, онъ направился къ дому, высматривая, не встрѣтитъ ли кого знакомаго, такъ какъ онъ предвидѣлъ, что въ такой одеждѣ его не пустятъ войти. Онъ не смѣлъ сказать своего имени, страшась наткнуться на одного изъ тѣхъ палачей, отъ которыхъ ему посчастливилось ускользнуть.

„Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что одному изъ пажей Де-ла-Форса удалось спастись отъ рѣзни. Онъ назывался Ла-Вижери, но въ домѣ его прозвали *Оверницею*, чтобы отличить отъ его брата. Когда Кокона увелъ Де-ла-Форса и его двухъ сыновей изъ дома, гдѣ ихъ

стерегли швейцарцы, то одинъ изъ послѣднихъ сказалъ пажу: „Спасайтесь; господь отправятъ на тотъ свѣтъ“. Пажъ убѣжалъ, но на нѣкоторомъ разстояніи приостановился и слышалъ какъ солдаты закричали: „Бей ихъ!“ . Вслѣдъ затѣмъ онъ увидѣлъ, какъ упали отецъ и двое сыновей. Въ ту же ночь пажъ пробрался въ арсеналь тѣмъ легче, что на немъ была ливрея, похожая на ливрею графа Ла-Марка, одного изъ предводителей рѣзни. Овернецъ говорилъ караульнымъ: „Я пажъ графа Ла-Марка и посланъ имъ въ арсеналь, къ маршалу Бирону“. Придя туда, онъ отыскалъ г-жу Бризамбургъ и сообщилъ ей объ участи, постигшей Де-ла-Форсъ и его сыновей. Это извѣстіе привело въ величайшее горе добрую женщину, вдову одного изъ ихъ дядей.

„Мы оставили молодаго Де-ла-Форса въ нерѣшимости насчетъ того, какъ ему пройти въ арсеналь. Случай помогъ ему и на этотъ разъ. Когда отворилась дверь въ арсеналь, онъ усмотрѣлъ тамъ Овернца и позвалъ его по имени. Но тотъ не отвѣтилъ, потому ли, что не разслышалъ, или не узналъ его голоса, считая его умершимъ. Дверь отворилась вторично и Комонъ, опять увидѣвъ пажа, кликнулъ раза три: „Овернецъ! Овернецъ!“ Пажъ тотчасъ вышелъ. „Кто вы?“ спросилъ онъ. „Вы меня не узнаете?“ сказалъ молодой Де-ла-Форсъ. Пажъ пристально всмотрѣлся въ него. „Боже мой, вы ли это? Я васъ не узналъ“. Де-Ла-Форсъ спросилъ его, нѣтъ ли въ арсеналѣ когонибудь изъ свиты его отца и пажъ, введя его въ домъ, провелъ къ дворянину Бовиле дю-Мэнъ, прохаживавшемуся вмѣстѣ съ метръ-д'отелемъ г-жи Бризамбургъ. Оба они были очень удивлены и обрадованы при видѣ молодаго че-

ловѣка, котораго считали мертвымъ. Они тотчасъ повели его къ г-жѣ Бризамбуръ, бывшей еще въ постели. Увидѣвъ племянника, она бросилась обнимать его и обливалась слезами. Она была увѣрена, что они погибли всѣ трое, и разспрашивала его какъ онъ спасся.

„Онъ вкратцѣ рассказалъ какъ было дѣло, какъ его увелъ къ себѣ и потомъ привелъ въ арсеналь бѣдный маркеръ, ожидавшій у воротъ своего платья и обѣщанныхъ тридцати экю. Г-жа Бризамбуръ немедленно послала ему все это и уложила племянника спать въ комнатѣ своихъ служанокъ. Часа черезъ два ему принесли ливрею пажей маршала Бирона, тогдашняго начальника артиллеріи, и провели его къ нему въ кабинетъ, такъ что его никто не видѣлъ; а для того, чтобы онъ не скучалъ, къ нему приставили Овернца.

„Такъ онъ провелъ два дня, въ концѣ которыхъ маршала предупредили, что король узналъ о пребываніи въ арсеналѣ нѣсколькихъ гугенотовъ и намѣревается прислать людей, чтобы произвести обыскъ. Это привело маршала въ такой гнѣвъ, что онъ объявилъ, что никому не позволить вмѣшаться въ его дѣла и велѣлъ выставить три или четыре пушки у воротъ арсенала.

„Однако, не смотря на всѣ предосторожности, которыя принимали, чтобы скрыть молодаго Де-ла-Форса, извѣстіе о его спасеніи дошло до Лувра и королева-мать, по просьбѣ капитана своихъ тѣлохранителей, Ларшана, послала въ арсеналь одного изъ своихъ придворныхъ позвать къ себѣ молодаго человѣка. Придворному отвѣтили, что его тамъ нѣтъ, а между тѣмъ его вывели изъ кабинета маршала и, проведя въ комнату дочерей послѣдняго, спрятали между двухъ дѣтскихъ кроватей,

прикрывъ фижмами, которыя въ ту пору носили. Это дало поводъ говорить, что г-жа Бризамбуръ спрятала его у себя подъ фижмами.

„Посланный королевы, обыскавъ весь домъ, вернулся доложить ей, что въ арсеналѣ нѣтъ того, кого ей нужно. Это повергло въ отчаяніе Ларшана, которому была нужна смерть молодаго Де-ла-Форса, потому что Ларшанъ былъ женатъ на его сестрѣ отъ перваго мужа его матери и получилъ бы въ наслѣдство все имѣніе Де-ла-Форса, послѣ смерти его двухъ сыновей. Въ Луврѣ и Парижѣ вслухъ говорили, что этихъ двухъ невинныхъ молодыхъ людей не велѣли бы убить, еслибы ихъ смерть не была нужна Ларшану.

„Молодой Де-ла-Форсъ просидѣлъ въ своей засадѣ до втораго часа ночи; тогда его опять отвели въ кабинетъ маршала, но г-жа Бризамбуръ не могла успокоиться, пока не удалила его изъ арсенала, гдѣ пребываніе его стало извѣстно.

„На слѣдующее утро за мнимымъ пажемъ пришелъ артиллерійскій генераль, сеньоръ Борнъ и, уведя его завтракать въ отдѣльную комнату, сказалъ ему: „Слѣдуйте за мною“. Онъ вышелъ съ нимъ изъ арсенала и повелъ его къ одному изъ своихъ друзей, артиллерійскому контролеру Гильону. Внушивъ ему, чтобы онъ отвѣчалъ, если спросятъ его имя, что онъ Бопюи, сынъ поручика жандармовъ маршала Бирона, сеньоръ Борнъ строго запретилъ ему выходить изъ дома, куда онъ его велъ, и дѣлать что бы то ни было, почему можно было бы узнать его. Послѣ этого Борнъ сѣлъ на лошадь, такъ какъ у него была деревянная нога, и поѣхалъ къ Гильону, а молодой Де-ла-Форсъ слѣдовалъ за нимъ из-

дали пѣшкомъ, находясь, какъ онъ потомъ сознавался, въ крайнемъ страхѣ. Не мудрено, когда его окружало столько опасностей.

„По прибытіи къ контролеру, Борнъ сказалъ ему: „Такъ какъ вы мнѣ другъ, то обяжите меня, пріютивъ у себя этого молодого человѣка. Это мой родственникъ, сынъ г. Бопюи, начальника роты жандармовъ маршала Бирона. Я призвалъ его сюда, чтобы опредѣлить въ пажи, но теперь переживаю, чтобы вся эта тревога вокругъ насъ улеглась“. Контролеръ охотно согласился; но не смотря на то, что онъ былъ другомъ Борна, тотъ не сказалъ ему настоящаго имени молодого человѣка, хотя Гильонъ и подозрѣвалъ, что отъ него что-то скрываютъ.

„Комонъ прожилъ уже на новой квартирѣ дней семь или восемь и контролеръ, ходившій каждый день въ арсеналъ за распоряженіями, къ обѣду всегда возвращался домой. Однажды, въ эту пору, кто-то постучался и молодой человѣкъ, въ увѣренности, что это хозяинъ возвращается домой, пошелъ отворить дверь. Но оказалось, что то былъ неизвѣстный человѣкъ, узнавшій Комона. Послѣдній поспѣшно захлопнулъ дверь. Незнакомецъ закричалъ ему: „Впустите, мнѣ нужно съ вами говорить“. Войдя, онъ объявилъ, что его прислала г-жа Бризамбургъ, желавшая получить свѣдѣнія о племянникѣ. Сказавъ это, незнакомецъ ушелъ. Контролеръ, возвратившись къ обѣду, спросилъ, по обыкновенію, не приходилъ ли кто, и когда Де-ла-Форсъ разсказалъ ему о посѣщеніи незнакомца, онъ такъ встревожился, что, не кончивъ обѣда, сѣлъ на лошадь и поспѣшилъ къ Борну, чтобы увѣдомить его о случившемся. Тотъ, же-

лая разъяснить дѣло, немедленно отправился къ г-жѣ Бризамбургъ, которая съ удивленіемъ сказала ему, что она никого не посылала.

Предвидя, что рано или поздно племянникъ ея будетъ открытъ, эта дама просила своего брата, маршала Бирона, выхлопотать у короля паспорта для своего метръ-д'отеля и пажа, которыхъ онъ посылалъ будто бы въ Піенну, за своимъ экипажемъ и ротою жандармовъ. Молодаго Де-ла-Форса переодѣли пажемъ и поручили одному дворянину, изображавшему метръ-д'отеля. Борнъ безъ труда вывелъ ихъ изъ Парижа и они отправились по назначенію. Однако путь ихъ не прошелъ безъ случайностей, которыя могли бы окончиться дурно. Въ двухдневномъ разстояніи отъ Парижа молодой человекъ узналъ халать своего брата на одномъ изъ его палачей, который хвастался своими подвигами. Де-ла-Форсъ едва не выдалъ себя, возмущенный этою наглостью. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ послужило ему то обстоятельство, что тутъ же онъ узналъ, что дядя его избѣжалъ рѣзни вмѣстѣ съ сотнею другихъ дворянъ. Въ другомъ мѣстѣ спутникъ молодаго человека едва не погубилъ себя и Комона, принявшись порицать въ одной гостинницѣ вареоломеевскую рѣзню.

Наконецъ, послѣ многихъ опасностей, они достигли, на восьмой день пути, Піенны и прибыли въ замокъ Кастельно-де-Мирандъ, куда удалился дядя его, сеньоръ Комонъ. Онъ встрѣтилъ племянника съ неописанною радостью. (*Mémoires de Commont de la Force*).

Г р о ц і й.

(1621 г.).

Замѣшанный въ дѣлѣ Барневельдта, Гроцій*), его поклонникъ и постоянный приверженецъ, былъ приговоренъ къ конфискаціи имущества и пожизненному тюремному заключенію. Онъ содержался въ замкѣ Левенштейнѣ, недалеко отъ Горкума. Это происходило въ 1619 году, когда Гроцію было тридцать шесть лѣтъ. Находясь подъ строгимъ надзоромъ, онъ находилъ утѣшеніе только въ наукѣ и сообществѣ своей жены, Маріи де-Рейгесбергъ, получившей дозволеніе навѣщать мужа. Сначала это позволеніе было обусловлено тѣмъ, что если она, прійдя къ мужу, пожелаетъ выйти изъ тюрьмы, то лишается права прійти къ нему въ другой разъ; но потомъ это условіе уничтожили и ей было дозволено навѣщать мужа два раза въ недѣлю.

Прошло восемнадцать мѣсяцевъ со времени заключе-

---

*) Гуго Гроцій — извѣстный голландскій ученый, род. въ 1583 г. Барневельдтъ—замѣчательный государственный человѣкъ Голландіи, принесшій своей родинѣ многія услуги, горячій приверженецъ свободы, возсталъ всѣми силами противъ честолюбивыхъ притязаній Морица Нассаускаго, который былъ штатгалтеромъ голландской республики и хотѣлъ забрать въ свои руки неограниченную власть. Морицу удалось въ значительной степени осуществить свои желанія, несмотря на сопротивленіе Барневельдта, который преданъ былъ суду самымъ несправедливымъ образомъ и казненъ.

нія Гроція, когда одинъ изъ его явныхъ враговъ, его судья, Мюйсъ ванъ-Голи, донесъ правительству, что онъ получилъ достовѣрное извѣстiе о намѣренiи Гроція бѣжать изъ тюрьмы. Для изслѣдованiя этого дѣла, въ Левенштейнѣ былъ отправленъ агентъ, который не нашелъ никакого доказательства справедливости сообщеннаго извѣстiя. Тѣмъ не менѣе Марiя Рейгесбергъ была занята исключительно одною мыслью—освободить своего мужа. Гроціи имѣлъ позволенiе получать отъ друзей книги. Прочитанныя онъ отправлялъ назадъ въ сундукъ вмѣстѣ съ бѣльемъ, которое отсылалось для стирки въ Горкумъ.

Въ первый годъ заключенiя сторожа тщательно осматривали сундукъ, когда его выносили изъ Левенштейна, но потомъ, увѣрившись, что въ сундукѣ, кромѣ книгъ и бѣлья ничего не бываетъ, они перестали его осматривать и даже не поднимали крышку. Жена Гроція, замѣтивъ эту небрежность, вздумала ею воспользоваться. Она сообщила о своемъ намѣренiи мужу и убѣдила его попытаться бѣжать въ сундукѣ. Прежде всего, для свободного доступа воздуха, она сдѣлала на одномъ концѣ сундука нѣсколько узкихъ отверстiй, совершенно незамѣтныхъ снаружи; затѣмъ она много разъ запирала мужа въ сундукъ и держала его тамъ столько времени, сколько, по соображенiю, было нужно для перехода изъ Левенштейна въ Горкумъ; во время этихъ опытовъ она сидѣла на сундукѣ съ цѣлью испытать, долго ли онъ можетъ выдержать такое неудобное положенiе. Когда Гроціи достаточно привыкъ къ нему, женѣ оставалось только выискать удобный случай для побѣга.

Этотъ случай скоро представился. Когда, однажды,

комендантъ выѣхалъ изъ крѣпости по дѣламъ службы, жена Гроція отправилась къ комендантшѣ съ визитомъ и между прочимъ въ разговорѣ сообщила ей, что она хочетъ отослать въ сундукъ всѣ книги мужа, который очень слабъ, и она не можетъ видѣть его усиленныхъ занятій. Предупредивши такимъ образомъ жену коменданта, она отправилась къ Гроцію и заперла его въ сундукъ. Въ заговорѣ были слуга и служанка; жена Гроція распустила молву о болѣзни мужа на тотъ случай, чтобы не удивились его отсутствію. Два солдата понесли сундукъ и одинъ, найдя его тяжелѣе обыкновеннаго, сказалъ: „Вѣрно тамъ сидитъ какой нибудь арминіанецъ“. Этимъ онъ намекалъ на секту того времени, къ которой принадлежалъ Гроцій и имя которой вошло въ пословицу. Жена Гроція хладнокровно замѣтила: „Дѣйствительно, тамъ арминіанскія книги“. Съ большимъ трудомъ спустили сундукъ съ лѣстницы. Тотъ же солдатъ началъ настаивать, чтобы осмотрѣли сундукъ; онъ даже пошелъ къ женѣ коменданта и объявилъ, что тяжесть сундука подозрительна и что его необходимо открыть. Комендантша, умышленно или по небрежности, не позволила открыть сундука, говоря, что, по увѣренію супруги Гроція, въ немъ, кромѣ книгъ, ничего нѣтъ и что его можно свободно пронести на лодку. Жена другаго солдата, бывшая тутъ же, громко замѣтила, что было много примѣровъ спасенія заключенныхъ въ сундукахъ. Но не смотря на все это, сундукъ понесли въ лодку. Служанка Гроція должна была сопровождать сундукъ и доставить его въ назначенный домъ. Когда сундукъ привезли въ Горкумъ, лодочникъ хотѣлъ свалить его

*

на дровни, но служанка объявила хозяину лодки, что въ сундукѣ лежатъ хрупкія вещи и просила перенести его осторожно. Тогда сундукъ поставили на носилки и отнесли къ Давиду Доцелеру, одному изъ друзей Гроція и родственнику его жены. Служанка, оставшись одна, открыла сундукъ и Гроцій вышелъ невредимымъ, не смотря на то, что долго просидѣлъ въ такомъ неудобномъ положеніи. Одѣвшись въ платье каменщика и взявши линейку и лопату, онъ вышелъ изъ дому заднимъ ходомъ и черезъ площадь Горкума дошелъ до городскихъ воротъ на берегу рѣки. Здѣсь онъ сѣлъ въ лодку, которая привезла его въ Вальвикъ, въ Брабантъ. Узнанный здѣсь нѣкоторыми арминіанцами, онъ нанялъ карету въ Антверпенъ, куда благополучно доѣхалъ, принявъ всѣ необходимыя предосторожности.

Между тѣмъ въ Левенштейнѣ всѣ были убѣждены, что Гроцій заболѣлъ и жена его, желая дать ему время бѣжать, увѣряла, что болѣзнь мужа опасна; но когда она узнала отъ возвратившейся изъ Брабанта служанки, что Гроцій находится внѣ опасности, она объявила сторожамъ, что птица улетѣла изъ клѣтки. Возвратившійся изъ поѣздки своей комендантъ прибѣжалъ въ комнату заключеннаго и требовалъ, чтобы жена его сказала куда она спрятала мужа. Послѣ непродолжительныхъ поисковъ, она рассказала все коменданту и ее заключили подъ самый строгій надзоръ, но Марія Рейгесбергъ подала прошеніе въ генеральныя штаты, и черезъ нѣсколько дней ее освободили.

Кардиналь Рець.

(1654)

Въ 1652 году, кардиналь Рець, игравшій важную роль въ смутахъ Фронды *), напрасно потративъ время на переговоры съ министрами, былъ арестованъ въ Луврѣ 19 декабря. Заключение въ Венсенскомъ замкѣ, онъ долженъ былъ сложить съ себя званіе парижскаго архіепископа, чтобы получить дозволеніе переѣхать въ Нантскій замокъ, гдѣ губернаторомъ былъ Шаллюэ. Отсюда Рець бѣжалъ и вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ:

„Въ Венсенъ пріѣхали за мной маршалъ Мелберэ и первый президентъ Бельеврѣ. Такъ какъ маршалъ, страдая подагрой, не могъ взойти въ мою комнату, то Бельеврѣ, пришедши за мною одинъ, нашелъ время ска-

---

*) Именемъ «Фронды» называются междуусобныя войны, происходившія во Франціи во время малолѣтства Людовика XIV (1648—1653) между придворной партіей (т. е. регентшей Анной Австрійской и ея первымъ министромъ Мазариномъ) и партіей дворянства и парламента. Управляя государствомъ, Мазаринъ разстроилъ финансы, установилъ тяжкіе налоги и тѣмъ возбудилъ противъ себя парламентъ и народъ. Парламентъ рѣшилъ вмѣшаться въ государственныя дѣла и положить предѣлы произволу; но дворъ приказалъ арестовать двухъ членовъ; тогда вооружился народъ и освободилъ арестованныхъ. Дворъ удалился изъ Парижа и послалъ войска осаждать его; завязалась война, въ которой приняли участіе и провинціи. Война кончилась побѣдою двора. Рець былъ на сторонѣ парламентской партіи.

зять мнѣ, когда мы спускались съ лѣстницы, чтобы я остерегался давать слова, котораго у меня потребуеть маршалъ. Послѣдняго мы нашли внизу лѣстницы и онъ дѣйствительно хотѣлъ взять съ меня слово что я не убѣгу. Я отвѣчалъ, что обѣщать это обязаны только военно-плѣнные, но что я никогда не слыхивалъ, чтобы этого требовали отъ государственнаго плѣнника... Тогда въ разговоръ вмѣшался Бельверъ и сказалъ ему: „Вы не поняли другъ друга: кардиналъ не отказывается дать слово, если вы ему совершенно довѣритесь и не будете имѣть за нимъ никакого надзора. Въ противномъ случаѣ для чего вамъ это слово, когда вы знаете, что человекъ, находящійся подъ стражей, всегда можетъ отступить отъ него.

„Первый президентъ игралъ въ вѣрную игру; ему было извѣстно, что королева поручила маршалу имѣть за мной самый бдительный надзоръ. Маршалъ, посмотрѣвъ на Бельвера, сказалъ: „Вы знаете, могу ли я исполнить ваше предложеніе“, и потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: „поѣдемъ, я долженъ за вами смотреть, но думаю, что вы не пожалуетесь на мой надзоръ.

„Такимъ образомъ я жилъ дѣйствительно подъ надзоромъ маршала Мелъерэ, который сдержалъ свое слово, потому что невозможно обращаться съ узникомъ любезнѣе, чѣмъ онъ обращался со мною. Я былъ введенъ въ общество, всѣ возможныя удовольствія, казалось, искали меня, почти каждый вечеръ я бывалъ въ театрѣ, въ кругу множества дамъ, которыя часто оставались ужинать. Но тѣмъ не менѣе, за мною строго надзирали. Меня не теряли изъ вида въ то время даже, когда я

уходилъ въ свою комнату, единственная дверь которой охранялась днемъ и ночью шестью часовыми; въ этой комнатѣ было одно очень высокое окно, выходящее на дворъ, гдѣ всегда стоялъ большой карауль; шесть человѣкъ, находившихся у моей двери, стояли на террасѣ башни и наблюдали оттуда за мной въ то время, когда я гулялъ въ небольшомъ саду, который, въ видѣ бастіона или рavelина, выходилъ на воду.

„Я дѣйствительно рѣшился бѣжать. Первый президентъ торопилъ меня и Монтрезоръ, при помощи одной дамы изъ Нанта, передалъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: „Если вы не убѣжите, то васъ въ концѣ мѣсяца переведутъ въ Брестъ“. Обстоятельства были очень затруднительны. Прежде всего надо было провести маршала, и тутъ я узналъ, что недовѣрчивые люди бываютъ очень часто большими простяками. Я открылъ свое намѣреніе Бриссаку, который по временамъ ѣздилъ въ Нантъ и обѣщалъ мнѣ помочь. Онъ отправлялся всегда въ большомъ экипажѣ, запряженномъ множествомъ муловъ. Огромное количество возимыхъ имъ сундуковъ навело меня на мысль спрятаться въ одномъ изъ нихъ. Съ этою цѣлью заказанъ былъ сундукъ больше обыкновеннаго, съ отверстіемъ внизу для доступа воздуха. Я попробовалъ это средство спасенія и мнѣ оно показалось тѣмъ болѣе практичнымъ и удобоисполнимымъ, что было просто и не требовало участія многихъ людей.

„Бриссакъ сначала также его одобрилъ, но совершивши путешествіе въ Машекуль, онъ измѣнилъ совершенно свое мнѣніе. Приѣхавши въ Нантъ, онъ сказалъ мнѣ, что, по его крайнему убѣжденію, я долженъ

непремѣнно задохнуться въ сундукѣ; вслѣдствіе этого мы приняли всѣ мѣры для осуществленія другаго плана.

„Я уже сказалъ, что иногда гулялъ по равелину, выходявшему на рѣку Дуару. Былъ августъ, и я замѣтилъ, что вода не доходитъ вплоть до бастіона, и что между ними остается небольшое пространство земли. Я замѣтилъ также, что между садомъ бастіона и террасой, гдѣ, во время моей прогулки, стояли часовые, находится небольшая калитка. Планъ побѣга сообразилъ я такимъ образомъ: я долженъ былъ, не давши ничего замѣтить, затворить за собой калитку, которая, будучи рѣшетчатою, хотя и не могла скрыть меня отъ взора сторожей, но могла по крайней мѣрѣ помѣшать имъ добраться до меня; затѣмъ я долженъ былъ спуститься по веревкѣ внизъ, — веревку долженъ былъ подать мнѣ мой докторъ и братъ моего управляющаго; возлѣ равелина внизу, должны были стоять лошади для меня и четырехъ моихъ спутниковъ. Планъ этотъ было весьма трудно исполнить. Побѣгъ необходимо было совершить среди бѣлаго дня, между двумя часовыми, стоявшими въ тридцати шагахъ другъ отъ друга, на полъ-пистолетнаго выстрѣла, и между шестью моими караульными, которые могли стрѣлять по мнѣ черезъ рѣшетку калитки. Необходимо было также, чтобы четверо дворянъ, которые должны были сопровождать меня и способствовать побѣгу, находились скрытыми внизу равелина, такъ какъ ихъ появленіе могло бы тогда навести на подозрѣніе. Взять меньше проводниковъ было нельзя, потому что надо было проѣзжать площадь, находившуюся не подалеку отъ замка и служившую обычнымъ мѣстомъ прогулки караульных. Всѣхъ этихъ предосторожностей

было достаточно, если бы мое намѣреніе ограничилось только побѣгомъ изъ тюрьмы, но оно шло дальше: я хотѣлъ отправиться прямо въ Парижъ и тамъ открыто явиться. Чтобы не быть арестованнымъ на дорогѣ, гдѣ курьеры маршала не замедлили бы поднять тревогу, я долженъ былъ отправиться изъ Нанта въ Парижъ въ дилижансѣ; въ самомъ Парижѣ необходимо было принять мѣры, чтобы одни изъ моихъ друзей узнали о моемъ прибытіи, а другіе нѣтъ... Въ то время ничего не могло быть необыкновеннѣе удачи подобнаго плана, въ особенности еслибы я, разбивъ оковы, овладѣлъ королевскою столицею. Но планъ мой вдругъ разстроился, хотя ничто не было упущено изъ виду.

„Я бѣжалъ въ субботу, 8 августа, въ пять часовъ вечера; садовая галитка захлопнулась за мною сама собою и я счастливо спустился по веревкѣ съ бастіона въ сорокъ футовъ вышины. Мой лакей, Фрамантенъ, который и до сихъ поръ служитъ мнѣ, занималъ караульныхъ, опаивая ихъ; да они и сами отвлеклись, смотря на утопающаго доминиканца, который купался въ рѣкѣ. Часовой, бывшій отъ меня въ двадцати шагахъ, стоялъ на такомъ мѣстѣ, откуда не могъ меня поймать, и когда онъ взялся за фитиль, съ дѣлюю выстрѣлить, я крикнулъ, что его повѣсятъ, если онъ меня тронетъ; потомъ на допросѣ солдатъ показалъ, что эта угроза заставила его подумать, что я убѣгаю съ согласія маршала. Два купавшіеся маленькіе пажа, увидѣвши меня висающимъ на веревкѣ, закричали, что я бѣгу, но ихъ никто не слушалъ: всѣ думали, что они зовутъ на помощь утопавшему доминиканцу. Мои четыре проводника находились въ назначенномъ мѣстѣ

внизу равелина: они сдѣлали видѣть, что поятъ лошадей, будто приготовляясь на охоту, и прежде чѣмъ поднялась тревога я уже былъ на лошади. Такъ какъ между Нантомъ и Парижемъ было приготовлено сорокъ перемѣнъ лошадей, то я непремѣнно могъ быть на мѣстѣ во вторникъ вечеромъ, если бы не одинъ случай, имѣвшій роковое и рѣшительное вліяніе на всю мою жизнь.

„Вскочивъ на лошадь, я направился по дорогѣ къ Мове, которая, если не ошибаюсь, находится въ пяти миляхъ отъ Нанта; Мове лежитъ на берегу рѣки и мы знали, что тамъ насъ ожидаютъ Бриссакъ и кавалеръ Севинье съ лодкой, на которой я долженъ былъ переправиться. Ральдъ, конюшій герцога Бриссака, ѣхавшій впереди меня, сказалъ, что надо скакать, чтобы не дать времени караульнымъ маршала запереть ворота небольшой улицы ближайшаго предмѣстья, черезъ которое намъ надо было проѣхать. Подо мной была прекраснѣйшая лошадь, стоявшая Бриссаку тысячу экю. Я не опускалъ свободно поводья, потому что мостовая была весьма плоха и скользкая, но вдругъ одинъ изъ моихъ проводниковъ, по имени Боагеренъ, крикнулъ, чтобы мы взяли пистолеты; онъ увидѣлъ двухъ гвардейцевъ маршала, которые впрочемъ ѣхали, не думая о насъ; я дѣйствительно взвелъ курокъ и прицѣлился въ голову одного гвардейца, чтобы помѣшать ему схватить подъ уздцы мою лошадь; въ это время солнце, бывшее еще довольно высоко, дало отраженіе въ замкѣ пистолета, сильная моя лошадь испугалась, дала скачекъ въ сторону и упала со всѣхъ четырехъ ногъ. Я свалился на лѣвое плечо и сломалъ его о тумбу воротъ. Другой проводникъ, Бопенъ, поднялъ меня и посадилъ на лошадь;

несмотря на такую страшную боль, что я ежеминутно боялся упасть въ обморокъ, который я предупреждалъ, выдергивая по временамъ свои волоса, я окончилъ свое путешествіе прежде нежели посланная за мною погоня успѣла меня догнать. Въ назначенномъ мѣстѣ я встрѣтилъ Бриссака и Севинье, которые ожидали меня въ лодкѣ; когда я вошелъ въ нее, со мной сдѣлался обморокъ. Меня привели въ чувство, поливая на лицо воду. Переправившись черезъ рѣку, я хотѣлъ сѣсть на лошадь, но силы меня оставили и Бриссакъ принужденъ былъ положить меня въ огромномъ стогѣ сѣна, гдѣ я остался на рукахъ Монте, одного дворянина бывшаго со мною. Взявши съ собою Жоли, который только и могъ ѣхать, такъ какъ для другихъ не было лошадей, Бриссакъ отправился прямо въ Бопро, гдѣ онъ хотѣлъ собрать дворянъ, чтобы взять меня изъ моего логовища.

„Тутъ провель я, спрятавшись, больше семи часовъ въ самомъ несносномъ положеніи. Мое плечо было вывихнуто и сломано; около девяти часовъ меня ужъ мучила лихорадка и жаръ еще усиливался отъ теплаго свѣжаго сѣна. Хотя я и былъ на берегу рѣки, но воды нельзя было достать, потому что если бы мы съ Монте вышли изъ стога, то насъ непременно замѣтила бы погоня. Мы слышали топотъ скакавшихъ всадниковъ. Пуазъ Сентъ-Оффанжъ, будучи увѣдомленъ Бриссакомъ, пріѣхалъ за мной въ два часа ночи, когда по его наблюденію, уже не было всадниковъ въ окрестности. Меня положили на навозные носилки и два крестьянина отнесли въ овинъ, находившійся въ двухъ миляхъ отъ этого мѣста; тамъ снова закрыли меня сѣномъ, но такъ

какъ была вода для питья, то я находилъ свое настоящее положеніе превосходнымъ.

„Въ семь или восемь часовъ пріѣхали за мной Бриссакъ съ женою, въ сопровожденіи пятнадцати или двадцати лошадей и мы отправились въ Боцро, гдѣ я пробылъ только одну ночь, пока собрались дворяне. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, Бриссакъ набралъ больше двухъ сотъ молодыхъ людей. Проѣхавъ 4 мили отъ Боцро, къ намъ присоединились еще 300 человекъ. Такимъ образомъ мы проѣхали въ виду Нанта, откуда противъ насъ выслано было нѣсколько гвардейцевъ. Но они съ силою были отброшены и мы совершенно благополучно прибыли въ Машекуль“.

Изъ Мошекуля кардиналъ Рець не безъ препятствія переѣхалъ въ Белль-Иль и спустя нѣсколько дней отправился въ С. Себастьянъ, откуда съ испанскимъ паспортомъ прибылъ наконецъ въ Римъ.

Квикеранъ-де-Божё.

(1671 г.).

Поль-Антоній Квикеранъ-де-Божё, мальтійскій кавалеръ, пріобрѣлъ извѣстность перваго моряка своего времени, за свои многочисленныя удачныя сраженія съ турками. Въ январѣ 1660 года буря заставила его пристать въ одномъ портѣ на Архипелагѣ, гдѣ онъ былъ окруженъ и атакованъ тридцатью родосскими галерами,

находившимися подъ личнымъ командованіемъ капитана-паши Мазамамета. Божё поддерживалъ огонь въ продолженіи цѣлаго дня, и сдался только тогда, когда истощились всѣ боевые снаряды и погибло три четверти его экипажа. Когда его, закованнаго въ цѣпяхъ, везли съ торжествомъ въ Турцію, снова поднялась буря, сильнѣе первой, которая грозила побѣдоносному флоту такой опасностью, что Мазамаметъ принужденъ былъ умолять о помощи своего плѣнника. Божё искуснымъ маневромъ спасъ флотъ отъ гибели и тѣмъ заслужилъ себѣ глубокое уваженіе паши, который, желая, въ свою очередь, сохранить его жизнь, скрылъ его званіе и объявилъ его простымъ плѣннымъ; тѣмъ не менѣе великій визирь, вѣроятно предупрежденный объ этомъ, позвалъ къ себѣ плѣнника; по его ли воинственной осанкѣ, или по увѣренію другихъ, великій визирь призналъ въ немъ Божё и велѣлъ посадить его въ Семи-Вашенный замокъ, безъ надежды на выкупъ и обмѣнъ. Порта отвергла всѣ предложенія, сдѣланныя по этому поводу королемъ; попытка венеціянцевъ включить это обстоятельство въ условія кандійскаго трактата, также не имѣла успѣха. Но вотъ племянникъ Божё, молодой человекъ, 22 лѣтъ, возымѣлъ намѣреніе спасти своего дядю и дѣйствительно привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Онъ прибылъ въ Константинополь вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ де-Ноантелемъ, и получилъ свободный доступъ къ заключенному. Тюрьма была очень надежна и потому никому не отказывали въ посѣщеніи, ограничиваясь только осмотромъ входящихъ, причемъ у послѣднихъ отбирали, если случилось, оружіе, даже простые ножи и ключи.

Смѣлость этого намѣренія сперва испугала Божё, который опасался ужасныхъ послѣдствій, въ случаѣ неудачи; но одиннадцатъ лѣтъ заключенія, не утраченная еще жажда отважныхъ предпріятій и довѣріе, внутреннее храбростью молодаго человѣка, — все это не допускало долгихъ колебаній. Получивъ его согласіе, племянникъ началъ приносить дядѣ каждый разъ извѣстное количество веревки, которою онъ обматывалъ свое тѣло; когда было рѣшено, что веревки довольно, они назначили день, часъ и условные знаки для побѣга. По данному сигналу Божё началъ спускаться, но такъ какъ веревка оказалась короче стѣны на 4 или 5 сажень, то онъ упалъ въ море; омывавшее замокъ. Шумъ его паденія услышали турки проходившаго мимо брига; они тотчасъ направили судно къ нему, но племянникъ, прибывши на веслахъ, въ вооруженномъ суднѣ, взялъ дядю и перевелъ его на королевскій корабль, который благополучно доставилъ его во Францію, гдѣ Божё долго потомъ еще наслаждался семейной жизнью, занимая мѣсто коменданта въ Бордо; которое онъ получилъ тотчасъ по возвращеніи во Францію.

Этотъ побѣгъ стоилъ жизни Каймакану, губернатору Семибашеннаго замка.

Бланка Гомонъ.

(1687 г.).

Бланка Гомонъ принадлежала къ одному протестантскому семейству, жившему въ Сентъ-Поль-Троа-Шато. Когда, послѣ уничтоженія нантскаго эдикта *), начались преслѣдованія протестантовъ, дѣвица Гомонъ, набожность которой доходила до экзальтаціи, рѣшилась бѣжать изъ королевства. Городъ Сентъ-Поль былъ на военномъ положеніи и драгуны рыскали въ немъ и въ окрестностяхъ, отыскивая и хватая протестантовъ. Бланка ушла изъ города и скиталась сперва одна, а потомъ вмѣстѣ съ своими родными. Перехода изъ населенныхъ мѣстъ въ лѣса, они исходили такимъ образомъ часть Дофинэ и потомъ, чтобы легче избѣжать преслѣдованія драгуновъ, они раздѣлились. Наша героиня съ братомъ и матерью уже хотѣли перейти границу, какъ вдругъ были арестованы возлѣ Гонселена, небольшого городка въ Грезиводанѣ. Братъ убѣжалъ отъ преслѣдователей, между тѣмъ его мать и сестра, подвергаясь жестокимъ оскорбленіямъ, были отведены въ Гренобль и посажены въ подземную темницу. Бланка

---

*) Нантскій эдиктъ былъ изданъ французскимъ королемъ Генрихомъ IV въ 1598 г. Этимъ эдиктомъ протестантамъ даровано было право свободнаго вѣроисповѣданія. Людовикъ IV, находившійся подъ влияніемъ совѣтовъ монаховъ и ханжей, уничтожилъ этотъ эдиктъ въ 1685 г. и заставилъ протестантовъ во множествѣ переселиться въ другія страны.

Гомонъ имѣла тогда двадцать одинъ годъ. Долго она подвергалась самымъ жестокимъ пыткамъ, оскорбленіямъ, безжалостнымъ побоямъ, мученіямъ голода, тяжкимъ болѣзнямъ, но все это она переносила съ твердостью и самоотверженіемъ мученицы.

Вотъ какимъ образомъ она описываетъ свою попытку къ побѣгу, имѣвшую такія печальныя для нея послѣдствія.

„Намъ пришли объявить, чтобы мы приготовились къ путешествію черезъ три дня въ Америку. Когда вы будете на морѣ, сказали намъ, васъ посадятъ на узенькую доску и бросятъ въ воду, чтобы уничтожить поколѣніе гугенотовъ и избавиться отъ васъ“. На это я замѣтила: „Мнѣ все равно, будутъ ли вѣсть мое тѣло рыбы въ водѣ или черви въ землѣ“.

„Когда мы остались одни, Сусанна де-Монтелимаръ сказала: „Мы должны спастись черезъ это окно. Необходимо разбить оковы“, прибавила она. „Мы такъ высоко отъ земли, отвѣчала я, что если вздумаемъ спуститься внизъ, то или разобьемся, или изуродуемъ себя и если насъ поймаютъ, то положеніе наше сдѣлается еще хуже. Схвативши меня, они снова начнутъ бить веревками, какъ прежде, а я этаго уже не вынесу больше, поэтому, я предпочитаю смерть и отправлюсь лучше въ Америку. Богъ спасетъ насъ тамъ, какъ спасъ онъ отъ Рапина“. Рапинъ или Д'Ерапинъ, бывший прежде подъ судомъ за воровство, а въ то время назначенный директоромъ гошпиталя въ Валенсіи, имѣлъ право употреблять всевозможныя средства для обращенія протестантовъ и онъ пользовался этимъ съ цинизмомъ и яростью злодѣя.

„Если бы со мной дѣлали то что съ вами, я бы давно умерла, сказала Сусанна. Насъ морять голодомъ, и сверхъ того, скоро отправятъ въ Америку; мы больны, постоянно слабѣемъ и они полумертвыми бросятъ насъ въ море. Черезъ окно можно выйти. Мы сами не хотимъ воспользоваться средствомъ, которое посылаетъ намъ Богъ; что касается меня, то я убѣждена въ успѣхѣ“. Наконецъ мы рѣшились. Разрѣзавши на тесьме суконные плащи, мы связали ихъ узлами и сшили; затѣмъ мы привязали къ ниткѣ камень, чтобы измѣрить высоту стѣны; окно было заперто на замокъ, который намъ удалось отпереть. Мы жили въ четвертомъ этажѣ и было очень высоко, нашей тесьмы оказалось недостаточно и надо было прибавить къ ней еще два плаща, чтобы она достала до земли. Тесьма была привязана къ перекладинѣ, поддерживавшей крышу. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій я посмотрѣла за окно и сказала моимъ сестрамъ: „Увы! мы разобьемся, мнѣ страшно даже смотрѣть внизъ, такъ высоко“.

„Въ тотъ же вечеръ, когда наша сидѣлка заснула, мы подошли къ окну босикомъ, боясь чтобы не услышалъ священникъ, который, какъ намъ было извѣстно, жилъ подъ нашей комнатою. Первая вышла Сусанна де-Монтеламаръ и дѣвица Терассонъ, изъ Ди, за ними полѣзли я и Анна Дюмасъ изъ Салля, въ Лангедокѣ. Когда я вышла изъ окошка, силы меня начали оставлять и я слышала, какъ трещали кости моихъ рукъ. Къ тому же юбка зацѣпилась за оконный гвоздь, мнѣ надо было на одной рукѣ держаться, а другой отцѣпить платье. Потерявши силы и присутствіе духа, я вскричала: „Боже, прими мою душу!“ и затѣмъ взяла

въ зубы сукно. Такимъ образомъ я нѣсколько времени держалась зубами, потомъ, когда я снова взялась руками за сукно, то вдругъ полетѣла внизъ и упала съ четвертаго этажа на камни. „Милосердый Боже! Я или погибла или изувѣчена на всю жизнь!“ вскричала я.

„Двѣ ожидавшія меня сестры перенесли меня на другое мѣсто и спросили: „Гдѣ вамъ больно?“ Я отвѣчала: „Вездѣ, такъ Богу угодно; я кажется сломала или разбила бедро. Прошу васъ подвѣжите мнѣ его передникомъ. Подпирая одною рукою бедро, а другою держась за сестеръ, я пошла и сдѣлала шаговъ 60 или 70; но подойдя къ воротамъ предмѣстья, мы увидѣли, что они заперты. Мнѣ помогли влѣсть на стѣну и когда, взобравшись на верхъ, я посмотрѣла внизъ, мнѣ стало страшно и я сказала сестрамъ: „Вотъ опять пропасть; у меня нѣтъ силъ туда спуститься“. Онѣ меня сняли со стѣны, потомъ съ трудомъ перелѣзли сами и спустя нѣсколько минутъ, двѣица Дюмассъ закричала мнѣ: „Мы уходимъ, мы съ глубокой горестью оставляемъ васъ. Богъ да сохранитъ васъ отъ руки нашихъ враговъ! Желаю вамъ благословенія Божія, благословите и вы насъ“. „Развѣ я могу дать благословеніе? но я желаю чтобы оно снизошло на васъ отъ Бога. Я буду молиться чтобы онъ сохранилъ васъ на нашемъ пути. Умоляю васъ, уходите скорѣе, обо мнѣ не заботьтесь, все равно меня возьмутъ“.

„Такимъ образомъ я осталась одна на дорогѣ, съ жестокой болью, отъ которой не могла ни на минуту избавиться. Еще не развѣтало и я вознеслась сердцемъ къ Богу... Затѣмъ, около четверти часа я была въ обморокѣ и возлѣ меня не было никого, чтобы утѣ-

шилъ и далъ каплю воды или укуса, чтобы привести меня въ чувство. Очнувшись, я вскричала: „Боже, не оставляй меня... По временамъ я лежала безъ малѣйшаго движенія и потомъ, когда мнѣ приходило въ голову, что съ наступленіемъ дня придуть ко мнѣ и возьмутъ меня снова въ госпиталь, я говорила: „Боже! Окажи мнѣ милость, положи сегодня конецъ, потому что смерть для меня лучше жизни. Довольно жить! О предвѣчный! возьми мою душу, и если Тебѣ угодно, то пусть лучше сегодня положить меня въ могилу, чѣмъ въ госпиталь“.

„День начинался. У меня не было силъ встать, а проходящіе не знали, что я была изувѣчена, я могла только закрыть отъ нихъ тафтой свое лицо.

Страшная боль вывихнутой ноги прервала мою молитву.... Какой-то прохожій сказалъ мнѣ: „Лучше бы вы отправились домой, чѣмъ сидѣть здѣсь.“—„Если бы вы знали, что со мной, вы не говорили бы такъ“, отвѣчала я.

„Спустя нѣсколько минутъ открыли ворота предмѣстья и всѣ проходящіе не оставляли меня безъ дурныхъ замѣчаній, видя что я такъ рано лежу на дорогѣ.“

Бланка попросила прохожаго позвать къ ней дѣвицу Марзильерь, протестантку, обращенную въ католичество, ея знакомую; Бланка молила Бога послать ей добро самаритянина: но дѣвица Марзильерь не имѣла ничего общаго съ этимъ добрымъ самаритяниномъ.

„Это вы меня звали?“ спросила она прійдя къ несчастной.—„Да, спасите мнѣ жизнь, умоляю васъ, помогите мнѣ, отведите меня къ кустарнику, и пусть я умру тамъ, чтобы никто меня не видалъ.“ На это она замѣ-

*

тила, что я ее желаю погубить и навлекаю на нее несчастье. „Меня увидятъ и посадятъ въ тюрьму,“ сказала она. Такъ какъ она была религіозна, то я обратилась къ ней съ слѣдующими словами: „Не ужели у васъ хватить духа оставить меня на дорогѣ. Помогите мнѣ, по крайней мѣрѣ, перейти за стѣну, чтобы не быть на виду у проходящихъ.“

Никакія мольбы Бланки не могли вызвать состраданія въ этой благоразумной и благочестивой дѣвицѣ. Она ушла, отыскала священника гошпиталя и привела его къ несчастной дѣвушкѣ. Священникъ не обращая вниманія на ея страданія, началъ допрашивать ее о ея побѣгѣ, о соучастницахъ и пр. Наконецъ два человѣка взяли ее и понесли въ гошпиталь, гдѣ ее положили на дворѣ, на камни.

Мы не будемъ описывать дальше всѣхъ мученій, которымъ подвергалась эта несчастная дѣвушка въ послѣдующіе мѣсяцы. Она переносила ихъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и бодростью.

Наконецъ она была возвращена роднымъ, гдѣ сверхъ всякаго ожиданія, выздоровѣла и за тѣмъ вмѣстѣ съ семействомъ, отправилась въ Швейцарію.

Аббатъ графъ Бюккуа.

(1700 — 1702 г.)

Графъ Бюккуа, въ началѣ бывшій офицеромъ, пошолъ въ монахи, принадлежалъ къ ордену картезіянцевъ, трапистовъ и іезуитовъ, и послѣ пламенной набожности, дошелъ до совершеннаго охлажденія религиозныхъ чувствъ. Это былъ умъ подвижный, дѣятельный и, если вѣрить тому, что онъ самъ о себѣ говоритъ, пропагандистъ передовыхъ идей, врагъ деспотизма при Людовикѣ XIV. Онъ былъ задержанъ въ Санѣ по обвиненію въ соучастіи съ фальшивыми солоньями и въ произнесеніи неблагонамѣренныхъ рѣчей въ одной гостинницѣ. Когда его вели въ Парижъ, онъ попытался бѣжать, но безуспѣшно, и то что онъ рассказываетъ объ этой первой попыткѣ къ побѣгу доказываетъ, что онъ былъ еще въ ту пору гораздо менѣе искусенъ въ этого рода предпріятіяхъ, чѣмъ сдѣлался впоследствии.

Его заключили въ Форъ-л'Эвекъ и онъ съ перваго-же дня заключенія принялся придумывать средства къ освобожденію. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ свои похождения, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ:

„... Онъ слышалъ, что одинъ отставной тѣлохранитель едва не бѣжалъ изъ этой самой тюрьмы чрезъ окно на чердакъ, выходившее на *Долину Скорби* ¹⁾, и потому только не ушелъ, что испугался вышины. Аб-

---

¹⁾ Нынѣ набережную Мессажери.

бать рѣшился попытаться сдѣлать то, передъ чѣмъ отступилъ бѣдный тѣлохранитель. Прежде чѣмъ принять это, онъ постарался ознакомиться съ своимъ жилищемъ и сообразить планъ его. Онъ понялъ, что чердакъ, о которомъ идетъ рѣчь, служилъ прихожею его тѣсной камерѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ мебельною кладовою. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, однажды, когда его вели снизу, онъ притворился, что ему дурно и убѣдилъ тюремщика подвести его къ слуховому окну, чтобы освѣжиться воздухомъ. Онъ убѣдился, что окно дѣйствительно выходило на набережную *Долины Скорби*. Вышина была необычная и рядъ желѣзныхъ рѣшетокъ образовалъ цѣлый лѣсъ страшныхъ иглъ.

„Крѣпко запертый снова въ своей камерѣ, онъ началъ обдумывать, какъ бы ему выполнить свое намѣреніе. Вся задача заключалась въ томъ, чтобы выйти изъ камеры и очутиться одному на чердакѣ, въ удобное время. Но для этого пришлось бы взломать дверь, а она была очень крѣпка и у него не было никакихъ инструментовъ, не говоря уже о томъ, что стукъ при такой работѣ привлекъ бы вниманіе сторожей. Сообразивъ всѣ обстоятельства, онъ убѣдился, что не было инаго средства, какъ сжечь дверь и, остановившись на этой мысли, онъ попросилъ на другой день тюремщика позволить ему самому варить свой обѣдъ. Онъ спросилъ яицъ и угля, чтобы сварить ихъ, щедро наградивъ за все это простоватаго сторожа. Принявъ всѣ эти мѣры, онъ выждалъ, когда всѣ заснули, развелъ подъ дверью огонь и раздулъ его до того, что дверь занялась. Когда въ ней образовалось достаточное отверстіе, что можно было пролѣзть въ него, аббатъ, не желая быть причи-

ною пожара, остановилъ дѣйствіе огня заготовленною водою. Во все это время ему приходилось бороться съ страшнымъ дымомъ, отъ котораго онъ едва не задохся. Однако онъ преодолѣлъ эти препятствія и пролѣзши въ скважину, вышелъ на чердакъ, откуда онъ надѣялся убѣжать, съ помощью своей изобрѣтательности. Его ожиданія увѣнчались успѣхомъ. Несмотря на то, что у него не было веревокъ для спуска изъ окна, онъ нашелся и въ этомъ случаѣ. Изрѣзавъ въ полосы множество тюфяковъ лежавшихъ въ кладовой, онъ связалъ ихъ и привязалъ однимъ концемъ къ кровати, которую поставилъ поперегъ слуховаго окна, такъ что веревка была надежна. Принявъ всѣ эти мѣры, онъ рискнулъ на опасный спускъ и, миновавъ желѣзныя иглы, которыми были уставлены окна пяти или шести этажей, добрался, уже почти на разсвѣтѣ, до набережной. Все его платье было разорвано и въ величайшемъ беспорядкѣ. Его увидѣли купцы, отворявшіе свои лавки, но не подумали выдать его; за то онъ едва не попался благодаря мальчишкамъ, бѣжавшимъ за нимъ съ криками; къ счастью проливной дождь встати разогналъ ихъ. Аббатъ старался избавиться отъ нихъ, сворачивая то въ одну, то въ другую сторону и, пройдя Сентъ-Эстать пришелъ наконецъ къ Тамплю и вошелъ въ кабакъ, какъ будто позавтракать, въ сущности-же, что бы скрыть свои слѣды отъ преслѣдователей, если побѣгъ его уже открытъ. Но услышавъ, что около него разсуждаютъ о его плохомъ нарядѣ, онъ подумалъ, что побѣгъ его уже открытъ и, поспѣшно расплатившись, ушелъ, самъ не зная куда ему идти. Наконецъ онъ добрался до жилища родственницы одного изъ своихъ

лсугъ, въ улицѣ Маделонетъ, сочинилъ ей цѣлый романъ, въ объясненіе своего изодраннаго платья, далъ ей денегъ и велѣлъ приготовить себѣ поѣсть. Опасаясь болтливости этой женщины, онъ въ тотъ же вечеръ ушелъ отъ нея и отыскалъ себѣ болѣе безопасное убѣжище.

Такимъ образомъ скрывался онъ девять мѣсяцевъ, адресуя къ королю прошеніе за прошеніемъ въ свое оправданіе; наконецъ онъ счелъ за лучшее удалиться изъ Франціи, но неудачно выбравъ время, былъ задержанъ въ Ферѣ и посаженъ въ тюрьму. Онъ дважды снова пытался бѣжать и во второй разъ это ему едва не удалось; онъ уже спустился со стѣны и переплылъ ровъ, когда былъ замѣченъ и остановленъ.

Его опять привели въ Парижъ и заключили въ Бастилію.

Отсюда онъ, конечно, не могъ надѣяться бѣжать; это значило бы предпринять невозможное. Тѣмъ не менѣе, это была первая мысль его и тотчасъ по вступленіи въ тюрьму, онъ принялся осматриваться, чтобы сообразить, который изъ плановъ, уже придуманныхъ имъ, можетъ быть осуществленъ. Вниманіе, съ которымъ онъ осматривался, принесло ему большую пользу, когда онъ рѣшился въ послѣдствіи бѣжать изъ Бастиліи, не взирая на всѣ препятствія. Выйдя изъ привезшаго его экипажа, онъ замѣтилъ подъемный мостъ, валъ, но ему не дали времени продолжать наблюденія и повели въ башню Бретиньеръ. Онъ пробылъ нѣкоторое время въ нижнихъ покояхъ и за тѣмъ его проводили въ общую комнату съ другими преступниками. Онъ предложилъ имъ попытаться бѣжать всѣмъ вмѣстѣ,

за что одинъ изъ преступниковъ, аббатъ, донесъ на него. Его посадили въ темницу, но онъ съумѣлъ освободиться изъ нея, притворясь больнымъ, или вѣрнѣе, умирающимъ. Полагая, что онъ разбитъ параличемъ, его опять перевели въ общую комнату; но онъ устроилъ дѣло такъ, что его нѣсколько разъ перемѣщали изъ одной башни въ другую, давая ему такимъ образомъ возможность изучать мѣстность въ виду исполненія своего плана къ побѣгу. Наконецъ его заперли въ башнѣ Бертадьеръ. съ однимъ нѣмецкимъ барономъ, лютераниномъ, котораго онъ рѣшилъ обратить въ католицизмъ и заставить служить своимъ цѣлямъ. Они уже начали было открывать заложное окно, находившееся въ ихъ комнатѣ, когда ихъ выдалъ одинъ изъ сосѣднихъ съ ними заключенныхъ. Аббату удалось оправдаться передъ губернаторомъ Бастили и свалить вину на доносчика, однако его перевели и помѣстили въ башнѣ Свободы, не разлучая впрочемъ съ нѣмцемъ, чтобы не мѣшать начатому обращенію.

Тогда они начали приготовленія, чтобы спуститься въ ровъ у воротъ Св. Антонія; они проломили стѣну кусками желѣза, мѣдными пластинками, гвоздями, обломками ножей, собранными аббатомъ во всѣхъ тѣхъ комнатахъ, которыя онъ занималъ. Они точили эти желѣзные предметы на кружкахъ съ водою, а такъ какъ у нихъ въ комнатѣ находилась печь, то они усовершенствовали эти орудія огнемъ. Понадобилась имъ веревочная лѣстница, они принялись собирать ивовыя дранки съ бутылокъ вина, которое подавали имъ утромъ и вечеромъ; аббатъ увѣрилъ тюремщика, что они растапливаютъ печь этими дранками. Чтобы скрыть свои

запасы, онъ вынулъ половицу въ углу комнаты, сдѣлалъ тамъ яму и пряталъ въ ней всѣ свои орудія побѣга.

Между прочимъ онъ пряталъ туда полосы холста, которыя отрѣзалъ по временамъ, и салфетки, которыя кралъ: изъ нихъ онъ щипалъ корпию и опутывая ею дранки съ бутылочъ, приготовлялъ себѣ, на всякій случай, крѣпкую бичевку. Работа подвигалась и наши узники уже видѣли приближеніе желанной минуты, какъ вдругъ полъ комнаты аббата провалился и онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, упали въ комнату жившаго подъ ними помѣшаннаго іезуита, который послѣ этого случая окончательно рехнулся. Полъ исправили и помѣстили было аббата опять въ прежнюю комнату, но вскорѣ потомъ перевели изъ нея въ другую, къ его великому отчаянію, такъ какъ всѣ его надежды и всѣ плоды его долгихъ трудовъ были для него потеряны.

Онъ нашелъ средство избавиться отъ своего нѣмца, не желавшаго болѣе ничего предпринимать и только стѣснявшаго его, вмѣсто того чтобы быть ему полезнымъ. Между тѣмъ нѣмецъ отрекся отъ лютеранской вѣры, въ надеждѣ получить обѣщанную ему за это свободу, и аббатъ, прослывъ за искуснаго обращателя, безъ труда достигъ чтобы его помѣстили съ однимъ узникомъ, по имени Гранвилемъ, протестантомъ, но что было гораздо важнѣе для аббата, слышшимъ между заключенными за очличнаго товарища и за челоуѣка, готоваго всѣмъ рисковать, чтобы бѣжать. Къ нимъ присоединили двухъ другихъ плѣнниковъ, съ которыми аббатъ вскорѣ вступилъ въ заговоръ. Взявъ съ нихъ самыя торжественныя клятвы, онъ открылъ имъ, что у

него есть маленькая пила, которой никогда не могли открыть, сколько разъ его ни обыскивали. Онъ предложилъ перепилить оконную рѣшетку и спуститься на веревкахъ изъ окна. Ему удалось спасти часть веревокъ, свитыхъ имъ съ помощью нѣмца; они свили еще и каждый изъ нихъ принялся за дѣло. Однако съ ними едва не случилось того же, что съ работавшими на вавилонской башнѣ, только не по различію языковъ, а по разномыслию на счетъ способа побѣга. Наконецъ, они условились спуститься сначала въ ровъ, съ чего во всякомъ случаѣ слѣдовало начать, и за тѣмъ каждому бѣжать, куда вздумается.

Въ день, или вѣрнѣе въ ночь, назначенную для побѣга, когда всѣ легли спать, узники подняли рѣшетку окна. Опасаясь, какъ бы изъ нижнихъ оконъ не замѣтили висящихъ въ воздухѣ людей, они спустили предварительно широкую простыню, образовавшую родъ тумана передъ нижними окнами, заслонивъ передъ ними улицу. Такъ какъ нужно было устроить какой нибудь механизмъ, для того чтобы веревка не была привязана прямо къ стѣнѣ; то аббатъ, чтобы пріучить глаза часовыхъ къ такому предмету, выставилъ футы на 3 или на 4 изъ окна, родъ циферблата, прикрѣпленнаго къ палкѣ, выступавшей надъ рвомъ. Принявъ всѣ эти предосторожности и вымазавъ веревку черною краскою, добытою изъ жженой соломы, сажи и растопленнаго сала, для того чтобы она была незамѣтна, аббатъ просилъ своихъ товарищей позволить ему спуститься первому, обѣщая ждать ихъ во рву съ орудіями, которыми каждый долженъ былъ воспользоваться по своему. Онъ обѣщалъ имъ подать знакъ, въ ту минуту, когда

часовой отвернется, чтобы они пользовались этимъ случаемъ; сигналы должны были подаваться по веревкѣ, привязанной къ окну; различный способъ подергиванія ея долженъ былъ означать, пора или нѣтъ. Условившись во всемъ, аббать спустился и пробылъ во рву болѣе двухъ часовъ, безъ всякой вѣсти о товарищахъ. Напрасно дергалъ онъ за веревку, никто ему не отвѣчалъ. Онъ уже полагалъ, что новыя споры удержали его товарищей отъ исполненія ихъ намѣренія, когда мало по малу начали спускаться необходимыя орудія побѣга и за тѣмъ спустились двое изъ его товарищей; третій не могъ пролѣзть въ отверстіе рѣшетки. Это обстоятельство и было, какъ узналъ аббать, причиною ихъ задержки. Несчастный, которому не удалось бѣжать, былъ Гранвиль, великодушно убѣдившій товарищей покинуть его. Лучше погибать одному, чѣмъ тремъ, говорилъ онъ имъ. Выслушавъ этотъ горестный разсказъ, аббать снова принялся уговаривать товарищей своего побѣга кослѣдовать его плану, но видя, что ихъ нельзя убѣдить, онъ долженъ былъ подумать о себѣ. Мѣры его оказались такъ вѣрно расчитанными, что все произошло, какъ онъ предполагалъ. Набросивъ свою веревочную лѣстницу на напесадъ, онъ воспользовался минутою, когда часовой удалялся, и выбравшись изъ рва, достигъ водосточной трубы, еще разъ вскорабкался вверхъ, попалъ въ другую трубу и вышелъ изъ нея въ улицу Св. Антонія, къ бойнямъ. Здѣсь онъ едва не располъ себѣ крюкомъ руку. Прежде чѣмъ выйти изъ водосточной трубы, въ которой онъ спрятался, онъ захотѣлъ узнать, что случилось съ его товарищами. Но вдругъ онъ услышалъ крикъ, какъ будто кого то ду-

шли и вслѣдѣ за тѣмъ выстрѣлъ; онъ заключилъ изъ этого, что его товарищи напали, какъ онъ самъ совѣтовалъ, на часоваго, но по недостатку рѣшимости или силы, были сами застрѣлены. Такъ какъ никогда онъ болѣе не слыхалъ о нихъ, то это утвердило ея въ мысли, что они дѣйствительно погибли. Не дождаясь подобной же участи, онъ вышелъ, какъ уже сказано, въ улицу св. Антонія, прошелъ до улицы Турнель, сворачивая то въ одну, то въ другую сторону, чтобы скрыться отъ возможнаго преслѣдованія, прошелъ почти весь Парижъ и прибылъ наконецъ къ воротамъ Конференціи. Тамъ онъ встрѣтилъ друзей, которые спрятали его въ безопасное мѣсто и помогли потомъ выбраться въ чужіе края. На этотъ разъ онъ уже не думалъ оставаться въ Парижѣ, какъ послѣ бѣгства своего изъ Форъ-л'Эвека. Онъ слишкомъ дорого заплатился за эту неосторожность и счелъ теперь за лучшее убраться въ безопасное мѣсто. Выборъ его палъ на Швейцарію.

Баронъ фонъ-Тренкъ.

(1746—1763 г.).

Баронъ Фридрихъ Тренкъ, родившійся въ 1726 г. въ Кенигсбергѣ, былъ сынъ одного изъ высшихъ офицеровъ прусской арміи и двоюродный братъ знамени-

таго Тренка, полковника Пандуровъ *), служившаго у Маріи Терезіи. 18-ти лѣтъ, Фридрихъ Тренкъ уже служилъ офицеромъ въ гвардіи Фридриха II и пользовался большимъ расположеніемъ этого короля. Познанія, испытанная храбрость и блистательные подвиги снискали ему быстрое повышеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ множество завистниковъ и враговъ. Неосторожный и тщеславный, онъ замѣтилъ что сестра короля, принцесса Амалія, благосклонно принимала его ухаживанья; это была первая и быть можетъ главная причина немилости, къ которой скоро присоединились другія. Во время кампаніи 1744 г., непріятельскіе фуражиры увели конюха молодого гвардейца, съ двумя его лошадьми. Узнавъ объ этомъ, король велѣлъ дать ему коня съ своей конюшни, но на слѣдующій день конюхъ и лошади были приведены обратно непріятельскимъ трубачомъ, который вручилъ Тренку записку слѣдующаго содержанія отъ полковника Пандуровъ: „Австріецъ Тренкъ не воюетъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ пруссакомъ Тренкомъ; онъ радъ, что успѣлъ отнять у своихъ гусаровъ принадлежащихъ ему лошадей и препровождаетъ ихъ обратно“. Молодой человекъ тотчасъ же пошелъ сообщить королю объ этомъ приключеніи. Фридрихъ II мрачно посмотрѣлъ на него и сказалъ: „Если вашъ двоюродный братъ возвращаетъ вамъ лошадей, то моя вамъ болѣе не нужна“. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и король казалось уже возвратилъ молодому

---

*) Пандуръ—деревня въ Венгріи; жители ея, употреблявшіеся сначала для преслѣдованія воровъ, впоследствии образованы были въ полки, солдаты которыхъ получили названіе «Пандуровъ».

Тренку свое отеческое расположеніе, какъ вдругъ надъ головою несчастнаго барона разразилась собиравшаяся надъ нимъ туча.

Мѣсяцевъ за семь или за восемь передъ тѣмъ, Тренкъ согласился, по совѣту одного изъ высшихъ офицеровъ своего полка, написать незначительное письмо къ своему родственнику, начальнику Пандуровъ, что составляло важный проступокъ противъ дисциплины. Дѣло съ лошадьми произошло послѣ этого письма, о которомъ Тренкъ давно пересталъ думать, когда онъ вдругъ получилъ отвѣтъ на него, вѣроятно подложный и бывшій дѣломъ того же самаго офицера, который убѣдилъ Тренка вступить въ эту неосторожную переписку. Какъ бы то ни было, а молодаго человѣка въ этотъ же день арестовали и отвезли въ замокъ Гладъ, гдѣ его заключили въ комнату дежурныхъ офицеровъ, предоставивъ ему относительную свободу. Онъ сдѣлалъ еще ту ошибку, что написалъ королю, изъ крѣпости, очень высокомѣрное письмо, которое не понравилось. Прошло пять мѣсяцевъ послѣ заключенія; король не отвѣчалъ на просьбу барона судить его военнымъ судомъ и назначилъ на его мѣсто въ гвардіи другаго. Тогда Тренку пришла мысль бѣжать.

Во время своего пребыванія въ Гладѣ, онъ пріобрѣлъ себѣ много друзей въ числѣ караулившихъ его офицеровъ, отдавая имъ значительную часть своихъ денегъ, которыхъ у него было много. Двое изъ этихъ офицеровъ предложили помочь ему бѣжать и вызвались сопровождать его. Они всѣ трое стали готовиться, но изъ состраданія, неосторожно задумали освободить одного офицера, приговореннаго къ десяти-

лѣтнему заключенію. Этотъ негодяй, котораго Тренкъ осыпалъ благодареніями, выгнавъ ихъ планъ, донесъ на нихъ въ тотъ же день и получилъ за измѣну помилованіе и свободу. Одинъ изъ офицеровъ во время слѣдствія успѣлъ бѣжать; другой, благодаря Тренку, подкупившему его судью, отдѣлался заключеніемъ на годъ, а самого Тренка подвергли болѣе строгому надзору. Спустя нѣсколько лѣтъ, предавшій ихъ негодяй былъ встрѣченъ Тренкомъ въ Варшавѣ и получилъ заслуженное наказаніе. Пожелавъ отмстить за него оружіемъ, онъ былъ убитъ на мѣстѣ.

Король былъ сильно прогнѣванъ этою попыткою къ побѣгу, которая была въ его глазахъ подтвержденіемъ обвиненій, взведенныхъ на Тренка. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, мать послѣдняго ходатайствовала о его освобожденіи и король подалъ ей надежду, что онъ высидитъ въ крѣпости не долѣе одного года. Но молодого человѣка не предупредили объ этомъ и онъ, испытывая болѣе строгое заключеніе, сталъ подумывать о новыхъ попыткахъ къ побѣгу, разсчитывая на расположеніе или подкупъ своихъ тюремщиковъ.

Приводимъ его собственный разсказъ о первой изъ этихъ попытокъ.

„Я былъ заключенъ въ башню, выходящую окнами на городъ. Мое окно находилось надъ валомъ, на высотѣ 15 футовъ отъ земли. Слѣдовательно, выбравшись изъ тюрьмы, мнѣ пришлось бы пройти по городу и надо было найти себѣ предварительно надежное убѣжище. Одинъ изъ офицеровъ подкупилъ съ этою цѣлью одного честнаго мыловара, согласившагося дать мнѣ у себя пристанище. Я назубрилъ перочинный ножикъ и,

трудясь безъ устали, успѣлъ подпилить три крѣпкія перекладки въ рѣшеткѣ окна. Это занятіе длилось долго и наскучило мнѣ; нужно было подпилить такимъ образомъ восемь перекладинъ для того, чтобы спуститься изъ окна. Одинъ изъ офицеровъ снабдилъ меня пилою, но пользоваться ею можно было только съ крайнею осторожностью, чтобы не привлечь вниманія часовыхъ. Довершивъ удачно это дѣло, я разрѣзалъ на полосы мой кожаный плащъ и, скрѣпивъ ихъ концами, сплелъ длинную тесьму. Я прибавилъ къ ней простыни и благополучно спустился съ страшной вышины. Шелъ дождь, ночь была темна и все мнѣ благопріятствовало. Но я совсѣмъ не предвидѣлъ, что мнѣ придется перейти въ бродъ сточную яму, гдѣ накопились всевозможныя нечистоты. Я увязъ въ ней по колѣно и никакъ не могъ выбраться; послѣ тщетныхъ усилій, мнѣ пришлось обратиться за помощью къ ближайшему часовому.

„Пошли донести коменданту, что Тренкъ увязъ въ помойной ямѣ. Къ довершенію несчастія, комендантомъ Глаца былъ генераль Фукъ, человекъ суровый и безпощадный врагъ всѣхъ, кто не умѣлъ пресмыкаться подъ игомъ подчиненія. Мой отецъ ранилъ его на поединкѣ, а мой двоюродный братъ, австріецъ, отнял у него какъ то однажды его багажъ. Вслѣдствіе всего этого, самое имя Тренка было ему ненавистно и онъ не однажды доказалъ мнѣ это. Онъ велѣлъ оставить меня въ ямѣ до полудня, съ тѣмъ, чтобы я служилъ посмѣшищемъ всему гарнизону. Наконецъ, вытащивъ оттуда, онъ велѣлъ отвести меня въ тюрьму и весь день не давать воды, въ которой я такъ нуждался, чтобы обмыться. Невозможно себѣ представить, до чего я былъ

ужасенъ и отвратителенъ. Усилія, которыя я дѣлалъ, покрыли всего меня грязью и я былъ по истинѣ достоинъ состраданія; наконецъ, ко мнѣ прислали двухъ заключенныхъ, которые помогли мнѣ очиститься.

„Съ тѣхъ поръ меня стали держать въ строжайшемъ заключеніи. Къ счастью, при мнѣ оставалось еще 80 луидоровъ, когда меня посадили въ новую тюрьму; впоследствии я употребилъ ихъ съ пользою,

„Не прошло недѣли со времени этой несчастной попытки, какъ произошло новое событіе. Оно могло бы показаться слишкомъ романичнымъ, если бы я, главное дѣйствующее лицо въ этой сценѣ, не могъ призвать въ свидѣтели всего Глаца, всей прусской арміи, знавшей объ этомъ фактѣ отъ очевидцевъ. Нижеслѣдующее покажетъ, что смѣлость и храбрость, внушенные отчаяніемъ, дѣлаютъ возможными самыя невѣроятныя предпріятія, и что случай можетъ открыть передъ рѣшительнымъ человѣкомъ болѣе вѣрный путь къ счастью, чѣмъ самый глубоко обдуманый планъ... Дѣло вотъ въ чемъ:

„Меня навѣстилъ въ тюрьмѣ плацъ-маіоръ Доо. Его сопровождали адъютантъ его и одинъ дежурный офицеръ. Осмотрѣвъ всѣ углы моей тюрьмы, онъ вступилъ со мною въ разговоръ и далъ мнѣ понять, что преступленіе мое отягощалось моими попытками къ побѣгу и что, какъ онъ не сомнѣвался, король весьма гнѣвается на меня. Это слово „преступленіе“ привело меня въ ярость. Онъ сталъ увѣщевать меня быть терпѣливѣе, сдержаннѣе. Я просилъ сказать мнѣ, какой срокъ положенъ королемъ моему заключенію. Плацъ-маіоръ отвѣчалъ, что офицеръ, виновный въ измѣнѣ, бывшій въ перепискѣ

съ врагами государства, можетъ ждать орока своему наказанію только отъ великодушія короля. Пока онъ это говорилъ, я незамѣтно поглядывалъ на его шпагу. При послѣднемъ словѣ, я бросился на него, вырвалъ у него шпагу и, выбѣжавъ изъ комнаты, опрокинулъ часоваго вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ, ошеломленныхъ моимъ явленіемъ, и толкнулъ ихъ такъ, что они скатились съ лѣстницы. Весь караулъ загоразивалъ мнѣ путь, но я рубилъ на право и на лѣво съ такимъ остервененіемъ, что передо мною всѣ отступали съ изумленіемъ и ужасомъ. Ряды прорвались; я ранилъ четверыхъ и проложилъ себѣ путь. Пробѣжавъ мимо этихъ людей, ошеломленныхъ моимъ поступкомъ, я соскочилъ съ вала и несмотря на его страшную вышину, упалъ въ ровъ прямо на ноги; не причинивъ себѣ никакого вреда и не выпуская изъ рукъ маіорской шпаги. Достигнувъ втораго вала, гораздо менѣе высокаго, я соскочилъ съ него точно также удачно, и опять всталъ на ноги. Никто не успѣлъ зарядить ружья, и никто также не подумалъ погнаться за мною по той дорогѣ, которую я избралъ. Чтобы догнать меня, пришлось бы сдѣлать большой обходъ и прежде чѣмъ мои преслѣдователи достигли бы городскихъ воротъ, я уже опередилъ бы ихъ на получасовое разстояніе. Но въ ту минуту какъ я пробѣгалъ узкій проходъ внутренней траншеи, ко мнѣ бросился часовой и загородилъ дорогу. Оттолкнувъ направленный на меня штыкъ, я нанесъ часовому сильный ударъ саблею поперегъ лица; сзади бѣжалъ ко мнѣ другой часовой; я вздумалъ перескочить черезъ палисадъ, но завязъ ногою между двухъ кольевъ. Солдатъ ударилъ меня штыкомъ въ верхнюю губу и

такъ какъ я не могъ освободиться, то онъ схватилъ меня за ногу и держалъ въ этомъ ужасномъ положеніи, пока не подоспѣлъ къ нему на помощь другой солдатъ. Я защищался отчаянно, однако, они избивъ меня привладами, отвели въ тюрьму.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы мнѣ удалось перелѣзть черезъ палисадъ и если бы я безпощадно убилъ подходившаго ко мнѣ солдата, то мнѣ удалось бы убѣжать въ горы. Такимъ образомъ, я, выйдя среди бѣлаго дня изъ Глаца, пройдя всю крѣпость, сквозь ряды выступившаго противъ меня караула, могъ бы пробраться въ Богемію. Мнѣ достаточно было бы моей шпаги, чтобы справиться по одиночѣ съ моими преслѣдователями, а въ ту пору я опережалъ на бѣгу самыхъ проворныхъ.

„Пока я бѣжалъ до полисада, мнѣ благопріятствовало необычайное счастье, но въ эту рѣшительную минуту оно меня покинуло. Послѣ такого смѣлаго подвига, вдругъ всѣ мои надежды разбились. Заключение мое сдѣлалось еще строже; въ мою комнату помѣстили унтеръ-офицера и двухъ сторожей, которые не покидали меня ни на минуту. Когда я выходилъ изъ комнаты, за мною слѣдили часовые. Я находился въ ужасномъ положеніи; избитый привладами, съ вывихнутою ногою, я харкалъ кровью и рана моя была такъ значительна, что не заживала болѣе мѣсяца...

„Снова погруженный во всѣ ужасы неволи, я только о томъ и помышлялъ, какъ бы выискать новый случай къ побѣгу. Я изучилъ характеры стерегшихъ меня солдатъ, недовольныхъ и наскучившихъ службою. Вскорѣ тридцать два человѣка были готовы служить мнѣ... За исключеніемъ двухъ или трехъ, ни одинъ изъ нихъ не

зналъ другихъ; трудно было предположить, поэтому, чтобы всѣ они обманули меня. Экспедиціею долженъ былъ начальствовать унтеръ-офицеръ Николаи. Изъ четырехъ офицеровъ, дежурившихъ въ крѣпости, трое были за меня. Все было готово и мы спрятали запасы амуниціи подъ поломъ моей тюрьмы. Мы намѣревались освободить узниковъ и удалиться въ Богемію походнымъ маршемъ. Къ несчастію, Николаи довѣрился одному австрійскому дезертиру, который выдалъ насъ.

„Губернаторъ тотчасъ прислалъ въ крѣпость своего адъютанта, съ предписаніемъ дежурному офицеру арестовать Николаи. Тотъ также былъ дежурный; ему одному были извѣстны всѣ заговорщики, изъ которыхъ многіе дежурили вмѣстѣ съ нимъ. Какъ человекъ рѣшительный, Николаи, не колеблясь побѣжалъ по казематамъ, крича: „Товарищи! къ оружію! намъ измѣнили.“ Заговорщики бросились за нимъ въ караульню, схватили ружья и Николаи, велѣвъ ихъ зарядить, побѣжалъ ко мнѣ; но дверь моей тюрьмы была желѣзная и не оставалось времени ломать ее. Послѣ тщетныхъ усилій, потерявъ надежду освободить меня, Николаи повелъ девятнадцать человекъ, съ ружьями на плечѣ, къ воротамъ, выходящимъ въ поле. Дежурный унтеръ-офицеръ и шестеро караульныхъ подъ его начальствомъ послѣдовали за Николаи и прежде чѣмъ собралась погоня, они уже были на полъ-дорогѣ къ границѣ. Счастье благополучно привело ихъ къ Брауноу, въ Богемію. Это событіе навлекло на мою голову страшную грозу. Меня намѣревались судить какъ заговорщика и усилили стражу и предосторожности вокругъ меня. Но я былъ увѣренъ, что на офицеровъ не имѣли никакого подо-

зрѣнія и такъ какъ они были обязаны навѣщать меня по нѣскольку разъ въ день, то я продолжалъ питать надежду на спасеніе.

„Поручикъ Бахъ, дежурившій при мнѣ черезъ каждые три дня, былъ самаго сварливаго нрава: онъ каждый день ссорился съ товарищами и вызывалъ ихъ на дуэль. Однажды, когда этотъ страшный человѣкъ рассказывалъ мнѣ, сидя на моей постелѣ, что наканунѣ онъ ранилъ въ руку поручика Шея, я сказалъ ему, улыбаясь: „Будь я свободенъ, вамъ не такъ легко удалось бы меня ранить, потому что и я также умѣю владѣть шпагою.“ Онъ вспылилъ. Остатки старой двери, служившей мнѣ столомъ, были обращены въ рапиры и я съ перваго же удара тронулъ его въ грудь. Не сказавъ ни слова, мой поручикъ вышелъ и, къ крайнему моему удивленію, возвратился съ двумя солдатскими саблями подъ плащемъ. „Теперь посмотримъ твое искусство, хвастунишка!“ сказалъ онъ, подавая мнѣ одну изъ этихъ сабель. Тщетно я представлялъ ему, какой онъ подвергается отвѣтственности, онъ не хотѣлъ ничего слышать и бросился на меня, какъ безумный. Я ранилъ его въ правую руку. Вдругъ онъ бросаетъ саблю, кидается мнѣ на шею, обнимаетъ меня и восклицаетъ въ порывѣ какой-то судорожной радости: „Ты мой учитель, другъ Тренкъ. Ты будешь свободенъ, такъ должно быть. Я освобожу тебя, не будь я Бахъ.“ Я перевязалъ его довольно глубокую рану и онъ спокойно ушелъ, чтобы позвать хирурга для перевязки, а вечеромъ опять пришелъ ко мнѣ.

„Возвращаясь къ своему предложенію освободить меня, онъ сказалъ, что это возможно сдѣлать только тогда, если дежурный офицеръ согласится бѣжать вмѣстѣ со

мною. Что касается его самага, то онъ охотно пожертвовалъ бы собою для меня, если бы не считалъ бѣгства съ дежурства подлостью, а на подлость онъ неспособенъ. Но онъ далъ мнѣ честное слово прислать ко мнѣ вскорѣ такого человѣка, какой былъ мнѣ нуженъ и сдѣлать все возможное, чтобы услужить мнѣ. На другой день онъ опять пришелъ ко мнѣ и представилъ мнѣ поручика Шеля, сказавъ: „Вотъ тотъ, кого вамъ надо.“ Шель обнялъ меня, обязался честнымъ словомъ служить мнѣ и мы безотлагательно принялись обдумывать планъ побѣга.

„Шель, недавно переведенный въ крѣпость Глацъ, долженъ былъ дежурить при мнѣ въ первый разъ черезъ три дня. Мы отложили до того дня наше дѣло. Деньги мои вышли, за исключеніемъ шести пистолей, и поэтому Бахъ вызвался съѣздить за ними въ Швейдницъ, къ одному моему родственнику. Слѣдуетъ прибавить, что я былъ въ большой дружбѣ со всѣми офицерами гарнизона, исключая одного, капитана Рёдера, который обходился со мною весьма сурово и дѣлалъ мнѣ всевозможныя непріятности. Маіоръ Кводтъ былъ мнѣ роднею по матери и отъ всей души желалъ, чтобы мнѣ удалось бѣжать. Бахъ, Шрёдеръ, Люницъ и Шель, четыре поручика, дежурившіе при мнѣ по очереди, помогали мнѣ во всѣхъ моихъ приготовленіяхъ: Шель намѣревался бѣжать со мною вмѣстѣ, а Шрёдеръ и Люницъ располагали вскорѣ послѣдовать за нами. Большая часть офицеровъ, рассылаемыхъ по гарнизонамъ, были бѣдняки, запутавшіеся въ долгахъ или въ другихъ исторіяхъ, терпѣвшіе крайность, презираемые въ арміи и только помышлявшіе о томъ, чтобы дезертировать. Такъ

какъ я всегда былъ при деньгахъ, то я порождалъ въ нихъ надежды на богатство и легко приобрѣталъ себѣ друзей.

„Однако прошелъ слухъ, что офицеры находятся со мною на слишкомъ короткой ногѣ. Это вызвало предписание не входить въ мою тюрьму и доставлять мнѣ все необходимое черезъ окно въ двери. Запрещено было подъ страхомъ разжалованья, ѣсть вмѣстѣ со мною. Но офицеры заказали другой ключъ къ моей двери, такъ какъ первый находился въ рукахъ маіора, и продолжали проводить со мною часть дня и ночи. Противъ моей комнаты находилась комната капитана Дамница, дезертировавшаго послѣ похищенія ротной кассы, изъ прусской арміи, и сдѣлавшагося австрійскимъ шпиономъ. Уличенный на мѣстѣ преступленія, онъ былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, но наказаніе было смягчено въ пожизненное заключеніе. Онъ служилъ шпиономъ плацъ-маіору, узнавшему чрезъ него о моихъ отношеніяхъ къ офицерамъ.

„24 декабря, былъ день дежурства Шеля. Онъ вошелъ ко мнѣ и мы назначили побѣгъ на 28 декабря, когда онъ долженъ былъ вторично дежурить. Но въ тотъ же самый день, поручикъ Шредеръ, обѣдавшій у коменданта, узналъ тамъ, что Шеля предписано немедленно арестовать. Полагая, что намъ измѣнили, онъ поспѣшилъ въ крѣпость, чтобы предупредить Шеля. „Все открыто, спасайся скорѣе, сказалъ онъ ему; тебя сейчасъ арестуютъ.“ Шель легко могъ бы бѣжать одинъ; Шредеръ предлагалъ ему даже проводить его до Богеміи, но великодушный другъ не захотѣлъ меня покинуть. Онъ вошелъ ко мнѣ, держа подъ плащомъ унтеръ-офицерскую шпагу: „Другъ мой, намъ измѣнили; сказалъ

онъ. Слѣдуй за мною и не дай мнѣ попасть живымъ въ руки моихъ враговъ.“ Я хотѣлъ возразить, но онъ схватилъ мою руку: „Иди за мною; намъ нельзя терять ни минуты“. Я наскоро одѣлся и вышелъ съ такою поспѣшностью, что позабылъ захватить съ собою оставшіяся у меня деньги, которыя я припряталъ.

„Выходя, Шель сказалъ часовому: „Я веду вашего узника на офицерскую гауптвахту. Оставайтесь здѣсь.“ Мы дѣйствительно пришли туда, но лишь для того, чтобы выйти въ противоположную дверь. Другъ мой располагалъ пройти подъ арсеналомъ до внѣшнихъ укрѣпленій и перелѣзть черезъ палисады; но едва мы сдѣлали шаговъ сто, какъ намъ встрѣтился маіоръ Квадтъ, въ сопровожденіи адъютанта. Шель испугался, влѣзъ на парапетъ и видя, что валъ былъ не слишкомъ высокъ, соскочилъ въ ровъ. Я послѣдовалъ за нимъ, не причинивъ себѣ никакого вреда, кромѣ легкой царапины на плечѣ; но Шель былъ менѣе счастливъ: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Тогда, подавая мнѣ свою саблю, онъ сталъ умолять меня заколоть его и потомъ бѣжать. Шель былъ малаго роста и слабого тѣлосложенія; я схватилъ его поперегъ тѣла и взваливъ себѣ на плечи, побѣжалъ съ своею ношею, самъ не зная хорошенько, куда я направляюсь. Солнце уже сѣло; по землѣ стлался густой туманъ и падалъ снѣгъ. Позади насъ били тревогу; насъ всѣ знали въ лицо, но прежде чѣмъ погоня изъ крѣпости достигла городскихъ воротъ, прошло около получаса.

„Мы не были еще во ста шагахъ отъ крѣпости, какъ сзади насъ грянулъ вѣстовой выстрѣлъ. Шель ужаснулся при этомъ звукѣ; онъ зналъ, что рѣдко дезер-

тирь благополучно достигаетъ границы, если ему не удалось пройти двухъ часовое разстояніе, прежде чѣмъ выпалить вѣстовая пушка. Гусары и крестьяне, слѣдуя заранѣе предписаннымъ правиламъ въ подобныхъ случаяхъ, проворно собираются и занимаютъ проходы. Едва мы сдѣлали шаговъ сто отъ крѣпости, какъ позади и впереди насъ началось движеніе. Было еще свѣтло, однако намъ удалось избѣжать врага, благодаря моему присутствію духа и моей репутаціи. Въ крѣпости знали по опыту, что двухъ или трехъ человекъ недостаточно для того, чтобы задержать насъ. При томъ же всѣ были увѣрены, что мы не рѣшились бы предпринять такое дѣло, незапасшись необходимымъ оружіемъ и никто не подозрѣвалъ, что при насъ не было ничего, кромѣ шпаги Шеля, да плохой капральской сабли.

Пронеся товарища нѣкоторое разстояніе, я посадилъ его на землю и осмотрѣлся. Я не видѣлъ ни города, ни замка; ясно, что и насъ не могли видѣть, такъ былъ густъ туманъ. Присутствіе духа не покидало меня и я твердо рѣшился умереть или освободиться. „Гдѣ мы? спросилъ я Шеля. Какъ пройти въ Богемію? Гдѣ протекаетъ Нейма?“ Но бѣднякъ не могъ отвѣчать; отчаяніе почти лишило его разсудка; онъ только умолялъ меня не покидать его живымъ, не разчитывая болѣе на возможность побѣга. Я поклялся ему убить его скорѣе чѣмъ покинуть, если не останется никакой надежды, и это обѣщаніе оживило его мужество. Онъ осмотрѣлся, узналъ мѣстность и сказалъ, что мы близъ воротъ, ведущихъ въ поле.

— Гдѣ же протекаетъ Нейма?

Онъ сталъ припоминать и указалъ мнѣ ту сторону. „Такъ какъ всѣ видѣли, что мы отправились къ Богеміи, сказалъ я, то съ этой стороны для насъ не остается надежды. Здѣсь уже протянуть кордонъ и всѣ дороги должно быть заняты гусарами и крестьянами, которые насъ ищутъ и ждутъ.“ Я снова взвалилъ его на плечи и направился къ Неймѣ. Вскорѣ мы услышали движеніе во всѣхъ деревняхъ; крестьяне спѣшили образовать кордонъ и перекликались, подавая сигналы. Нейма была покрыта тонкимъ льдомъ, который ломался подъ моими ногами; я несъ Шеля, пока могъ идти въ бродъ, но по срединѣ рѣки онъ долженъ былъ держаться за мои волосы, потому что не умѣлъ плавать. Впрочемъ это было дѣломъ одной минуты и мы достигли противоположнаго берега.

„Можно судить какъ было пріятно переплывать рѣку 24 декабря и затѣмъ оставаться на воздухѣ впродолженіе семнадцати часовъ. Часамъ къ семи вечера туманъ разсѣялся, дождь пересталъ моросить, показался мѣсяцъ и заморозило. Ходьба и тяжесть ноши не допустили меня до простуды, но тѣмъ не менѣе я былъ совершенно мокръ. Что касается бѣднаго Шеля, то онъ умиралъ отъ холода и страшно страдалъ отъ боли въ ногѣ. Однако, переправившись за Нейму, мы уже были спокойнѣе, такъ какъ никому не вздумалось бы преслѣдовать насъ по силезской дорогѣ. Я шелъ берегомъ впродолженіе получаса, не останавливаясь. Пройдя деревню, гдѣ начиналась дезерціонная линія и которую Шель зналъ, потому что былъ здѣсь нѣсколько разъ, мы случайно нашли на берегу рыбацью лодку. Я отвя-

заль ее и мы отчалили. Вскорѣ мы были на противуположномъ берегу и достигли горъ.

Здѣсь можно было отдохнуть. Мы ободрились, прилегли на снѣгу и принялись совѣтоваться, что намъ предпринять. Я отрѣзалъ для Шеля толстый сукъ и онъ пошелъ, опираясь на него, но снѣгъ былъ глубокъ и покрытъ толстою ледяною корою, которая ломалась подъ ногами; бѣдный товарищъ мой съ трудомъ подвигался впередъ. Всю ночь прошли мы такимъ образомъ, иногда увязая въ снѣгу по поясъ, и безпрестанно должны были останавливаться. Когда насталь день, мы уже считали себя близъ самой границы, миляхъ въ 4 отъ Глаца. Кто же изобразить нашъ ужасъ, когда мы вдругъ услышали бой городскихъ часовъ! Страшно страдая отъ холода, голода и усталости, мы едва ли могли бы вынести такое положеніе еще одинъ день; однако, ободривъ себя, мы успѣли пройти еще полчаса и пришли въ деревню, лежавшую у подошвы горы. Не подалеку стояли два отдѣльные дома и мы благополучно достигли ихъ. При побѣгѣ изъ крѣпости, мы потеряли наши шляпы, но Шель, который, какъ читатель помнитъ, былъ дежурный, имѣлъ на себѣ шарфъ и офицерскіе знаки, что должно было придать ему нѣкоторое значеніе въ глазахъ крестьянъ.

„Я порѣзалъ себѣ палецъ и, выпачкавъ себѣ въ крови лицо, рубаху и платье, повязалъ голову, какъ челоувѣкъ раненый. Въ этомъ видѣ, я принесъ Шеля на нѣкоторое разстояніе недоходя дома. Тамъ онъ связалъ мнѣ за спиною руки, такъ однако, чтобы я легко могъ развязать ихъ, и я пошелъ впереди его. Онъ шелъ за мною, опираясь на палку и зова на помощь. Выбѣжали

два старые крестьянина. „Вѣгите въ село, закричалъ имъ Шель, велите сейчасъ заложить пару лошадей въ телѣгу. Я поймалъ этого негодяя; онъ убилъ подо мною лошадь и я вывихнулъ себѣ ногу по его милости. Однако и я его, какъ видите, хорошо отдѣлалъ и связалъ; поскорѣе телѣгу, чтобы я могъ его повѣсить прежде чѣмъ онъ умретъ“.

„Я притворился совершенно изнемогающимъ и далъ втащить себя въ комнату. Одинъ изъ крестьянъ побѣжалъ въ деревню. Пожилая старуха и очень красивая молодая дѣвушка, глядѣвшая на меня съ состраданіемъ, дали намъ хлѣба и молока; но каково же было наше изумленіе, когда старый крестьянинъ назвалъ Шеля по имени! Онъ зналъ, сказалъ онъ, что мы дезертиры; наканунѣ вечеромъ, въ фермеру приходилъ офицеръ, чтобы дать наши примѣты; онъ сказалъ наши имена, описалъ нашъ костюмъ и рассказалъ всѣ обстоятельства нашего побѣга. При томъ же старикъ лично зналъ Шеля, въ ротѣ котораго служилъ его сынъ, и не разъ имѣлъ случай говорить съ нимъ въ Гебельшвертѣ, когда Шель стоялъ тамъ съ гарнизономъ.

„Насъ могли спасти только рѣшимость и присутствіе духа. Я тотчасъ вышелъ и побѣжалъ въ конюшню, пока Шель старался занять крестьянина; но оказалось, что мы имѣли дѣло съ добрымъ человѣкомъ; онъ даже указалъ намъ самый краткій путь въ Богемію. Мы были всего въ полторы мили отъ Гладъ, проплутавъ шесть миль по этой проклятой горѣ.

„Въ конюшнѣ я нашелъ трехъ лошадей, но не нашелъ поводыевъ; молодая дѣвушка склоняясь на мои мольбы дала мнѣ ихъ. Осѣдлатъ лошадей, посадить на одну

изъ нихъ Шеля, на другую вскочить самому, было дѣломъ одной минуты. Старикъ принялся кричать, умолялъ насъ оставить его лошадей; къ счастью у него не достало смѣлости, а быть можетъ и мужества, чтобы воспротивиться нашему бѣгству, иначе, въ нашемъ положеніи достаточно было бы одной вилы, чтобы задержать насъ пока не подоспѣетъ помощь. Такимъ образомъ, мы поскакали безъ сѣделъ и безъ шляпъ. На Шель былъ его мундиръ, шляпа и офицерскіе знаки; на мнѣ мой красный гвардейскій мундиръ. Новая бѣда. Моя проклятая лошадь не двигалась съ мѣста; однако я, какъ хорошій наѣздникъ, принудилъ ее идти. Шель ѣхалъ впереди. Не проѣхали мы нѣсколькихъ сотъ шаговъ, какъ увидѣли приближавшихся къ намъ крестьянъ. Къ счастью въ этотъ день было Рождество, шла обѣдня и весь народъ былъ въ церкви; иначе мы бы погибли.

„Намъ необходимо было проѣхать чрезъ Вюнтельбургъ, а въ этомъ городкѣ насъ неминуемо должны были задержать. Шель былъ тамъ мѣсяцъ тому назадъ и его всѣ знали. Нашъ видъ, обнаженные головы, неосѣдланная лошадь, все показывало кто мы такіе. Въ городкѣ находилось 80 человѣкъ пѣхоты и 12 гусарь, назначенныхъ для преслѣдованія дезертировъ. Но Шель, зная мѣстность, объѣхалъ его. Наконецъ, уже почти у самой границы, мы наткнулись на поручика Зербета, посланнаго за нами въ погоню. Зербетъ всегда былъ очень расположенъ ко мнѣ. „Другъ мой, поѣзжай влѣво, закричалъ онъ мнѣ; вонъ тотъ домъ стоитъ на границѣ. Направо ты встрѣтишь гусарь.“ Сказавъ это, онъ повернулъ въ сторону, какъ будто не видалъ насъ. Къ 11 часамъ утра, мы были въ Броунау, въ Богеміи.

„Не теряя времени, я отослалъ обратно въ Глацъ двухъ лошадей и капральскую шпагу, адресовавъ все это на имя генерала Фуке, коменданта крѣпости. Письмо мое привело его въ такой ужасъ, что онъ прогналъ сквозь строй часовыхъ при моей темницѣ и всѣхъ солдатъ, бывшихъ подъ ружьемъ въ день моего побѣга и стоявшихъ на валу, съ котораго мы соскочили, не смотря на то, что часовые были обязаны повиноваться дежурному офицеру, Шелю, приказавшему имъ не отлучаться отъ своего поста. Но предусмотрительный губернаторъ Глаца хвастался, наканунѣ моего побѣга, что онъ поставилъ меня въ совершенную невозможность предпринять новый побѣгъ и вотъ онъ вымѣстилъ на беззащитныхъ бѣднякахъ свою собственную оплошность и неспособность.“

Въ первые мѣсяцы послѣ своего побѣга, Тренкъ велъ самое жалкое существованіе, всюду преслѣдуемый мстью Фридриха и не разъ вынужденный обороняться оружіемъ отъ попытокъ прусскихъ агентовъ овладѣть имъ. Опальный въ своемъ отечествѣ, онъ поступилъ въ австрійскую службу. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда приключеній, описаніе которыхъ носить въ его запискахъ печать правдивости, не смотря на все, что въ нихъ есть необыкновеннаго, онъ поѣхалъ въ Данцигъ и по милости императорскаго резидента и мѣстныхъ властей, былъ выданъ прусскому королю.

Этотъ арестъ казался заглушилъ въ немъ на время его изобрѣтательность и способность хватываться за всякій случай чтобы возвратить свою свободу. При переѣздѣ изъ Данцига въ Берлинъ, сторожа не разъ умышленно давали ему случай бѣжать: онъ замѣчалъ эти случаи,

потому что говорить о нихъ въ своихъ запискахъ, но не съумѣлъ или не захотѣлъ ими воспользоваться. Привезенный въ Магдебургъ, онъ былъ заключенъ въ цитадель.

„Тюрьма моя, пишетъ онъ, находилась въ казематѣ, передняя часть котораго, въ 6 футовъ ширины и 10 ф. длины, была раздѣлена стѣною съ просвѣтомъ, въ которомъ была двойная дверь. Третья дверь вела въ казематъ, стѣна котораго имѣла 7 футовъ толщины. Подъ самымъ потолкомъ находилось окно, устроенное такимъ образомъ, что въ него не было видно ни неба, ни земли. Все, что я могъ видѣть, была крыша магазина, находившагося напротивъ тюрьмы. Съ наружной и внутренней стороны окна были вдѣланы желѣзныя рѣшетки, а между ними, въ толщѣ стѣны, находилась рѣшетка изъ желѣзной проволоки, на 1 футъ уже отверстія, и такая частая, что сквозь нее ничего нельзя было видѣть. Въ шести шагахъ отъ стѣны стоялъ палисадъ, недопуславшій къ ней часовыхъ. Меблировка моей тюрьмы состояла изъ матраца, положеннаго на деревянную скамью, которая была прикована къ полу желѣзными полосами для того, чтобы ее нельзя было придвигать къ окну. Оковъ на меня не положили, но мнѣ опредѣлили давать въ пищу не болѣе полутора фунта хлѣба въ день съ кружкой воды. Хлѣбъ былъ большею частью такой заплѣсневѣлый, что я едва могъ съѣдать его половину. Невозможно описать, что я выстрадалъ отъ голода въ эти одиннадцать мѣсяцевъ. Никогда въ жизни моя твердость не подвергалась болѣе тяжкому испытанію. На всѣ мои просьбы, мольбы, былъ одинъ отвѣтъ: „это воля короля; вамъ ничего болѣе не велѣно давать.“

„Ключи отъ моихъ трехъ дверей хранились у коменданта и въ одной изъ нихъ было продѣлано окно, въ которое мнѣ подавали пищу. Двери отпирались только по средамъ; послѣ того какъ одинъ изъ заключенныхъ вычищалъ мое платье, ко мнѣ входили комендантъ съ плацъ-маіоромъ. Я присматривался ко всему этому въпродолженіе двухъ мѣсяцевъ и убѣдившись, что цѣлую недѣлю ко мнѣ никто не входитъ, принялся, по зрѣломъ размышленіи, за дѣло, которое показалось мнѣ возможнымъ. Печка и платяной шкафъ были устроены на мѣстѣ, выстланномъ кирпичами. Отъ сосѣдняго каземата, стоявшаго пустымъ, меня отдѣляла всего одна стѣна; передъ моимъ окномъ стоялъ часовой и, не смотря на строжайшія запрещенія, мнѣ удалось найти между часовыми честныхъ малыхъ, которые рѣшались разговаривать со мною и описали мнѣ все расположеніе тюрьмы. Я убѣдился такимъ образомъ, что еслибы мнѣ удалось проникнуть въ смежный казематъ, дверь котораго не запиралась, то я легко могъ бы бѣжать. Пришлось бы только переправиться черезъ Эльбу, вплавъ или въ лодкѣ, которую могъ бы держать на готовѣ кто нибудь изъ друзей. Въ двухъ миляхъ оттуда находилась саксонская граница.

„Я началъ постепенно отрывать желѣзо, прикрѣпленное платяной сундукъ къ полу; сломавъ три гвоздя, я поставилъ ихъ шляпки на прежнее мѣсто, а желѣзо взялъ себѣ; оно послужило мнѣ орудіемъ, для подъема кирпичей, подъ которыми я нашелъ землю. За сундукомъ я сдѣлалъ отверстіе въ стѣнѣ, имѣвшей 7 ф. толщины. Первый слой ея образовали кирпичи, но затѣмъ я встрѣтилъ толстыя каменные плиты. Я перену-

мероваль половые и стѣнные кирпичи, чтобы опять класть ихъ на прежнее мѣсто. Опытъ удался и я продолжалъ свое дѣло. Я уже прорылъ стѣну на одинъ футъ и наканунѣ посѣщенія начальства снова тщательно клалъ на прежнее мѣсто. Чтобы вѣрнѣе обмануть глазъ, я засыпалъ промежутки мелкою известкой, которую соскоблилъ со стѣны. Стѣна дала мнѣ вдоволь этого матеріала, такъ какъ ее вѣроятно бѣлили разъ сто. Я надергалъ у себя волосъ, сдѣлалъ изъ нихъ кисть и, обмакивая ее въ известку, насыпанную въ ладонь, красилъ ею стѣну; потомъ, раздѣвшись до нага, я прислонился къ стѣнѣ и стоялъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ пока она не высыхала и не принимала однообразный тонъ. Затѣмъ, я прикрѣплялъ желѣзки къ сундуку такимъ образомъ, чтобы нельзя было замѣтить ни малѣйшаго перемѣщенія въ нихъ. Если бы ко мнѣ хотя однажды вошли не въ среду, все было бы открыто; но этого не случилось впродолженіе шести мѣсяцевъ.

„Работая, я складывалъ соръ подъ кровать; но надо было удалить его. Для этого я сдѣлалъ вотъ что. Рассыпавъ известь и обломки камня по полу, я топталъ ихъ цѣлый день, пока все это не превращалось въ мелкую пыль. Эту пыль я сложилъ на окно, приставивъ къ нему сундукъ. Изъ нѣсколькихъ щепокъ, отструганныхъ отъ моей кровати и связанныхъ нитками изъ старыхъ чулокъ, я сдѣлалъ палку, къ концу которой привязалъ пучекъ своихъ волосъ. Потомъ я расширилъ одну петлю въ рѣшеткѣ моего окна, такъ что это оставалось незамѣтнымъ, и выталкивалъ осторожно эту щеткою пыль изъ за рѣшетки на наружный край окна.

Выждавъ, когда ночью поднимался вѣтеръ, я сталкивалъ эту пыль за окно и вѣтеръ развѣвалъ ее, не оставляя слѣдовъ. Такимъ образомъ, я навѣрное выбросилъ фунтовъ 300 пыли. Нѣкоторую часть ея я сложилъ въ сундукъ и сверхъ того дѣлалъ изъ нея шарики и выдувалъ ихъ за окно чрезъ бумажную трубку, когда часовой прохаживался.

„Работа моя подвигалась, но не возможно описать, какъ она сдѣлалась трудна, когда я проломилъ песчаниковые камни фута на два. Инструментами служили мнѣ желѣзки, о которыхъ я говорилъ выше, затѣмъ старый желѣзный пруть, данный мнѣ однимъ добрымъ часовымъ, и старый ножъ съ деревянной рукояткой. Эти два предмета были мнѣ особенно полезны. Послѣ непрерывнаго двухъ-мѣсячнаго труда, я едва дорылся до послѣдняго ряда плитъ, граничившаго съ наружными кирпичами стѣны сосѣдняго каземата. Въ это время, я имѣлъ случай говорить съ нѣкоторыми изъ часовыхъ, въ томъ числѣ съ однимъ старымъ гренадеромъ, Гефгартомъ. Онъ подробно описалъ мнѣ расположение тюрьмы и далъ всѣ необходимыя свѣдѣнія къ облегченію моего побѣга. Мы должны были бѣжать вмѣстѣ, но купивъ предварительно лодку для переправы черезъ Эльбу, а на это у меня не было денегъ. Гефгартъ привлекъ къ нашему дѣлу одну еврейку изъ Дессау, Эсѣиръ Гейманъ, отецъ которой уже десять лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Ей удалось подкупить еще двухъ гренадеровъ, доставлявшихъ ей случай говорить со мною каждый разъ, когда они были на дежурствѣ.. Связавъ вмѣстѣ нѣсколько щепокъ, я могъ достать этою палкою

*

до палисада передъ моимъ окномъ и добылъ себѣ себѣ такимъ образомъ бумагу, ножъ и пилу.

„Я написалъ моей сестрѣ, жившей въ Гаммерѣ, близъ Кюстрина, прося ее прислать мнѣ 300 таллеровъ. Письмо это я вручилъ Эсеири, также какъ и другое, на имя графа Пуэбла, австрійскаго посланника въ Берлинѣ, и вексель на Вѣну въ 1000 фл., которые были предназначены въ награду за услуги Эсеири. Она отправилась прямо въ Берлинѣ, была хорошо принята графомъ Пуэбла, который послалъ ее къ своему секретарю, Вейнгартену. Послѣдній принялъ еврейку еще лучше и осыпалъ ее вопросами. Выказывая полную готовность помочь мнѣ, онъ вывѣдалъ отъ нея весь планъ побѣга и имена гренадеровъ, участвующихъ въ заговорѣ. Онъ далъ ей денегъ на поѣздку къ моей сестрѣ и велѣлъ побывать у него на обратномъ пути, чтобы взять деньги по векселю.

„Когда она возвратилась, онъ сказалъ ей, что 1000 флориновъ еще не высланы изъ Вѣны и вручилъ ей пока 12 дукатовъ, посылая скорѣе ко мнѣ съ хорошими вѣстями и наказывая возвратиться за деньгами.

„Эсеири поспѣшила въ Магдебургъ, но къ счастью, у воротъ крѣпости ей встрѣтилась жена одного изъ гренадеровъ, со слезами рассказавшая ей, что мужъ ея арестованъ и заключенъ въ оковы, вмѣстѣ съ товарищемъ. Понявъ, что все открыто, еврейка поспѣшила въ Дессау“.

Одного изъ гренадеровъ повѣсили, другаго три дня къ ряду прогоняли сквозъ строй. Сестру Тренка приговорили къ большому штрафу и къ уплатѣ расходовъ на постройку новой тюрьмы для ея брата. Въ началѣ

Тренкъ ничего не зналъ о случившемся, но вскорѣ Гефгартъ увѣдомилъ его обо всемъ, прибавивъ, что новая тюрьма его будетъ готова черезъ мѣсяцъ. Фридрихъ пріѣхалъ въ Магдебургъ на смотръ и самъ далъ рисунокъ цѣпей, которыя онъ велѣлъ наложить на своего узника. Но Тренкъ надѣялся бѣжать до истеченія мѣсяца. Спустя нѣсколько дней, его подземныя работы были кончены и онъ расположился бѣжать въ ту самую ночь, какъ вдругъ двери отворились, на него наложили оковы и, завязавъ ему глаза, увели въ другую тюрьму.

„Мнѣ развязали глаза. Великій Боже! что я увидѣлъ! При свѣтѣ факеловъ, два кузнеца, свирѣпые какъ циклопы, держали, одинъ молотъ, другой раскаленную жаровню; полъ былъ покрытъ цѣпями. Мнѣ наложили на ноги страшно тяжелыя цѣпи, прикованныя къ кольцу, вдѣланному въ стѣну; кольцо находилось фута на три отъ земли и дозволяло мнѣ сдѣлать шага два, три, въ право и въ лѣво. Затѣмъ вокругъ моей поясницы сковали кольцо, шириною въ ладонь, прикрѣпили къ нему цѣпь съ желѣзнымъ брусомъ, толщиною въ руку и длиною фута въ два и къ обѣимъ концамъ этого бруса приковали мои руки, продѣтыя въ кольца. Сдѣлавъ это дѣло, всѣ удалились въ страшномъ молчаніи и четыре двери заперлись одна за другою съ зловѣщимъ скрипомъ. Когда насталъ день, слабый свѣтъ едва позволилъ мнѣ разсмотрѣть окружавшіе меня предметы. Темница моя имѣла 10 шаговъ длины и 8 ширины. Въ одномъ углу ея была скамья, сложенная изъ кирпичей, на которой я могъ сидѣть, прислонивъ голову къ стѣнѣ. Насупротивъ моего кольца находилось окно въ стѣнѣ,

имѣвшей шесть футовъ толщины; оно было полукруглое, въ одинъ футъ по радіусу. Амбразура окна проходила въ стѣнѣ по ломаной линіи, снизу вверхъ отъ внутренней стороны до половины толщи стѣны и затѣмъ сверху внизъ къ наружной стѣнѣ. Въ толщѣ стѣны отверстіе было задѣлано частою желѣзною рѣшеткою, а съ наружной и внутренней стороны были двѣ желѣзныя перекладины. Тюрьма моя находилась во рву цитадели, прислоненная къ скату, окно было почти въ уровень съ вершиною ската, такъ что въ нее проникалъ только слабый, отраженный свѣтъ снизу, а зимою, когда солнце не проникало въ ровъ, я находился почти въ совершенномъ мракѣ. Но вскорѣ я такъ привыкъ къ нему, что видѣлъ пробѣгавшихъ мышей. На стѣнѣ было выложено изъ красныхъ кирпичей имя Тренка. У ногъ моихъ находилась предназначенная для меня могила, на плитѣ которой было вырѣзано мое имя и мертвая голова. Тюрьма запиралась двойною дубовою дверью; за нею находились сѣни, освѣщенные окномъ и также запертые двойною дверью. Два палисада, въ 12 футовъ вышины каждый, образовали во рву преграду, мѣшавшую мнѣ имѣть какія бы то ни было сообщенія съ часовыми. Въ началѣ, я не могъ дѣлать иныхъ движеній, какъ подпрыгивать на одномъ мѣстѣ и встряхивать верхнюю часть тѣла, чтобы сколько нибудь согрѣться; но современемъ, привыкнувъ къ тяжести цѣпей, болѣзненно сжимавшихъ мои ноги, я могъ двигаться на разстояніи четырехъ футовъ.

„Тюрьма моя была выстроена въ одиннадцать дней и меня тотчасъ же посадили въ нее; поэтому, мѣсяцевъ шесть я постоянно сидѣлъ въ водѣ, капавшей съ крыши

именно на томъ мѣстѣ, гдѣ я могъ садиться. Впродолженіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, моя одежда не высмала. Въ первое время, меня преслѣдовала мысль о самоубійствѣ и я помышлялъ о ножѣ, который я успѣлъ спрятать въ моемъ платьѣ, въ ту минуту, когда за мною пришли въ мою прежнюю темницу. Однажды въ полдень, когда я боролся съ этою мыслью, дверь тюрьмы отворилась въ первый разъ и мнѣ принесли деревянную кровать, матрацъ и шерстяное одѣяло. За тѣмъ плацъ-маіоръ далъ мнѣ шесть фунтовъ хлѣба, сказавъ, что впредь, я буду получать его сколько хочу“.

Тренкъ промучился голодомъ одиннадцать мѣсяцевъ; онъ бросился на хлѣбъ и пожралъ его, но этотъ внезапный избытокъ пищи послѣ такого долгаго поста, едва не погубилъ его. Спустя нѣсколько дней, онъ былъ уже совершенно здоровъ и думалъ о побѣгѣ.

„Замѣтивъ, что двери моей тюрьмы деревянные, я возмѣлъ мысль вырѣзать дерево вокругъ замковъ и попытался освободиться отъ моихъ цѣпей. Правую руку мнѣ удалось вытащить изъ кандаловъ, но освободить лѣвую не было возможности. Выломавъ нѣсколько кирпичей изъ моей скамьи, я принялся пилить лѣвые кандалы и усилія мои увѣнчались успѣхомъ; я освободилъ и лѣвую руку. Желѣзное кольцо, обвивавшее мое тѣло, было приерѣплено къ цѣпи простымъ крючкомъ; я сломалъ его упираясь ногами въ стѣну. Оставалось еще освободиться отъ главной цѣпи, прикрѣпленной къ моимъ ногамъ. Природа надѣлила меня замѣчательною силою: мнѣ удалось согнуть эту цѣпь и сломать кольца.

„Освободившись такимъ образомъ отъ цѣпей, я по-

чувствовалъ новую надежду и бросился къ двери; отыскавъ въ потьмахъ концы гвоздей, которыми былъ приколоченъ замокъ, я убѣдился, что мнѣ не придется вырѣзывать много дерева. Я взялъ ножъ и просверлилъ отверзтіе внизу двери. Она имѣла всего одинъ вершокъ толщины, такъ что я легко могъ отпереть всѣ четыре двери въ одинъ день. Ободренный надеждою, я поспѣшилъ снова надѣть мои цѣпи, но къ ужасу моему ощущалъ, что первое звено цѣпи сломалось. Къ счастью, до той поры цѣпей моихъ не осматривали, какъ не осматривали ихъ и въ послѣдующіе дни: никому не приходило въ голову, чтобы я могъ ихъ сломать. Я связалъ цѣпь снуркомъ, сплетеннымъ изъ моихъ волосъ, но попытавшись всунуть мою правую руку въ снятую съ нея кандалы, я убѣдился, что это невозможно. Рука моя распухла отъ усилій, которыя я дѣлалъ чтобы освободить ее. Я провелъ ночь, распиливая кольцо, но оно было такъ крѣпко спаяно, что всѣ мои труды остались тщетными.

„Наступалъ полдень, часъ посѣщенія тюрьмы, и бѣда была неминуема. Наконецъ, послѣ новыхъ усилій мнѣ удалось, съ неописанною болью, всунуть руку въ кандалы и тюремщики нашли у меня все въ порядкѣ.

„Я назначилъ 4-е іюля днемъ, въ которой я долженъ былъ освободиться или погибнуть. Въ этотъ день, какъ только мои двери закрылись, я высвободилъ себѣ руки, снялъ всѣ мои цѣпи и, схвативъ ножъ, приступилъ къ двери. Менѣе часа достаточно было, чтобы отпереть дверь. Вторая, отворявшаяся въ наружную сторону, стояла мнѣ величайшихъ усилій, но и съ нею я наконецъ совладалъ. Кожа слѣзла со всѣхъ моихъ

пальцевъ и потъ градомъ катился съ меня на землю. Когда и эта дверь отворилась, я увидѣлъ свѣтъ въ окно сѣней; я тотчасъ взлѣзъ на окно и глазамъ моимъ представился ровъ, у котораго находилась моя тюрьма, дорога, ведшая изъ рва, часовой въ пятидесяти шагахъ и высокіе палисады, которые мнѣ пришлось бы перелѣзть, прежде чѣмъ достигнуть вала.

„Съ удвоеннымъ рвеніемъ приступилъ я къ третьей двери; она отворялась внутрь, какъ и первая, и къ захожденію солнца, работа моя была кончена. Четвертую дверь, какъ и вторую, пришлось вырѣзать; но руки мои были такъ изранены и силы такъ ослабѣли, что я почти упалъ духомъ. Отдохнувъ, я снова принялся за работу. Я уже вырѣзалъ дверь почти на одинъ футъ въ длину, когда лезвее моего ножа переломилось и упало за дверь“.

Увидѣвъ такимъ образомъ всѣ свои мечты о свободѣ разбитыми, несчастный узникъ предался отчаянію и остаткомъ ножа открылъ себѣ вены на рукахъ и на ногахъ. Вскорѣ онъ впалъ въ довольно пріятное забытіе.

„Вдругъ кто то позвалъ меня по имени. Я очнулся и услыхалъ вторично тотъ же самый голосъ.“

„Баронъ Тренкъ!“ „Кто зоветъ меня?“ Это былъ честный гренадеръ Гефгартъ, проскользнувшій на валъ у моей тюрьмы, чтобы сказать мнѣ слово утѣшенія. „Я плаваю въ своей крови, сказалъ я; завтра меня найдутъ мертвымъ“. „Какъ мертвымъ! Но отсюда вамъ легче бѣжать чѣмъ изъ цитадели. Я доставлю вамъ орудія. Не отчаявайтесь. Провидѣніе еще пошлетъ вамъ помощь, положитесь на меня. „Этотъ краткій разговоръ пробу-

диль мою твердость, мнѣ снова мелькнула надежда на возможность побѣга... Я перевязалъ раны и сталъ дожидаться утра, которое вскорѣ наступило“.

Намѣреніе, принятое Тренкомъ, было, какъ мы увидимъ, едва ли благоразумнѣе чѣмъ его попытка лишить себя жизни.

„Я былъ до крайности слабъ и сильно страдалъ отъ своихъ ранъ; руки мои распухли и онѣмѣли отъ чрезмѣрныхъ напряженій и въ довершеніе всего я остался безъ рубахи, изорвавъ ее на перевязки. Меня такъ клонилъ сонъ, что я едва могъ стоять на ногахъ, а между тѣмъ задуманный мною планъ не позволялъ заснуть. Разломавъ желѣзнымъ брусомъ, къ которому были прикрѣплены цѣпи, кирпичную скамью, я собралъ кирпичи въ груду по срединѣ темницы, такъ какъ внутренняя дверь была отворена на стезь, а верхнюю часть второй двери я заперъ цѣпами, чтобы въ нее нельзя было войти.

„Въ полдень, отворивъ наружную дверь, мои тюремщики остановились въ изумленіи передъ второю дверью, найдя ее отворенною. Я стоялъ у внутренней двери; видъ мой былъ ужасенъ, какъ видъ человѣка, рѣшившагося на все; покрытый кровью, я держалъ въ одной рукѣ кирпичъ, въ другой мой сломанный ножъ. „Удадитесь, маіоръ, закричалъ я страшнымъ голосомъ. Скажите коменданту, что я рѣшился не жить долѣе въ оковахъ; пусть онъ велитъ размозжить мнѣ голову. Я никого не впускаю сюда. Я убью пятьдесятъ солдатъ, прежде чѣмъ они войдутъ сюда“. Испуганный маіоръ, не зная на что рѣшиться, послалъ увѣдомить коменданта, а я сѣлъ на кирпичи и сталъ дожидать своей

участи. Я не намѣревался болѣе предпринять отчаянной попытки, а рѣшился выговорить себѣ капитуляцію.

„Вскорѣ явился комендантъ, генераль Боркъ, съ плацъ-маіоромъ и другими офицерами. Боркъ вошелъ въ сѣни, но видя, что я поднялъ кирпичъ, чтобы бросить въ него, послѣшно отступилъ. Я повторилъ ему сказанное маіору и онъ тотчасъ предписалъ взять дверь приступомъ. Сѣни имѣли едва шесть футовъ ширины, такъ что въ нихъ не могли войти болѣе одного или двухъ человекъ за разъ. Едва я поднималъ руку съ кирпичемъ, какъ гренадеры отскакивали. Настала минута молчанія; потомъ плацъ-маіоръ и одинъ изъ офицеровъ приблизились къ двери и начали увѣщевать меня. Переговоры затянулись и комендантъ, потерявъ терпѣніе, велѣлъ сдѣлать приступъ. Но я положилъ на мѣстѣ перваго представившагося гренадера; остальные отступили. Тогда снова выступилъ плацъ-маіоръ и закричалъ мнѣ: „За что вы хотите погубить меня, любезный Тренкъ? Вѣдь я одинъ за все это отвѣчаю, такъ какъ этотъ ножъ остался въ вашихъ рукахъ по моей неосторожности...“

„Послѣ новыхъ переговоровъ я сдался на капитуляцію и пустилъ ихъ войти въ мое укрѣпленіе.“

Положеніе несчастнаго узника внушало состраданіе. Раны его были тщательно перевязаны и затѣмъ ему была оказана вся помощь, необходимая для выздоровленія. Съ него сняли оковы на четыре дня; на пятый, въ тюрьму его поставили новыя двери, обивъ первую изъ нихъ желѣзомъ, и надѣли на него точно такія же цѣпи, какъ тѣ, которыя онъ разбилъ.

Спустя три недѣли, дежурнымъ при тюрьмѣ Тренка

былъ Гефгартъ, сговорившійся съ нимъ относительно его побѣга. Въ слѣдующее дежурство добрый гренадеръ доставилъ ему, посредствомъ проволоки, матеріалы для письма и принялъ отъ него письмо для пересылки одному изъ его друзей въ Вѣну. Другъ прислалъ ему деньги, которыя Гефгартъ доставилъ ему въ кружкѣ воды, дежуря при его тюрьмѣ.

„Снабженный деньгами, я принялся за исполненіе моего прежняго плана, спастись черезъ подкопъ. Прежде всего нужно было избавиться отъ цѣпей. Гефгартъ доставилъ мнѣ двѣ пилы. Желѣзный обручъ на моей ногѣ былъ достаточно просторенъ; съ помощью пилы, я отдѣлилъ его цѣпи. Руки мои сдѣлались такъ гибки, что мнѣ удалось высвободить ихъ обѣ изъ кандаловъ. Гвоздь, длиною въ одинъ футъ, вытащенный изъ пола, послужилъ мнѣ ключемъ, которымъ я искусно и незамѣтно отвертывалъ винты моихъ оковъ. Я распилилъ звено цѣпи, прикрѣпленное къ моему желѣзному поясу и освободился такимъ образомъ отъ мохъ цѣпей. Сдѣлавъ изъ мякиша хлѣба съ ржавчиною родъ известки, я залѣпилъ ея скважины въ цѣпяхъ и такъ хорошо скрылъ ихъ, что ихъ можно было открыть только ударя по цѣпямъ молотомъ. Я добылъ себѣ всѣ инструменты, въ какихъ могла встрѣтиться надобность, даже свѣчу и огниво и развѣшивалъ передъ своимъ окномъ одѣяло, чтобы не могли усмотрѣть у меня свѣта. Когда все было такимъ образомъ приготовленно, я приступилъ къ главнымъ работамъ.

„Полъ моей темницы былъ сдѣланъ изъ дубовыхъ досокъ, толщиною въ три вершка; онѣ были настланы въ три ряда, въ различныхъ направленіяхъ, и соеди-

нены скобками въ полъ-дюйма толщины и въ одинъ футъ длины. Мнѣ удалось вырвать брускомъ отъ моихъ цѣпей одну изъ этихъ скобокъ; наточивъ ее на камнѣ, я сдѣлалъ изъ нея родъ рѣзца. Тогда я попытался вынуть одну половицу; отрѣзавъ часть доски, входившую на два дюйма въ стѣну, я обточилъ ее такъ, что она плотно соединялась съ другимъ краемъ; впрочемъ я затыкалъ всѣ щели мякишемъ хлѣба смѣшаннымъ съ пылью. Этотъ первый трудъ требовалъ особенной тщательности; остальное было менѣ хитро и вскорѣ я прорѣзалъ весь тройной рядъ половиць. Я засунулъ щепки между половицами. Подъ поломъ находился мелкій песокъ и мнѣ понадобилась внѣшняя помощь для удаленія этого песка. Гефгартъ доставилъ мнѣ холстъ, изъ котораго я понадѣлалъ узкихъ мѣшковъ въ шесть футовъ длины, которыя можно было продѣть между перекладинами рѣшетки. Наполнивъ эти мѣшки пескомъ, въ ту ночь, когда Гефгартъ стоялъ на часахъ, я осторожно спустилъ ихъ къ нему. Такимъ образомъ у меня подъ поломъ образовалось пустое пространство, куда я сложилъ все, что было необходимо для исполненія моего плана, между прочимъ порохъ, свинець, пару барманныхъ пистолетовъ, ножи и штыкъ. Я убѣдился тогда, что фундаментъ моей тюрьмы имѣлъ 4 фута толщины, а не два, какъ я полагалъ. Съ неимовѣрнымъ трудомъ вытаскивалъ я руками песокъ изъ этой ямы, ложась на полъ и наклоняя въ нее голову и туловище. Когда приближалось время посѣщенія, я поспѣшно сбрасывалъ все въ яму и употреблялъ еще нѣсколько часовъ на приведеніе всего въ порядокъ.

„Работа моя подвигалась и мнѣ уже удалось проло-

мить нижнюю часть фундамента, но Гефгартъ не переставалъ твердить мнѣ, что безъ внѣшней помощи, мой побѣвъ невозможенъ и я только погублю его вмѣстѣ съ собою. Уступая его совѣтамъ, я измѣнилъ свой планъ и это погубило все мое предпріятіе, лишивъ меня плодовъ восьмимѣсячнаго труда.“

Излишнія предосторожности, принятія женою Гефгарта при отправленіи по почтѣ одного письма, открыли весь заговоръ; однако, послѣ получасоваго обыска, плотники, каменщики и кузнецы удалились, не открывъ ни ямы въ полу, ни поврещеній въ цѣпяхъ Тренка. Только въ окнѣ были замѣчены сдѣланныя имъ перемѣны и окно заколотили досками. Отъ узника съ угрозами требовали, чтобы онъ назвалъ своихъ соучастниковъ и твердость, выказанная имъ въ этомъ случаѣ, расположила въ его пользу присутствовавшихъ при допросѣ солдатъ; они получили увѣренность, что онъ не выдастъ ихъ, если они ему помогутъ. Спустя нѣсколько дней, къ оковамъ Тренка прибавили желѣзный ошейникъ, шириною въ ладонь, прикрѣпленный ко всѣмъ его цѣпямъ; окно его заложили, оставивъ въ немъ узкую отдушину; наконецъ, у него отняли постель и онъ долженъ былъ спать сидя на землѣ, прислонившись спиною къ стѣнѣ и повисая на цѣпяхъ, прикованныхъ къ рукамъ, и на душившемъ его ошейникѣ. Онъ захворалъ и провелъ два мѣсяца между жизнью и смертію, безъ всякой помощи. Однако постель ему возвратили.

Выздоровѣвъ, противъ всякаго ожиданія, онъ подегунилъ трехъ офицеровъ изъ четырехъ, которые его стерегли, и добылъ себѣ свѣчу, книги, газеты. Наконецъ ему удалось распилить и цѣпи, прикованныя къ его

ошейнику. Одинъ изъ офицеровъ тайно доставилъ ему болѣе просторныя оковы, изъ которыхъ онъ могъ вынимать руки. Вскорѣ онъ опять принялся за свою подземную работу, но на этотъ разъ, руководствуясь совѣтами и свѣдѣніями одного изъ офицеровъ, онъ рѣшился провести подкопъ до подземной галлерей вала; ему пришлось такимъ образомъ прорыть землю на протяженіи 37 футовъ. Опасаясь проводить подкопъ подъ ногами подозрительныхъ и предупрежденныхъ часовыхъ, онъ сталъ прокладывать новый проходъ.

„Сначала работа моя шла весьма успѣшно; въ одну ночь я прорылъ на три фута. Вынимаемый песокъ, я складывалъ въ первый подкопъ. Но прерывъ футовъ на 10 длины я встрѣтилъ большія препятствія. Прежде чѣмъ рыть далѣе, я долженъ былъ прочищать рукою проходъ, въ который я пролѣзалъ; затѣмъ нужно было вынимать пригоршнями песокъ изъ моей галлерей. Прорывъ на протяженіи болѣе двадцати футовъ, я расчелъ, что мнѣ приходилось проползати отъ 1500 до 2000 сажень, выгребая песокъ и перенося его изъ новой галлерей въ старую. И послѣ этой длинной и утомительной операціи, мнѣ приходилось еще обчищать всѣ щели моего пола, иначе ослѣпительная бѣлизна песку могла бы выдать меня при посѣщеніи моей тюрьмы. Затѣмъ я ставилъ на мѣсто вынутыя половицы и надѣвалъ на себя цѣпи. Одинъ день такого труда до такой степени утомлялъ меня, что мнѣ приходилось потомъ отдыхать три дня для возстановленія силъ. Чтобы сберечь время, я такъ съузилъ мой проходъ, что едва могъ пролѣзати въ него и не имѣлъ возможности поднять руку къ головѣ. Я придумалъ накроить мѣшковъ для песку изъ

моего матраца и простынь, а когда меня навѣщаль Брукгаузенъ, единственный изъ офицеровъ, котораго я имѣлъ поводъ опасаться, то я ложился на постель, чтобы скрыть ея беспорядокъ, и притворился больнымъ.

„Часто, измученный усталостью, я садился на груды песка, опасаясь, что не успѣю припрятать его во время, и совершенно упадая духомъ, хотѣлъ все бросить; но нѣсколько минутъ отдыха возвращали мнѣ мою твердость; я снова принимался за дѣло и нерѣдко едва успѣвалъ все прибрать за пять минутъ до посѣщенія.

„Наконецъ, мнѣ осталось всего шесть или семь футовъ до выхода, о которомъ я такъ давно мечталъ; я рылъ подъ валомъ, недалеко отъ рва, гдѣ ходилъ часовой. Онъ слышалъ шумъ, позвалъ офицера и прислушиваясь вмѣстѣ, они различили, какъ я тащилъ мои мѣшки съ пескомъ. На другой день объ этомъ было донесено начальству и одинъ изъ преданныхъ мнѣ офицеровъ вошелъ въ мою тюрьму съ плацъ-маіоромъ, кузнецомъ и каменьщикомъ. Офицеръ показалъ мнѣ знакомъ, что предпріятіе мое открыто; начался обыскъ, но офицеры отказались продолжать его и кузнецъ съ каменьщикомъ ушли, ничего не открывъ. Плацъ-маіоръ, человекъ недалекій, назвалъ часоваго глупцомъ: „Ты слышалъ крота, а не Тренка, сказалъ онъ ему. Какъ же ты хочешь, чтобы онъ зашелъ такъ далеко отъ своей тюрьмы?“

„Еслибы кто нибудь вздумалъ войти ко мнѣ вечеромъ, меня застали бы за работою; но этого никому не приходило въ голову въ продолженіе десяти лѣтъ, которые я провелъ въ тюрьмѣ; одни не умѣли, а другіе не хотѣли надзирать за мною. Спустя три дня послѣ этой

тревоги, я могъ бы уже выйти чрезъ мой подкопъ, но я хотѣлъ взвалить на Брукгаузена отвѣтственность за мой побѣгъ, а въ этотъ день онъ захворалъ и за него дежурилъ другой офицеръ, котораго я не желалъ компрометировать. Наконецъ настала очередь Брукгаузена. Едва заперлись мои двери, какъ я принялся усердно рыть. Но на мое несчастье, въ этотъ день опять стоялъ на часахъ тотъ же самый солдатъ, который слышалъ незадолго передъ тѣмъ, какъ я проползалъ подъ землею. Почти увѣренный въ томъ, что онъ слышалъ и задѣтый въ своемъ самолюбіи, онъ легъ на животъ и снова услышалъ тоже самое. Поспѣшно позвавъ товарищей, онъ послалъ ихъ донести начальству. Пришелъ майоръ и прислушавшись, услышалъ какъ я рылся около двери, отворявшейся въ галлерею. Солдаты, взявъ фонари, встали передъ дверью, дожидаясь когда я выйду, чтобы схватить меня.

Въ ту минуту, когда раскопавъ песокъ подъ дверью, я сдѣлалъ въ ней отверстие, глазамъ моимъ блеснулъ свѣтъ и я рассмотрѣлъ солдатъ. Можно представить себѣ мой ужасъ. Я поспѣшно возвратился, съ трудомъ разрывая набросанный позади себя песокъ, и вошелъ въ тюрьму. Я имѣлъ еще на столько присутствія духа, чтобы спрятать въ щеляхъ двери мои пистолеты, деньги, орудія, свѣчу и бумагу. Едва успѣлъ я сдѣлать это, какъ послышался стукъ отворяемыхъ дверей. Въ тюрьмѣ нашли песокъ и мѣшки, но такъ какъ я успѣлъ надѣть оковы, то они простодушно повѣрили, что не могъ же я снять ихъ, чтобы дѣлать подкопъ“.

Подкопъ, стоившій ему цѣлаго года труда, былъ засыпанъ и заложенъ; полъ покрытъ новымъ рядомъ по-

ловиць; на узника надѣли другія цѣпи, тяжелѣе прежнихъ, и снова отняли у него постель. Брукгаузенъ и маіоръ допрашивали его, въ присутствіи солдатъ и рабочихъ, откуда онъ добылъ инструменты. „Я въ дружбѣ съ чортомъ, отвѣчалъ Тренкъ; это онъ доставляетъ мнѣ все, что нужно. Мы всю ночь играемъ съ нимъ въ пикетъ и онъ приноситъ огня; поэтому, что бы вы ни дѣлали, а онъ съумѣетъ вырвать меня отсюда“. Брукгаузенъ и маіоръ пришли въ изумленіе; другіе засмѣялись. Наконецъ, послѣ тщательнаго обыска узника, но не тюрьмы, посѣтители вышли и уже затворили за собою одну дверь, когда Тренкъ закричалъ имъ: „Господа, господа, вы забыли одну важную вещь“. Дверь снова отворилась. „Смотрите, сказалъ Тренкъ, подавая имъ одну изъ спрятанныхъ имъ пилъ; видите ли, какъ чортъ—то помогаетъ мнѣ“. Новый обыскъ и затѣмъ тюремщики удалились. Едва щелкнулъ замокъ, какъ Тренкъ опять позвалъ ихъ; они вернулись, ругаясь. Онъ показалъ имъ ножъ и десять луидоровъ. Бѣдняки не могли прійти въ себя отъ изумленія, а Тренкъ подсмѣивался надъ ихъ глупостью.

Спустя много времени послѣ того, Тренкъ снова составилъ планъ бѣгства, но уже совершенно новый. Магдебургскій гарнизонъ состоялъ изъ девяти сотъ солдатъ. Всѣ они были недовольны. Пятнадцать человѣкъ стоявшіе на караулѣ у форта Звѣзды, гдѣ сидѣлъ Тренкъ, были большею частью преданы ему; двѣнадцать человѣкъ съ однимъ унтеръ—офицеромъ стерегли городскіе ворота, которые вели въ фортъ и казематъ, гдѣ были заключены 7,000 военноплѣнныхъ кроатовъ. Тренкъ имѣлъ за себя нѣсколько офицеровъ, готовыхъ помочь

его освобожденію и взятъся вмѣстѣ съ нимъ за оружіе. Онъ могъ взбунтовать кроатовъ, сказавъ имъ свое имя, и все казалось обезпечивало его успѣхъ. Магдебургъ можно было взять именемъ Маріи-Терезіи, но для всего этого были необходимы деньги.

Тренкъ написалъ въ Вѣну, къ лицамъ, которыхъ считалъ за своихъ друзей, прося ихъ прислать ему 2000 дукатовъ. Это письмо было ввѣрено одному офицеру; но въ Вѣнѣ его приняли холодно, стали спрашивать. Онъ скрылъ свое имя и все, что можно было скрыть изъ заговора; къ несчастью, письмо сказало о немъ достаточно. Еще разъ все было открыто. Однако это дѣло заглушили и Фридрихъ II вѣроятно ничего не зналъ о немъ, иначе Тренкъ и многіе другіе заплатились бы головою за этотъ грандіозный замыселъ.

Тренкъ снова принялся за свои подкопы. Онъ подкупилъ дежурнаго офицера и такъ какъ всѣ необходимыя инструменты остались при немъ, то его цѣпи снова были распилены и полъ проломленъ. Онъ отыскалъ спрятанныя деньги, пистолеты и проч., но для того, чтобы идти далѣе, нужно было удалить нѣсколько сотъ фунтовъ песку. Ему пришла мысль взвалить это дѣло на тюремщиковъ. Для этого онъ сдѣлалъ въ полу ложное отверстіе, вынулъ изъ своей настоящей ямы столько песку, сколько могъ, тщательно закрылъ ее и принялся работать надъ своимъ ложнымъ подкопомъ, производя какъ можно болѣе шума. Его разумѣется слышали. Въ полночь двери тюрьмы открылись и его нашли за работою. Яму заложили, полъ исправили, цѣпи починили, но вмѣстѣ съ тѣмъ вынесли и песокъ, не тру-

дясъ соображать несоразмѣрность его количества съ начатымъ подкопомъ.

Губернаторъ Магдебурга помѣшался и на мѣсто его былъ назначенъ наслѣдный принцъ Гессенъ-Кассельскій. Онъ сжалился надъ бѣднымъ Тренкомъ, велѣлъ снять съ него ожерелье и по возможности облегчить его несчастную судьбу. Въ замѣнъ, Тренкъ обязался честнымъ словомъ не пытаться бѣжать, пока принцъ останется губернаторомъ Магдебурга.

Спустя 18 мѣсяцевъ, принцъ сдѣлался курфирстомъ по смерти своего отца, и оставилъ Магдебургъ. Тренкъ освободился отъ своего обязательства. Добывъ себѣ, обычнымъ способомъ, шпагу, порохъ и холстъ для мѣшковъ подъ песокъ, онъ постарался обезпечить за собою помощь извнѣ. Надзоръ за нимъ ослабѣлъ съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался смиренъ и спокоенъ, и, пользуясь этимъ, онъ принялся усердно рыть одинъ изъ своихъ прежнихъ подкоповъ. Работа его уже очень подвинулась, когда одинъ ужасный случай едва не положилъ конецъ его предпріятію и жизни.

„Работая въ фундаментѣ вала, рассказываетъ онъ самъ, я задѣлъ ногою большой камень, который обвалился и заперъ меня въ моей норѣ. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ себя заживо погребеннымъ! Я рѣшился попытаться расширить мою могилу разрывая песокъ. Къ счастью, вокругъ меня еще оставалось небольшое пространство; я наполнилъ его пескомъ, который вырывалъ съ боковъ, но вскорѣ передо мною не оставалось болѣе мѣста, а выхода я все еще не нашелъ. Мнѣ становилось душно; я тысячу разъ желалъ смерти и пытался задушить себя рывами... По моему вычисленію, я провелъ въ этомъ

ужасномъ положеніи по крайней мѣрѣ восемь часовъ и наконецъ лишился чувствъ. Пришедши въ себя, я опять принялся за работу скорчившись въ клубокъ; я успѣлъ повернуться и добрался до этого несчастнаго камня. Тогда мнѣ стало легче дышать, потому что съ одной стороны въ подкопъ достигалъ воздухъ. Я вырылъ подъ камнемъ песокъ и когда онъ опустился, переползъ черезъ него и достигъ своей тюрьмы. Признаюсь, на этотъ разъ я былъ счастливъ войдя въ тюрьму, изъ которой съ такими усилиями я пытался освободиться“.

Онъ едва имѣлъ время уничтожить слѣды своей работы и привести все въ порядокъ до обычнаго посѣщенія тюрьмы. Смѣна гарнизона и другія обстоятельства помѣшали его планамъ, но наконецъ насталъ день, когда подкопъ его былъ приведенъ къ концу. Сверхъ того, одинъ подкупленный имъ офицеръ обѣщалъ принести ему поддѣланные ключи къ дверямъ его тюрьмы. При мысли, что онъ такъ близокъ къ свободѣ, у него закружилась голова и явилось самое странное и необъяснимое намѣреніе.

„Мнѣ вздумалось испытать великодушіе великаго Фридриха, запасшись на всякій случай ключами, которые обѣщался принести мнѣ офицеръ. Этотъ планъ до такой степени овладѣлъ мною, что я сталъ съ нетерпѣніемъ дожидаться прихода плацъ-маіора.

„Г. маіоръ, сказалъ я ему, когда онъ вошелъ, мнѣ известно, что губернаторъ этого города, великодушный герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, находится въ настоящее время въ Магдебургѣ; сдѣлайте одолженіе, попросите его прійти осмотрѣть мою тюрьму и усилить караулъ; затѣмъ, назначить время, когда онъ поже-

лаеть увидѣть меня среди бѣлаго дня на гласисѣ Клостерберга. Если же мнѣ удастся исполнить то, что я обѣщаю, то надѣюсь, что онъ удостоитъ меня своего покровительства и увѣдомитъ короля о моей честности, дабы государь могъ убѣдиться въ прямодушіи и въ безукоризненности моего поведенія“.

„Удивленный маіоръ подумалъ, что я заговариваюсь; но видя, что я серьезно настаиваю на моей просьбѣ, вышелъ и вскорѣ возвратился въ сопровожденіи коменданта и двухъ маіоровъ. Герцогъ прислалъ отвѣтъ, что если я исполню свое обѣщаніе, то онъ съ своей стороны обѣщаетъ мнѣ свое покровительство, милость короля и освобожденіе изъ оковъ. Я просилъ, чтобы мнѣ назначили часъ; но мнѣ отвѣчали, что достаточно, если я объясню какъ я намѣренъ это сдѣлать, не приводя въ исполненіе своего намѣренія; а если я откажусь, то они немедленно поднимутъ полъ моей тюрьмы и поставятъ въ ней часовыхъ, которые день и ночь будутъ надзирать за мною.

„Я долго колебался, наконецъ повѣривъ ихъ формальнымъ обѣщаніямъ, сбросилъ съ себя разомъ всѣ свои оковы, открылъ яму, отдалъ оружіе, инструменты, два ключа отъ галлерей подъ валомъ и предложилъ спуститься въ мой подкопъ, соединявшійся съ подземельями, и сдѣлать въ нѣсколько минутъ, въ концѣ его, необходимое отверзтіе. Я прибавилъ, что меня, по первому знаку, будутъ ждать лошади на кластербергскомъ гласисѣ, не сказавъ однако съ чьей конюшни.

„Трудно себѣ вообразить изумленіе этихъ людей. Они все осматривали, дѣлали вопросы, возраженія, на которыя я прямо отвѣчалъ; наконецъ, послѣ долгаго раз-

говора, они ушли и, возвратившись черезъ часъ, объявили, что герцогъ пораженъ всѣмъ, что они рассказали. Вслѣдъ за тѣмъ, они увели меня, раскованнаго, въ комнату дежурнаго офицера. Вечеромъ, маіоръ далъ намъ большой ужинъ, сказавъ мнѣ, что все идетъ хорошо, что герцогъ уже написалъ въ Берлинъ и пр. Но всѣ эти обѣщанія были ложны. На другой день, караулъ усилили, въ мою комнату помѣстили двухъ гренадеровъ и подземные мосты оставались цѣлый день запертыми“.

Герцогу Брауншвейгскому ни о чемъ не доносили. Комендантъ и офицеры, опасаясь гнѣва короля, распространили слухъ объ открытіи новой попытки Тренка бѣжать изъ тюрьмы. Тюрьму починили въ одну недѣлю, вымостивъ полъ толстыми каменными плитами, и снова заключили въ ней несчастнаго Тренка, правда, съ одною цѣпью на ногѣ, но тяжелѣе всѣхъ прежнихъ. Однако, вскорѣ потомъ, герцогъ узналъ всѣ подробности этого происшествія и говорилъ о немъ съ королемъ, который рѣшился тогда возвратить Тренку свободу. Впрочемъ, онъ заставилъ его прождать ее еще цѣлый годъ.

Бурная жизнь барона Тренка кончилась, какъ извѣстно, 7-го термидора: онъ погибъ на эшафотѣ, въ одно время съ Андреемъ Шенье.

Жакъ Казанова.

Жакъ Казанова родился въ 1725 г. въ Венеціи и съ ранней молодости приобрѣлъ извѣстность какъ авантюристъ, походаженія котораго отличались эксцентричностью, необыкновенною даже и въ его время.

Заклученный въ 1765 году въ знаменитыя венеціанскія тюрьмы, Пломбы, откуда бѣжать считалось невозможнымъ, Казанова однако бѣжалъ изъ нихъ, и впоследствии, въ 1788 году, описалъ это бѣгство. Вотъ его разсказъ объ этомъ:

„15 іюля, 1765 года, чуть разсвѣло, ужасный мессеръ—Гранде стоялъ уже у моей постели. Сдѣлавъ мнѣ обычный вопросъ—я ли Жакъ Казанова, и получивъ въ отвѣтъ, что я и есть самый Казанова, онъ велѣлъ мнѣ встать, одѣться, передать ему всю мою переписку и идти съ нимъ.

— Отъ кого даете вы мнѣ это приказаніе?

— Отъ трибунала.

Мессеръ—Гранде началъ рыться въ манускриптахъ, книгахъ и письмахъ, а я одѣвался машинально ни скоро, ни медленно; выбрился, вычесался, надѣлъ кружевную рубашку и новое платье; и все это я дѣлалъ безъ всякой мысли и совершенно молча. Мессеръ—Гранде, не упускавшій меня ни на минуту изъ вида, нисколько не мѣшалъ мнѣ наряжаться, какъ—будто бы я шелъ на свадьбу.

Когда мы вышли, я очень удивился, увидя челоуѣкъ сорокъ солдатъ въ передней: какъ видите, мнѣ дѣлали

честь, считая ихъ необходимыми для арестованія такой особы какъ я, между тѣмъ какъ по пословицѣ: *ne Hercules quidem contra duos*, было бы довольно и двухъ. Странно, что въ Лондонѣ, напримѣръ, гдѣ всѣ храбры, достаточно одного полицейскаго, чтобъ арестовать человека, тогда такъ въ моемъ миломъ отечествѣ, гдѣ трусы, нужно для этого тридцать. Ужь не оттого ли это, что трусь, который нападаетъ, долженъ болѣе трусить, чѣмъ трусь, на котораго нападаютъ, отчего иногда естественнѣйшій трусь становится при случаѣ храбрымъ.

Мессеръ-Гранде велѣлъ мнѣ сѣсть въ гондолу, и самъ сѣлъ возлѣ меня съ четырьмя сбирами. Когда мы пріѣхали къ нему на квартиру, онъ предложилъ мнѣ кофе, отъ котораго я отказался, а потомъ заперъ меня въ своей комнатѣ.

Къ тремъ часамъ вошелъ ко мнѣ караульный офицеръ и сказалъ, что имѣетъ приказаніе отправить меня *подъ пломбы*. Я пошелъ за нимъ, не говоря ни слова. Мы сѣли въ гондолу, и послѣ тысячи поворотовъ въ маленькихъ каналахъ, вошли въ большой Gran-Canale и пристали къ тюремной набережной. Перейдя множество лѣстницъ, мы вступили на крытый мостъ, соединяющій тюрьмы съ дворцомъ дожей поверхъ канала и называющійся *rio di Palazzo*. За этимъ мостомъ есть галерея: мы и ту прошли. Потомъ мы миновали комнату и вошли въ другую, гдѣ мессеръ-Гранде представилъ меня какому-то господину, судя по платью патрицію, который, окинувъ меня взглядомъ, сказалъ только: *E quello? mettetelo in deposito* *).

---

*) Посадить его въ депо.

Мессеръ—Гранде передалъ меня тогда сторожу Пломбъ; онъ стоялъ уже тутъ съ огромной связкой ключей. Въ сопровожденіи двухъ солдатъ мы вошли съ нимъ по двумъ лѣстницамъ въ галерею, въ концѣ которой онъ отперъ дверь, за которой я увидѣлъ грязный чердакъ, длиною шесть сажень, шириною въ двѣ, едва освѣщавшійся сверху слуховымъ окномъ. Я принялъ этотъ чердакъ за свою тюрьму, но ошибся; выбравъ огромный ключъ, тюремщикъ отперъ толстую дверь, обитую съ двухъ сторонъ желѣзомъ, вышиною въ три съ половиною фута, съ круглой дырой по серединѣ, дюймовъ восьми въ діаметрѣ, и велѣлъ мнѣ войти въ ту самую минуту, когда я разсматривалъ какую-то странную желѣзную машину, крѣпко ввинченную въ толстую перегородку. Эта машина имѣла видъ подковы; толщиной была въ дюймъ и дюймовъ пяти въ діаметрѣ отъ одного конца до другаго. Я раздумывалъ про себя, на что бы могла годиться такая машина, какъ вдругъ услышалъ голосъ тюремщика.

— Я вижу, signor, что вамъ интересно знать, на что эта вещь полезна: я могу удовлетворить ваше любопытство. Когда ихъ превосходительства изволятъ приказать удавить кого-нибудь, то его сажаютъ на табуретъ спиною къ этому ошейнику, а голову его принаравливаютъ такъ, чтобъ ошейникъ охватывалъ половину шеи. Шолковая полоса, въ видѣ полотенца, облегаящая другую половину, продѣвается въ эту дыру, а два конца ея продѣваются къ вороту. Потомъ кто-нибудь начинаетъ вертѣть колесо до тѣхъ поръ, пока пациентъ не отдастъ душу Господу, такъ—какъ духовникъ не отходить отъ него до послѣдняго издыханія.

— Все это славно придумано, и мнѣ кажется, что вамъ обыкновенно предназначается честь вертѣть колесо?

Онъ ничего не отвѣчалъ, и давъ мнѣ знакъ войти (что я и сдѣлалъ, согнувшись чуть не въ три погибели), заперъ меня, а потомъ спросилъ черезъ рѣшотчатую дыру двери, что мнѣ приготовить къ обѣду.

— Объ этомъ я еще не думалъ, отвѣчалъ я.

Онъ ушолъ, затворивъ всѣ двери.

Убитый горемъ, я облокотился на подоконникъ передъ рѣшоткой. Вся то она была въ два фута въ вышину и ширину, и состояла изъ шести желѣзныхъ прутьевъ, въ дюймъ толщиною, положенныхъ на крестъ и составлявшихъ такимъ образомъ шестнадцать пятидюймовыхъ квадратовъ. Это отверстіе могло бы хорошо освѣщать мою тюрьму, еслибъ не четверугольная матица, которая входила въ стѣну ниже слуховаго окна, бывшаго передо мною, и заслоняла свѣтъ въ чердакѣ. Я обошелъ ее кругомъ и увидѣлъ, что она составляла три четверти квадрата изъ двухъ сажень. Четвертая четверть была нѣчто въ родѣ алькова, въ которомъ было мѣста не болѣе какъ для одной кровати; но я не нашолъ ни кровати, ни стола, ни стула и никакой другой мебели, кромѣ развѣ жбана и доски, прикрѣпленной къ стѣнѣ на четыре фута отъ пола. На нее я положилъ свой шоловнй плащъ, новое платье, и шляпу, обшитую испанскими кружевами съ великолѣпнымъ бѣлымъ перомъ. Жара была страшная, и я подошелъ къ рѣшоткѣ, единственному мѣсту, на которое могъ облокотиться. Мнѣ нельзя было видѣть слуховаго окна, но я видѣлъ свѣтъ, мерцавшій въ чердакѣ, и огромной величины крысы, которыя преспокойно тамъ прогуливались.

Эти твари, одинъ видъ которыхъ приводитъ меня въ содроганіе, безбоязненно подходили къ моей рѣшоткѣ. Я поспѣшилъ закрыть внутреннимъ ставнемъ круглую дыру моей двери, потому что ихъ посѣщеніе привело бы меня совершенно въ ужасъ. Въ глубокой задумчивости, облокотясь на подоконникъ, я простоялъ восемь часовъ, молча и безъ всякаго движенія.

Услышавъ, какъ часы били двадцать одинъ часъ *), я очнулся. Мною овладѣло безпокойство, потому что никто ко мнѣ не являлся ни съ кушаньемъ, ни съ мебелью, необходимою для того, чтобъ провести ночь. Я не чувствовалъ, правда, аппетита, да вѣдь они этого не могли знать. Никогда еще я не ощущалъ такой горечи и сухости во рту. Мнѣ казалось однако, что къ вечеру непременно кто-нибудь да явится; но вотъ часы пробили двадцать-четвертый часъ, мною овладѣло бѣшенство, я сталъ толкаться въ дверь, топать ногами, ругаться и кричать что было силъ. Болѣе часу провелъ я въ этихъ шумныхъ упражненіяхъ, не видя никого, не имѣя даже надежды на то, чтобъ кто-нибудь могъ слышать мои крики. Погруженный въ темноту, я растянулся на полъ и, не смотря на все мое раздраженіе, не смотря на голодъ, начинавшій уже сказываться, на жажду, мучившую меня, и на жесткость пола, на которомъ я лежалъ, я заснулъ.....

Проживъ три мѣсяца въ тюрьмѣ, я сталъ ломать голову, придумывая средство выйти изъ нея, и выдумалъ ихъ съ сотню, одно смѣлѣе другого; но читатель не

---

*) По итальянскому счисленію.

пойметъ моего бѣгства изъ такого мѣста какъ Пломбы, если я не опишу ему ихъ.

Пломбы, тюрьмы для содержанія государственныхъ преступниковъ, суть ничто иное, какъ чердаки дворцоваго дворца и называются такъ потому, что дворцовая крыша вся состоитъ изъ широкихъ свинцовыхъ листовъ. Въ эти тюрьмы нельзя попасть иначе какъ черезъ дворцовыя ворота, или черезъ тюремныя пристройки, или черезъ тотъ мостъ, о которомъ я уже говорилъ и который называется *мостомъ вздохомъ*. Войти въ эти тюрьмы можно только черезъ залу, гдѣ собираются государственные инквизиторы. Ключъ отъ нихъ постоянно хранится у одного секретаря, который отдаетъ его тюремщику только на время, ежедневно утромъ, чтобъ накормить заключенныхъ.

Эти тюрьмы расположены подъ двумя скатами дворцовой кровли: три изъ нихъ на западной сторонѣ, и моя была въ этомъ числѣ, а четыре на восточной. Водосточная труба съ западной стороны спускается на дворцовый дворъ; другая же прямо выходитъ на каналъ, называющійся *Rio di Palazzo!* Съ восточной стороны тюрьмы свѣтлыя и въ нихъ можно держаться прямо, — выгода, которой не было въ моей тюрьмѣ. Полъ моей кельи приходился прямо надъ потолкомъ залы инквизиторовъ, гдѣ они собирались только по ночамъ послѣ засѣданія Совѣта Десяти.

Ознакомившись съ мѣстностью и привычками инквизиторовъ, я увидалъ, что единственное средство къ бѣгству, единственное по крайней мѣрѣ относительно успѣха, состояло въ томъ, чтобъ проломить полъ въ тюрьмѣ моей. Но для этого нужны были инструменты,

а достать ихъ было чрезвычайно трудно въ мѣстѣ, гдѣ запрещены всякія сношенія, гдѣ не дозволены ни пощщенія, ни переписка съ бѣмъ бы то ни было. Подкупить сбира,—нужны были большія деньги, а у меня ихъ не было. Предположивъ, что мнѣ бы удалось задушить руками тюремщика и двухъ сбировъ, оставался еще третій сбиръ, который всегда караулилъ дверь въ галлерею, и запиралъ эту дверь на ключъ и не иначе отворялъ товарищу, какъ получивъ отъ него лозунгъ. Не смотря на всѣ эти препятствія, я только и думалъ, что о своемъ бѣгствѣ и увѣренный, что средство къ побѣгу существуетъ, напрягалъ всѣ силы ума, чтобы отыскать его.

Въ половинѣ ноября, слѣдовательно около четырехъ мѣсяцевъ спустя послѣ моего заключенія, Лоранъ, тюремщикъ, сказалъ мнѣ, что къ мессеръ-Гранде поступилъ одинъ арестантъ, что новый секретарь, по имени Бузинельо, приказалъ ему, Лорану, посадить его въ самую скверную тюрьму, и что слѣдовательно онъ его посадить со мною.

Мѣсяца четыре послѣ того какъ я попалъ въ тюрьму, тюремщикъ мнѣ позволилъ погулять полчаса по чердаку. Въ одномъ углу этого притона крысъ, я увидѣлъ множество старой поломанной мебели, наваленной по обѣимъ сторонамъ двухъ большихъ ящиковъ. Между валявшеюся рухлядью, я увидѣлъ утюгъ, жаровню, лопатку для загребанія угольевъ въ каминѣ, щипцы, старыя подсвѣчники, глиняные горшки, но меня болѣе всего заинтересовалъ прямой дверной засовъ, толщиной въ дюймъ, длиною же фута въ полтора. Я сталъ тщательно осматривать ящики. Одинъ изъ нихъ

былъ набить прекрасной писчей бумагой, картономъ, нечinenными перьями и мотками тонкихъ веревокъ; другой ящикъ былъ заколоченъ. Кусокъ мрамора, черный, полированный, толщиною въ дюймъ, длиною въ шесть и шириною въ три дюйма, остановилъ мое вниманіе. Я поднялъ его, самъ хорошенько не зная зачѣмъ, и спряталъ у себя въ тюрьмѣ, прикрывъ его рубашками.

Черезъ нѣсколько времени гуляя опять по чердаку, глаза мои снова остановились на засовѣ, и я увидѣлъ, что онъ можетъ служить отличнымъ оборонительнымъ и наступательнымъ оружіемъ. Я поднялъ его, спряталъ подъ халатъ и унесъ въ свою келью. Оставшись одинъ, я сейчасъ же досталъ кусокъ черного мрамора, и скоро убѣдился, что онъ можетъ быть славнымъ оселкомъ; поточивъ немного засовъ на этомъ камнѣ, я замѣтилъ, что онъ началъ завастриваться.

Хотя мнѣ приходилось точить въ темнотѣ, не зная, на что опереть камень бромъ лѣвой руки своей, безъ капли масла для смачиванія и размягченія желѣза, я рѣшился испытать себя на этой трудной работѣ. Слюною я замѣнилъ масло и работалъ восемь дней, чтобъ отшлифовать восемь граней, оканчивавшихся однимъ остриемъ: каждая изъ нихъ была въ полтора дюйма длиною. Такимъ образомъ мой засовъ превратился въ восьмигранный стилетъ. — Правая рука одеревенѣла у меня до того, что я не могъ владѣть ею, а ладонь была вся покрыта широкими ранами.

Тѣмъ не менѣе я гордился своимъ произведеніемъ и сталъ отыскивать средство какъ его припрятать. Перебравъ тысячу средствъ, я рѣшился спрятать его въ своемъ креслѣ.

Продумавъ три или четыре дня о томъ, какъ употребить мнѣ мой засовъ, превращенный мною въ отличный ломъ толщиною въ тростъ и длиною въ двадцать дюймовъ, я рѣшилъ, что самое лучшее пробить имъ полъ подъ мою постелью. Я былъ увѣренъ, что комнату подъ моей тюрьмою отпирали каждое утро, и рассчитывалъ на то, что какъ-скоро дыра будетъ пробита, мнѣ будетъ очень легко въ нее спуститься съ помощію простынь, изъ которыхъ я свилъ бы себѣ веревку и привязалъ бы ее къ ножкѣ постели. Тамъ я спрятался бы подъ большимъ столомъ трибунала, а утромъ, какъ только отопрутъ двери, вышелъ бы оттуда и, прежде чѣмъ бы меня хватились, пользовался бы уже свободою. Я сообразилъ также, что пожалуй въ этой залѣ стоитъ часовой, но своимъ ломомъ я бы отъ него отдѣлался. Полъ могъ быть двойной и даже тройной. Это — важное обстоятельство, потому что какимъ образомъ помѣшать собирамъ мести полъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ моей работы? Запретить имъ значило возбудить подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что я самъ требовалъ, чтобъ ради блохъ они выметали у меня соръ ежедневно. Самая метла уже обнаружила бы имъ мою работу.

Я началъ съ того, что запретилъ мести полъ, не сказавъ имъ почему. Черезъ недѣлю Лоранъ спросилъ меня о причинѣ. Я налегъ на неудобство пыли, отъ которой я будто такъ завашивался, что со мною могъ случиться какой-нибудь серьезный припадокъ.

Такой предлогъ доставилъ мнѣ недѣлю отстрочки, послѣ которой снова стали мести у меня полъ. Лоранъ приказалъ даже вынести постель мою на чердакъ и за-

жегъ свѣчку подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобъ полъ мели какъ можно тщательнѣе. Изъ этого я заключилъ, что онъ возмѣлъ подозрѣніе; но я принялъ самое равнодушное выраженіе, на другой день утромъ нарочно укололъ себѣ палецъ, выпачкалъ платокъ кровью, легъ въ постель и сталъ ждать Лорана. Когда онъ пришолъ, я сказалъ Лорану, что со мной сдѣлался такой сильный кашель, что у меня непременно порвался какой-нибудь сосудъ въ груди, потому что я всю ночь прохаркалъ кровью. Пришолъ докторъ, приказалъ мнѣ нустить кровь и прописалъ рецептъ. Я сказалъ ему, что всему причиною Лоранъ, приказавшій насильно мести мою комнату. Онъ сдѣлалъ ему выговоръ, и къ величайшему моему удовольствію, рассказалъ, что одинъ молодой человекъ недавно умеръ отъ этой же причины, прибавивъ, что для легкихъ ничего не можетъ быть вреднѣе пыли.

Кровопусканіе принесло мнѣ пользу; оно возвратило мнѣ сонъ и избавило меня отъ спазмодическихъ судорогъ, аппетитъ возвратился и я съ каждымъ днемъ становился сильнѣе; но минута дѣйствовать еще не настала: холодъ былъ еще слишкомъ силенъ и руки мои околѣвали отъ прикосновенія къ желѣзу. Предпріятіе мое требовало большой предусмотрительности.

Длиныя зимнія ночи приводили меня въ отчаяніе, потому что мнѣ приходилось сидѣть въ потьмахъ въ продолженіе цѣлыхъ девятнадцати часовъ, а въ пасмурные дни, которые нерѣдки въ Венеціи, свѣтъ, проникавшій въ окно, былъ недостаточенъ для чтенія. Умъ мой, незанятый ничѣмъ постороннимъ, постоянно работалъ надъ однимъ моимъ освобожденіемъ. Обладаніе

сквернѣйшимъ ночникомъ сдѣлало бы меня счастливымъ, но какъ доставить себѣ это наслажденіе? чтобъ смастерить себѣ лампу, мнѣ нужно было имѣть чашку или плошку, свѣтильню, масло, кремь, огниво, трутъ и сѣрныя спички. За чашку могло пойти пожалуй блюдо, въ которомъ для меня дѣлали яичницу. Подъ предлогомъ, что обыкновенное масло было для меня противно, я приказалъ себѣ покупать для салата Лукк-скаго оливковаго масла; изъ бумажной вязаной куртки можно было надѣлать свѣтиленъ. Притворившись страдающимъ зубною болью, я попросилъ у Лорана пемзы, но сказалъ, что простой кремь, если его положить на день въ укусъ, будетъ столько же полезенъ и непременно уйметъ зубную боль. Лоранъ отвѣчалъ мнѣ, что у меня превосходный укусъ, что я могъ самъ положить въ него кремь, и выбросилъ мнѣ изъ кармана три или четыре кремня. Толстая стальная пряжка отъ пояса послужила мнѣ огнивомъ. Оставалось только достать теперь сѣры и трута. Счастіе помогло мнѣ.

У меня было нѣчто въ родѣ сыпи, которая подсохнувъ, оставила на рубахъ красныя пятна, причинявшія мнѣ нѣкоторую боль. Я попросилъ Лорана спросить у доктора лекарства и онъ принесъ мнѣ записку, прочитанную секретаремъ, въ которой докторъ предписывалъ мнѣ слѣдующее:

День діэты и четыре унціи сладкаго миндаля, и все пройдетъ; или унцію сѣрнаго цвѣта; но это средство опасно.

— Какая тутъ опасность, сказалъ я Лорану; вупите мнѣ этой мази или лучше простой сѣры. У меня здѣсь

есть коровье масло, и я самъ себѣ сдѣлаю мазь. Если есть сѣрныя спички, то подавайте хоть ихъ.

У него они были въ карманѣ, и онъ мнѣ ихъ отдалъ.

Но, какъ достать труту?.. спросить его не было никакого предлога. Я вспомнилъ, что заказывая платье портному, я просилъ его положить труту подъ мышки, чтобъ сберечь матерію отъ пота. Это платье, совершенно новое, было предо мною, я беру его, распарываю подкладку и нахожу трутъ! Радость моя была безконечна!

Имѣя теперь все подъ рукою, я скоро смастерилъ себѣ лампу и тогда же назначилъ первый понедѣльникъ великаго поста для начала трудной работы пробиванія пола, потому что среди карнавальной неурядицы, я очень боялся разныхъ неожиданныхъ визитовъ, и впоследствии оказалось, что поступилъ не глупо.

Въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, слышу вдругъ звяканье засововъ и вижу Лорана съ толстымъ мужчиной, котораго я сейчасъ узналъ за жида Габріеля Шалона, извѣстнаго по своему умѣнью находить деньги для молодыхъ людей, вовлекая ихъ въ разные предосудительные поступки.

Мы знали другъ друга, и потому поздоровались какъ знакомые. Сообщество это не могло быть мнѣ приятно, но меня не спрашивали.

Я не смѣлъ заечь ночника при немъ, но скоро увида, что не легко отъ него отдѣлаться, я рѣшилъ заечь лампу, взявъ съ него обѣщаніе держать это въ тайнѣ. Онъ молчалъ, только пока былъ со мною, потому что Лоранъ узналъ объ этомъ; но къ счастью, не придалъ этому никакой важности.

*

Недѣли черезъ двѣ послѣ Пасхи меня избавили отъ несноснаго товарища и лишь только я остался одинъ, то опять принялся за работу. Нужно было торопиться, а то пожалуй еще посадятъ какогонибудь другого товарища, который, какъ и жидъ, потребуеть, чтобы выметали. Началъ я съ того, что отставилъ постель и, засвѣтивъ ночникъ, легъ на полъ съ ломомъ въ рукахъ и съ салфеткой для подбирания осколковъ, по мѣрѣ того, какъ я буду взламывать доски. Нужно было уничтожить доску, продалбливая ее остриемъ моего инструмента. Сначала кусочки, которые я выколупывалъ, были величиною съ пшеничное зерно, но потомъ они стали больше.

Доска была изъ лиственницы, шириною въ шестнадцать дюймовъ. Я почалъ ее съ того мѣста, гдѣ она соединялась съ другою, и такъ—какъ не было ни гвоздей, ни какихъ—либо другихъ желѣзныхъ связей, то работа шла какъ по маслу. Поработавъ часовъ шесть, я завязалъ салфетку, чтобы высыпать изъ нея на другой день осколки за кучей бумагъ на чердакъ. Осколки всѣ вмѣстѣ были объемомъ вчетверо или впятеро больше той дыры, изъ которой они вышли. Я поставилъ свою постель на прежнее мѣсто, а на другой день высыпалъ изъ салфетки соръ, увѣрившись напередъ, что его нельзя было замѣтить.

На другой день, продолбивъ первую доску, которая оказалась толщиною въ два дюйма, я встрѣтилъ другую, по моему мнѣнiю такую же какъ и первая. Мучимый страхомъ, чтобъ не привели ко мнѣ новыхъ жильцовъ, я удваивалъ усилiя и въ три недѣли справился съ досками, изъ которыхъ состоялъ полъ; но тутъ, я

счелъ себя погибшимъ, потому что встрѣтилъ слой мелкихъ мраморныхъ осколковъ, слой, извѣстный въ Венеціи подъ именемъ *terrazzo marmorin*. Это обыкновенный способъ мощенія всѣхъ венеціанскихъ домовъ, сколько—нибудь достаточныхъ, потому что даже и большіе господа предпочитаютъ *terrazzo* самому лучшему паркету, Я былъ въ отчаяніи, увидавъ, что ломъ мой не беретъ этой мастики. Я уже совершенно падалъ духомъ, какъ вдругъ вспомнилъ, что Аннибалъ проложилъ себѣ дорогу черезъ Альпы, прорубая утесы топорами и другими инструментами и размягчая камень предварительно уксусомъ. Я плохо вѣрилъ этому, однако вылилъ на твердый грунтъ цѣлую бутылку уксусу и на другой день, ужь отъ уксусу ли или оттого, что отдохнувъ я употребилъ болѣе силы и терпѣнія, только я увидѣлъ, что одолѣю и это препятствіе. Главное состояло тутъ не въ томъ, чтобъ раскалывать мраморъ, а чтобъ остриемъ моего инструмента толочь цементъ, соединявшій куски его. Впрочемъ въ четыре дня вся эта мозаика была разрушена, а ломъ мой даже и не притупился.

Подъ этимъ слоемъ я встрѣтилъ еще одну доску, но я ожидалъ этого... Она, по моему мнѣнію, должна была быть послѣднею. Я началъ долбить ее съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, потому что отверстіе мое имѣло уже десять дюймовъ глубины, и ломъ мой дѣйствовалъ уже не такъ свободно.

25 іюня, около трехъ часовъ пополудни, въ то самое время, когда я, совершенно голый, весь въ поту, растянувшись на полу, работалъ надъ окончаніемъ отверстія, при свѣтѣ ночника,—я вдругъ съ смертельнымъ ужа-

сомъ услышалъ ржавый звукъ засововъ и замковъ. Вотъ была ужасная минута! Въ мигъ я задуваю лампу, и, оставивъ ломъ въ дырѣ, бросаю въ нее салфетку со всѣми щепками и соромъ и поскорѣ ставлю постель на прежнее мѣсто, а самъ бросаюсь на нее, ни живъ ни мертвъ, въ ту самую минуту какъ отворялась дверь тюрьмы моей. Еще двѣ секунды, и Лоранъ все бы замѣтилъ.

Ахъ, сударь, у васъ здѣсь жарко какъ въ печкѣ. Встаньте и благодарите Бога: онъ посылаетъ вамъ превосходнаго товарища.

— Войдите, войдите, ваше сіятельство, обратился онъ къ несчастному, который за нимъ слѣдовалъ.

Этотъ болванъ, нисколько не стѣсняясь моею наготою, вводитъ ко мнѣ сіятельнаго господина, который старается не смотрѣть на меня, между тѣмъ какъ я стараюсь отыскать рубашку.

Новоприбывшій думалъ, что вошелъ въ пекло.—Гдѣ я? закричалъ онъ, Боже, какой жаръ! Какая вонь! Лоранъ пригласилъ насъ выдти на чердакъ, говоря что въ это время тюрьма очистится отъ дурнаго запаха, происшедшаго отъ худо-потушенной свѣтильни. Я удивился, услышавъ послѣднія слова его! Я вспомнилъ, что задувъ ночникъ, я не загасилъ свѣтильни. Такъ какъ Лоранъ меня объ этомъ не спрашивалъ, я разсудилъ, что ему все извѣстно и что измѣнить мнѣ могъ только жидъ. Какъ же я радъ былъ, что ему не о чемъ болѣе было насплетничать!

Черезъ недѣлю я потерялъ и этого товарища. Лорану я подарилъ четыре секина, и онъ очень разчувствовался, такому подарку. Съ моей стороны это была бла-

годарность за ночникъ, но я не намекалъ ему объ этомъ.

Принявшись снова за работу и продолжая ее безъ устали, я совершенно окончилъ ее къ 23 августа. Такое промедленіе произошло очень—естественнымъ образомъ. Продавбывая послѣднюю доску чрезвычайно тщательно, я приложилъ наконецъ глазъ къ маленькой дырочкѣ, черезъ которую можно было увидѣть инвизиторскую залу. Я ее и увидѣлъ, но увидѣлъ тутъ же, возлѣ, и какую-то поверхность дюймовъ въ восемь. Это была одна изъ балокъ, поддерживавшихъ потолокъ. Вслѣдствіе этаго я принужденъ былъ увеличить свое отверстіе къ противоположной сторонѣ, такъ какъ балка до того загоразживала проходъ, что моею довольно объемистой особѣ невозможно было пролѣзть. И такъ, я увеличилъ его на четверть, переходя отъ страха къ надеждѣ, что пространство между двухъ балокъ будетъ достаточно. Черезъ другую маленькую дырочку, я увидѣлъ, что Богъ благословилъ мою работу. Я тщательно заткнулъ обѣ дырочки, изъ страха, чтобъ не упало что-нибудь въ залу, или чтобъ не замѣтили свѣта отъ моего ночника, потому что тогда я бы погибъ.

Я рѣшился бѣжать въ ночь на канунъ св. Августина, потому что зналъ, что по случаю этого праздника собирался большой совѣтъ и что слѣдовательно не будетъ никто въ Буссолѣ, смежной съ комнатою, миновать которую было невозможно. Все это должно было произойдти 27 числа, но 25 со мною случилось такое несчастіе, что я до-сихъ-поръ еще не могу вспомнить о немъ безъ ужаса, хотя столько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

Ровно въ полдень я услышалъ звукъ засововъ и обмеръ; такъ сильно забилося вдругъ во мнѣ сердце, что я уже ждалъ послѣдней минуты. Уничтоженный, я бросаюсь на кресло и жду, что будетъ. Лоранъ, войдя на чердакъ, приставилъ свое лицо къ рѣшеткѣ и закричалъ мнѣ радостнымъ голосомъ:—Поздравляю васъ съ доброй вѣсточкой, сударь.

Подумавъ сначала, что дѣло шло о моемъ освобожденіи, я вздрогнулъ потому что понялъ, что открытіе моей работы могло повлечь за собою уничтоженіе моего помилованія.

Входитъ Лоранъ и говоритъ, чтобъ я за нимъ слѣдовалъ.

— Погоди, я одѣнусь.

— Ничего, вы вѣдь только перейдете изъ этой скверной трущобы въ другую тюрьму, свѣтленькую и новенькую, гдѣ изъ двухъ оконъ будете видѣть половину Венеціи, гдѣ можно будетъ стоять.

Я не могъ выдерживать долѣе. Я чувствовалъ, что силы оставляютъ меня.—Дайте скорѣе уксусу, сказалъ я ему, и подите къ г. секретарю, скажите ему, что я благодарю трибуналъ за эту милость, но умоляю его оставить меня здѣсь.

— Полноте смѣшить—то, сударь; или вы сошли съ ума? васъ хотятъ вытащить изъ ада и посадить въ рай, а вы и руками и ногами! Вздоръ, сударь, вздоръ! нужно слушаться... вставайте. Берите мою руку и пойдете, а я прикажу перенести ваше платье и книги.

Видя, что сопротивленіе бесполезно, я встаю и чувствую великое облегченіе, слыша, какъ онъ велитъ одному изъ сборовъ захватить и мое кресло: въ немъ былъ мой

домъ; а вмѣстѣ съ нимъ мнѣ возвращалась и надежда. Мнѣ такъ хотѣлось унести съ собою и мое отверстіе, стопившее мнѣ столькихъ напрасныхъ трудовъ и надеждъ. Вотъ ужъ могу сказать, что выйдя изъ этого ужаснаго мѣста скорби, я оставилъ въ немъ всю мою душу.

Опершись на плечо Лорана, я прошолъ два узкіе корридора и, перешагнувъ черезъ три ступени, вступилъ въ очень свѣтлую залу. Въ самомъ концѣ ея, налѣво, была маленькая дверь, чрезъ которую мы вошли въ другой корридоръ футовъ двухъ шириною и двѣнадцати длиною, и тамъ-то въ углу находилась моя новая тюрьма. Она была въ одно окно и то за рѣшоткой, которое смотрѣло не на улицу, а въ корридоръ, освѣщенный двумя тоже рѣшотчатыми окнами, изъ которыхъ можно было любоваться прекраснымъ видомъ до самаго Лидо. Впрочемъ въ эту тяжелую для меня минуту я не обратилъ на все это вниманія. Послѣ уже я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что изъ моего окна, когда оно было отворено, можно было дышать свѣжимъ и чистымъ воздухомъ, умѣрявшимъ нѣсколько невыносимый жаръ; это было блаженствомъ для несчастнаго, принужденнаго дышать тюремной температурой, да еще въ такое время года.

Конечно всѣ эти наблюденія сдѣланы были мною въполнѣдствіи. Лишь только я вошелъ въ новую тюрьму свою, Лоранъ приказалъ поставить туда мое кресло, а самъ ушелъ, сказавъ мнѣ, что пришлетъ скоро мои остальные вещи.

Я сидѣлъ на креслѣ безъ движенія, какъ статуя, въ ожиданіи грозы, но безъ всякаго страха. Отчаяніе мое

было только слѣдствіемъ горькой мысли, что всѣ труды мои, всѣ искусныя комбинаціи пропали совершенно даромъ.

Я былъ погруженъ въ эти черныя мысли, когда два сбира принесли мою постель. Они тотчасъ же ушли за остальными вещами, и прошло болѣе двухъ часовъ, прежде чѣмъ я увидѣлъ человѣческое лицо, хотя дверь моей новой тюрьмы была отворена. Такое необычное замедленіе порождало во мнѣ цѣлый рой мыслей, но я не могъ остановиться ни на одной изъ нихъ.

Наконецъ я услышалъ поспѣшныя шаги и скоро увидѣлъ передъ собою Лорана, обезображеннаго гнѣвомъ, блѣднаго, съ пѣной у рта. Началъ онъ съ того, что сталъ требовать, чтобы я выдалъ ему топоръ или инструменты, которыми я проламывалъ полъ, и чтобы назвалъ того сбира, который досталъ миѣ ихъ. Я отвѣчалъ ему, не трогаясь съ мѣста и очень хладнокровно, что не знаю, о чемъ онъ говорить. Онъ велѣлъ меня обыскать; но вставъ съ рѣшительнымъ видомъ, я грожу сбирамъ, и раздѣвшись до гола, говорю имъ: — Исполняйте свою обязанность, но не смѣйте до меня дотрогиваться.

Стали шарить въ моей постели, вытряхать матрацы, щупать подушку кресла; ничего не нашли.

— Вы не хотите сказать, гдѣ инструменты, которыми вы проломали дыру; но есть средство заставить васъ говорить.

— Если я въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ гдѣ нибудь дыру, то я вамъ скажу, что всѣ средства къ тому доставлены вами и что я вамъ все возвратилъ.

При этой угрозѣ; заставившей улыбнуться прислужи-

вавшихъ сбировъ, которыхъ вѣроятно онъ чѣмъ нибудь обидѣлъ, онъ затопалъ ногами, сталъ рвать на себѣ волосы и вышелъ, какъ сумасшедшій. Сбирь скоро возвратились съ остальными моими вещами, за исключеніемъ моего оселка и ночника. Вышедши изъ корридора и заперевъ дверь, Лоранъ заперъ и окна, чрезъ которыя доходилъ до меня свѣжій воздухъ. Не смотря на всю свою опытность, онъ не догадался опрокинуть кресла. Ломъ остался при мнѣ, и я горячо благодарилъ за это Бога.

Ночь провелъ я бессонную и отъ жара и отъ волненія. На разсвѣтѣ пришелъ Лоранъ и принесъ мнѣ, вмѣсто вина, какой-то кислоты и вонючей воды. Остальное было въ такомъ же родѣ: высохшій салатъ, тухлая говядина и хлѣбъ черствый, какъ солдатскій сухарь. Вычищать въ комнатѣ, онъ ничего не вычищалъ, и когда я попросилъ его открыть окна, онъ даже не хотѣлъ меня и выслушать; за то одинъ сбиръ вездѣ колотилъ желѣзной палкой, стѣны, полъ и всего болѣе у меня подъ кроватью. Я смотрѣлъ на все это совершенно равнодушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ удалось замѣтить, что онъ не трогалъ потолка. Вотъ откуда я выйду изъ этого ада, сказалъ я самъ себѣ.

Когда на другой день Лоранъ представилъ мнѣ счетъ, я бросилъ взглядъ на одинъ итогъ и сказалъ ему, чтобъ остатокъ онъ отдалъ женѣ своей, за исключеніемъ одного секина, который я приказалъ ему раздѣлить прислуживавшимъ мнѣ сбирамъ.

Лоранъ, оставшись наединѣ со мною, началъ говорить мнѣ слѣдующимъ образомъ: — Вы мнѣ сказали, сударь, будто отъ меня получили нужные инструменты

для вашей работы, и потому я объ этомъ не хочу и говорить больше; но сдѣлайте божескую милость, скажите мнѣ, кто далъ вамъ все необходимое для лампы?

— Вы сами.

— О! это уже черезчуръ! Я не думалъ, чтобъ умъ заключался въ наглости.

— Я говорю правду. Вы своими руками принесли всѣ необходимые матеріалы: масло, кремень, сѣрныя спички; остальное у меня было.

— Правда, правда. Но можете ли вы также легко меня увѣрить, что я доставилъ вамъ инструменты для вашего проклятаго отверстія?

— Конечно, потому что все это я дѣйствительно получилъ отъ васъ.

— Господи, Боже мой! да что же это такое? Скажите же, когда я вамъ доставилъ топоръ?

— Все скажу и скажу правду, только не иначе, какъ въ присутствіи секретаря.

— Не хочу больше ничего знать и вѣрю вамъ на слово. Прошу васъ только, молчите; потому что, сами знаете, я человекъ бѣдный; жена, дѣти...

И онъ ушелъ, схвативъ голову обѣими руками.

Я чрезвычайно обрадовался, отыскавъ наконецъ средство держать въ страхѣ этого негодяя. Я увидѣлъ, что его собственный интересъ требовалъ, чтобъ я молчалъ о происшедшемъ.

Я приказалъ Лорану купить сочиненіе Мафеи: издержка эта ему очень не нравилась, но онъ не смѣлъ мнѣ выразить этого. Онъ только спросилъ меня, на что мнѣ покупать себѣ новыя книги, когда у меня ихъ и безъ того много.

— Я вамъ устрою такъ, продолжалъ онъ, что вамъ будутъ давать книги на прочтеніе, если только и вы не поскупитесь своими. А денежки ваши такимъ образомъ будутъ цѣлы.

Я согласился и минутъ черезъ пять онъ принесъ мнѣ первый томъ Вольфа. Довольный этимъ, я сказалъ ему, что обойдусь и безъ Мафеи, чему онъ очень обрадовался.

Радуюсь не столько этому чтенію, сколько возможности завязать сношенія съ кѣмъ нибудь, кто могъ бы помочь мнѣ въ задуманномъ бѣгствѣ, планъ котораго уже мелькалъ въ головѣ моей, я открылъ книгу, лишь только Лоранъ вышелъ, и къ крайнему моему восторгу прочелъ на одномъ листкѣ парафразъ этихъ словъ Сенеки: *Calamitosus est animus futuri anxius* *),—парафразъ, состоявшій изъ шести стиховъ. Я сейчасъ же придѣлалъ къ нимъ шесть другихъ и—вотъ способъ, какимъ образомъ мнѣ удалось написать ихъ. Я прежде еще отростилъ ноготь на мизинцѣ, онъ былъ очень длиненъ. Я очинилъ его и сдѣлалъ перомъ. У меня не доставало чернилъ, и я уже думалъ уколоть себя и писать кровью, какъ вспомнилъ, что сокъ изъ сливъ мнѣ можетъ замѣнить чернила, а сливы у меня были. Кромѣ этихъ шести стиховъ, я написалъ еще каталогъ всѣмъ бывшимъ у меня книгамъ и всунулъ его подъ переплетъ этой же книги. Надо знать, что въ Италиі книги обыкновенно переплетаются такимъ образомъ, что когда ихъ открываешь, въ переплетѣ находишь

---

*) Человѣкъ, думающій о будущихъ несчастіяхъ, очень несчастливъ.

сумку. Тамъ, гдѣ напечатанъ былъ титулъ, я написалъ: *Latet* *). И сталъ съ нетерпѣніемъ ждать я отвѣта; поэтому на другой день, какъ только явился Лоранъ, я сказалъ, что уже читалъ эту книгу и просилъ принести другую. Черезъ минуту у меня былъ второй томъ.

Оставшись одинъ, я тотчасъ же открылъ книгу и нашолъ въ ней вложенный листокъ, исписанный полатынѣ и содержащій слѣдующія слова: „Насъ двое въ одной и той же тюрьмѣ и оба мы ощущаемъ величайшее удовольствіе оттого, что невѣжество скупаго тюремщика доставляетъ намъ преимущество, непримѣрное въ этомъ мѣстѣ. Я, пишущій эти строки, Марино Бальби, венеціанскій дворянинъ, въ монашескомъ чинѣ; а товарищъ мой — графъ Андрей Аскино, изъ Удино, главнаго города Фріуля. Онъ просилъ меня увѣдомить васъ, что всѣ его книги, списокъ которымъ вы найдете въ переплетѣ этого тома, къ вашимъ услугамъ; но предостерегаемъ васъ, милостивый государь, что вамъ необходима крайняя осторожность, чтобъ Лоранъ не открылъ наши сношенія.

Мнѣ показался страннымъ намекъ на осторожность въ летучемъ листкѣ. Казалось невозможнымъ, чтобъ Лоранъ не открылъ книги, и тогда онъ конечно увидѣлъ бы листокъ, а не зная грамоты, попросилъ бы прочесть его кого-нибудь другаго, и тогда все было бы открыто въ самомъ началѣ. Это внушило мнѣ подозрѣніе, что корреспондентъ мой былъ очень вѣтренъ.

Прочитавъ каталогъ, я написалъ, кто я такой, какимъ образомъ былъ арестованъ, упомянулъ о моемъ невѣ-

---

*) Спрятано.

дѣннн касательно преступленія, за которое меня наказываютъ, и о надеждѣ скоро быть свободнымъ. На это Бальби отвѣчалъ мнѣ посланіемъ въ шестнадцать страницъ. Графъ Аскино вовее не писалъ. Монахъ рассказывалъ всѣ свои несчастія. Содержался онъ четыре года. Я нашелъ подъ крышкой переплета карандашъ, перья и бумаги, что дало мнѣ возможность писать не стѣсняясь.

Бальби описывалъ мнѣ исторію всѣхъ арестантовъ, бывшихъ подъ пломбами, а также и тѣхъ, которые содержались въ его время, т. е. въ послѣдніе четыре года. Онъ писалъ мнѣ, что Николаемъ зовутъ того сбира, который втайнѣ покупалъ для него все нужное и называлъ ему по именамъ арестантовъ; а чтобъ убѣдить меня въ этомъ, онъ рассказывалъ мнѣ все, что зналъ о моемъ отверзтіи. Онъ сообщалъ мнѣ, что меня перевели въ другую тюрьму для того, чтобъ посадить на мое мѣсто патриція, и что Лоранъ цѣлые два часа бился надъ тѣмъ, чтобъ задѣлать мою работу, что онъ заставилъ молчать подъ страхомъ жизни и смерти столяра, слесаря и всѣхъ сбировъ. Еще одинъ день, говорилъ Николай, и Казанова бѣжалъ бы самымъ ловкимъ образомъ, а Лоранъ былъ бы повѣшенъ; потому что Лоранъ, хотя и пришелъ въ изумленіе увидѣвъ отверзтіе, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это онъ доставилъ мнѣ всѣ нужные инструменты для такой трудной работы.— Онъ просилъ меня рассказать въ подробности все происшествіе, а также и какимъ образомъ я досталъ себѣ инструменты и положиться на его молчаніе.

Я не сомнѣвался въ его любопытствѣ, но сомнѣвался въ его молчаніи, тѣмъ—болѣе что и просьба—то его вы-

казывала всю его нескромность. Я счелъ нужнымъ однако поберечь его, потому что онъ казался мнѣ способнымъ предпринять все, что я ни велю ему для возвращенія свободы. Я началъ уже писать ему отвѣтъ, но вдругъ мнѣ пришло на мысль, что вся эта переписка могла быть только хитростію со стороны Лорана, чтобъ добиться, отъ кого я досталъ инструменты и куда они дѣвались. Чтобы удовлетворить Бальби, не компрометируя себѣ, я написалъ ему, что отверзтіе я сдѣлалъ вѣрпкимъ ножомъ, принадлежавшимъ мнѣ и что этотъ ножъ я воткнулъ подъ подоконникъ въ корридорѣ. Не прошло и трехъ дней, какъ это ложное признаніе совершенно успокоило меня, потому что Лоранъ не дѣлалъ обыска въ подоконникѣ, что ужъ непременно бы случилось, еслибъ письмо мое было перехвачено. Къ тому же отецъ Бальби писалъ ко мнѣ, что онъ такъ и думалъ, потому что Лоранъ сказалъ ему, что меня не обыскивали при вступленіи въ тюрьму. Монахъ кончалъ письмо свое просьбою прислать ему мой ножъ чрезъ Николая, на котораго я могъ совершенно положиться.

Легковѣрность и вѣтренность этого монаха казались мнѣ непонятными. Я отвѣчалъ ему, что не чувствую въ себѣ никакого расположенія довѣриться Николаю и что мой секретъ былъ такого рода, что я не могу изложить его на бумагѣ. Письма его меня однакоже занимали.

Такъ-какъ подозрѣнія мои совершенно исчезли, я рассуждалъ слѣдующимъ образомъ:

Я во что бы то ни стало хочу свободы. Мой ломъ—превосходное орудіе, но я не могу имъ ничего сдѣлать, такъ какъ каждое утро всю тюрьму мою, за исключеніемъ потолка, свидѣтельствуютъ желѣзной палкой. Если

я хочу выйти отсюда, то могу выйти только через потолокъ, а выйти черезъ потолокъ значить—пробить потолокъ, чего я не могу сдѣлать съ ннзу, потому что на это потребуется не мало времени. Мнѣ нуженъ помощникъ: онъ можетъ бѣжать вмѣстѣ со мною. Выбрать было не изъ кого, и я поневолѣ долженъ былъ остановиться на монахѣ. Ему было тридцать восемь лѣтъ, и хотя онъ не отличался особеннымъ умомъ, но я полагалъ, что любовь къ свободѣ, сильная въ каждомъ человѣкѣ, придастъ ему рѣшимость исполнить мои инструкціи. Надо было рѣшиться открыть ему все и выдумать средство переслать ему свой ломъ. Это были два самые затруднительные пункта.

Я началъ съ того, что спросилъ его, желаетъ ли онъ быть свободнымъ и чувствуетъ ли въ себѣ расположеніе достигъ свободы вмѣстѣ со мною. Онъ отвѣчалъ, что какъ онъ, такъ и его товарищъ готовы на все, чтобъ только расторгнуть свои цѣпи; но что бесполезно ломать голову надъ неисполнимыми планами. На цѣльхъ четырехъ страницахъ онъ описывалъ мнѣ всѣ затрудненія, представлявшіяся его бѣдному уму. Я отвѣчалъ ему, что выдумывая свой планъ, я занимался только подробностями и что частныя затрудненія всѣ были побѣждены; я кончилъ тѣмъ, что давалъ ему честное слово освободить его изъ заключенія, если онъ дастъ обѣщаніе въ точности исполнять все, что я ни предложу ему. Онъ обѣщалъ. Я объяснилъ ему, что у меня есть ломъ въ двадцать дюймовъ длиною; что имъ онъ проломить потолокъ своей тюрьмы, для того, чтобы изъ нея выйти; потомъ въ верхней комнатѣ проломить стѣну, которая насъ раздѣляла, и чрезъ это отверстіе

очутится прямо надо мною; потомъ проломить свой полъ а мой потолокъ, и поможетъ мнѣ выйти.—Когда же вы все это сдѣлаете, ваша работа кончится, моя настанетъ: я выведу васъ на свободу, васъ и графа Аскнио.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что когда мы выйдемъ изъ своихъ тюремъ, мы очутимся тогда на чердакахъ, которые запираются тремя толстыми дверьми.

— Знаю я это, почтенный отецъ, отвѣчалъ я ему, но въ томъ то и штука, что убѣжимъ мы не черезъ двери. Планъ мой сдѣланъ, и я увѣренъ въ успѣхѣхъ. Я прошу васъ только быть точнымъ исполнителемъ и воздерживаться отъ возраженій. Выдумайте только лучшее средство, какъ бы мнѣ прислать вамъ мой ломъ, не возбудивъ подозрѣній. А пока прикажите тюремщику купить штукъ сорокъ литографій изображающихъ святыхъ, чтобы оклеить ими всю вашу тюрьму. Эти священныя картины не возбуждаютъ подозрѣнія въ Лоранѣ, а вамъ послужатъ для того, чтобъ закрыть отверстіе, которое вы сдѣлаете въ потолокъ. Вамъ понадобится нѣсколько дней для сдѣланія этого отверстія, и Лоранъ во время своихъ утреннихъ визитовъ не будетъ видѣть работы, сдѣланной вами наканунѣ, потому что она будетъ закрыта картиной. Если я самъ всего этого не дѣлаю, то это потому, что я подозрителенъ для тюремщика.

Хотя я и просилъ его подумать о наилучшемъ средствѣ переслать ему мой ломъ, однако и самъ сильно ломалъ надъ этимъ голову. Меня озарила вдругъ счастливая мысль, которою я и воспользоваться. Я приказалъ Лорану купить мнѣ библию in folio, кото-

рая только что тогда явилась. Я надѣялся уложить ломъ подъ корешокъ переплета этой огромной книги и такимъ образомъ переслать его монаху; когда онъ принесъ мнѣ ее, я увидѣлъ, что инструментъ мой выходитъ изъ подъ корешка на два дюйма.

Корреспондентъ мой уже успѣлъ увѣдомить меня, что комната его вся была оклеена литографіями, а я сообщилъ ему мысль о библии и о томъ затрудненіи, которое представляла ея несоразмѣрность съ ломомъ.

Я сказалъ Лорану, что хочу ради Михайлова дня поѣсть макаронъ съ сыромъ, но, желая вмѣстѣ и отблагодарить ту особу, которая ссужала мнѣ книги, хочу самъ для нея приготовить большое блюдо этого кушанья. Лоранъ тутъ же сказалъ мнѣ, что эта особа желаетъ также прочесть большую книгу, которая стояла три секина. Между нами это было уже условлено.

— Хорошо, сказалъ я ему, я пошлю книгу вмѣстѣ съ макаронами; принесите мнѣ самое большое блюдо, какое только есть у васъ; потому что я хочу все это сдѣлать по барски.

Онъ обѣщалъ. Я завернулъ свой ломъ въ бумагу и засунулъ его подъ самый корешокъ библии, стараясь, чтобъ концы его выходили изъ переплета одинаково съ обѣихъ сторонъ. Я думалъ, что если поставить на библию большое блюдо съ макаронами, облитыми до самыхъ краевъ растопленнымъ масломъ, то Лоранъ не замѣтитъ концовъ лома, потому что все его вниманіе сосредоточится на краяхъ блюда, чтобъ какъ нибудь не пролить масла и не испачкать книги. Я увѣдомилъ обо всемъ отца Бальби, прося его осторожнѣе принимать

*

блюдо, а главное—братъ и блюдо и библию вмѣстѣ, а не порознь.

Въ назначенный день Лоранъ пришелъ ранѣе, чѣмъ обыкновенно, съ полною мискою дымящихся макаронъ и со всѣми необходимыми спеціями для ихъ приправы. Я растопилъ огромный кусокъ масла и, наложивъ макароновъ на блюдо, полилъ ихъ по самымъ края масломъ. Блюдо было огромное и гораздо больше книги, на которую я поставилъ его. Все это я приготовилъ у себя въ тюрьмѣ, между тѣмъ какъ Лоранъ ждалъ въ корридорѣ.

Когда все было готово, я осторожно поднялъ библию и блюдо, стараясь, чтобъ спинкою книга уперлась въ грудь Лорана, и приказалъ ему вытянуть руки, смотрѣть, чтобъ масломъ не запачкать книги и поскорѣе нести все это по назначенію. Передавая ему эту драгоценную для меня ношу, я пристально смотрѣлъ ему въ глаза, и съ величайшимъ наслажденіемъ замѣтилъ, что онъ не сводилъ ихъ съ краевъ блюда. Онъ тутъ же сказалъ мнѣ, что лучше было бы снести сначала блюдо, а потомъ уже книгу; но я возразилъ ему, что тогда подарокъ потеряетъ цѣну, и что нужно нести все вмѣстѣ или ничего. Онъ сталъ еще жаловаться на то, что я налилъ слишкомъ много масла, и что если онъ прольетъ его, то не будетъ виновенъ въ порчѣ книги.

Я былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, потому что концы лома были подъ блюдомъ совершенно незамѣтны. Я слѣдилъ за нимъ глазами до тѣхъ поръ пока онъ не скрылся въ тюрьмѣ монаха, который, высморкавшись три раза, подалъ мнѣ условный знакъ, что все доставлено бла-

гополучно. Тоже самое подтвердилъ и Лоранъ нѣсколько минутъ спустя.

Отецъ Бальби скоро принялся за работу и черезъ недѣлю пробилъ въ потолокъ довольно большое отверстіе, которое онъ постоянно закрывалъ картинками. Онъ писалъ мнѣ, что чрезвычайно трудно отдѣляются кирпичи одинъ отъ другаго, но общалъ все-таки продолжать, хотя и сомнѣвался въ успѣхѣ нашего предприятия и боялся, что мы ухудшимъ наше положеніе. Я отвѣчалъ ему, что увѣренъ въ противномъ, хотя все не былъ увѣренъ въ успѣхѣ; но нужно было дѣйствовать такъ или все оставить.

Работа Бальби была трудна только въ первую ночь; чѣмъ больше онъ работалъ, тѣмъ ему становилось легче. 16 октября, въ десять часовъ утра, въ то время какъ я переводилъ Горація, я услышалъ топотъ надъ моею головою и три легкіе удара. Это былъ условный знакъ въ томъ, что мы не обманулись. Онъ работалъ до вечера и поутру писалъ ко мнѣ, что если потолокъ мой состоитъ только изъ двухъ досокъ, то работа его будетъ окончена къ вечеру. Онъ прибавлялъ, что дыру онъ старается дѣлать круглую, какъ я и просилъ его, и что онъ не станетъ окончательно пробивать потолокъ. Это было особенно важно, потому что малѣйшая царапина на немъ могла все открыть.

„Углубленіе, писалъ онъ мнѣ, будетъ доведено до того, чтобъ черезъ четверть часа можно было окончить работу.“

Я назначилъ минуту моего побѣга на завтра въ ночь. Я надѣялся, что при помощи товарища я проработаю надъ отверстіемъ въ крышѣ дожескаго дворца не болѣе

трехъ или четырехъ часовъ. А потомъ на крышѣ я ужъ воспользовался бы всѣмъ, что представить мнѣ случай, чтобъ спуститься на землю.

Но судьба сберегла для меня еще не одно затрудненіе. Въ этотъ самый день, именно въ понедѣльникъ, въ два часа пополудни, въ то самое время какъ отецъ Бальби работалъ, я услышалъ, какъ отворилась дверь въ комнатѣ, смежной съ моею. Я почувствовалъ, какъ кровь остановилась въ моихъ жилахъ, однакожь имѣлъ еще на столько присутствіе духа, чтобъ стукнуть два раза: это былъ нашъ условный знакъ тревоги, по которому отецъ Бальби долженъ былъ немедленно перейти черезъ проломанную стѣну, войти въ свою тюрьму и привести все въ порядокъ. Не прошло и минуты, какъ Лоранъ входитъ ко мнѣ и проситъ у меня извиненія въ томъ, что долженъ посадить ко мнѣ одного негодяя. Это былъ человѣкъ отъ сорока до пятидесяти лѣтъ, низенькій, худенькій, скверненькій, дурно одѣтый, съ чернымъ круглымъ парикомъ на головѣ. Между тѣмъ какъ я осматривалъ его, два собира развизывали ему руки. Я не сомнѣвался, что это былъ плуть первой руки, потому что онъ и глазомъ не мигнулъ, когда Лоранъ назвалъ его негодяемъ.

— Трибуналь, отвѣчалъ я Лорану, властенъ дѣлать что ему угодно.

Въ отчаяніи отъ этой помѣхи, я сталъ разсматривать моего товарища. Я думалъ, какъ бы заставить его говорить, но онъ самъ началъ, и началъ съ того, что сталъ благодарить меня за то, что я велѣлъ принести ему матрацъ. Желая задобрить его, я сказалъ ему, что онъ будетъ обѣдать со мною: онъ поцѣловалъ мнѣ руку,

но все-таки спросилъ, будетъ ли онъ пользоваться тогда своими десятью су. Я отвѣчалъ ему утвердительно. Тогда онъ бросилъ передо мною на колѣни и, вынувъ изъ кармана огромныя четки, началъ обводить глазами всѣ углы тюрьмы нашей.

— Чего вы ищете?

— Извините меня, *signor*; я ищу, нѣтъ ли гдѣ здѣсь образка Пресвятой Дѣвы, потому что я христіанинъ. Хоть бы одно только маленькое распятыце. Я никогда еще не чувствовалъ такой необходимости подвергнуть себя покрову святаго Франциска Ассизскаго, имя котораго я такъ недостойно ношу.

Я чуть-чуть не расхохотался. Конечно не надъ его набожностью, потому что совѣсть и вѣра суть такія свойства, которыя никто не можетъ контролировать, но надъ оборотомъ его рѣчи. Я разсудилъ, что онъ принялъ меня за жида, и поспѣшилъ дать ему поскорѣе каноны Богородицы, къ лику которой онъ немедленно приложился и, отдавая мнѣ книгу, сказалъ скромно, что отецъ его, алгвазилъ при каторжныхъ работахъ, не выучилъ его грамотѣ.

— Я, прибавилъ онъ, богомолецъ святыхъ четокъ.

И онъ сталъ мнѣ рассказывать о разныхъ чудесахъ, которыя я выслушалъ съ ангельскимъ терпѣніемъ. Онъ просилъ моего позволенія помолиться по четкамъ Пресвятой Дѣвѣ. Какъ только онъ кончилъ, я спросилъ его, обѣдалъ ли онъ; онъ отвѣчалъ, что умираетъ съ голоду. Я отдалъ ему все, что у меня было, и онъ сталъ уже не ѣсть, а пожирать, выпилъ все мое вино, и когда захмѣлѣлъ, началъ сперва плакать, а потомъ говорить

обо всемъ вкривь и вкось. На вопросъ мой о причинахъ его заключенія, онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

„Единственная забота моя была всегда о славѣ Божьей и нашей святой республики, а потомъ о точномъ повиновеніи ея законамъ. Я постоянно наблюдалъ за кознями разныхъ плутовъ, ремесло которыхъ состоитъ въ обманѣ, въ оскорбленіи правъ ихъ государя и въ утаиваніи ихъ преступныхъ замысловъ. Я постоянно открывалъ ихъ тайны и вѣрно обо всемъ доносилъ мессеру Гранде. Правда, мнѣ всегда платили за это, но деньги не доставляли мнѣ такого наслажденія, какъ сознаніе быть полезнымъ для славы Св. Марка. Мнѣ всегда смѣшонъ былъ предразсудокъ, будто есть что-то постыдное въ ремеслѣ шпіона. Это имя щекочетъ уши только тѣхъ, которые не любятъ правительства; потому что шпіонъ — другъ государственнаго блага, бичъ преступниковъ и вѣрноподанный своего государя. Когда дѣло шло о долгѣ, чувство дружбы, имѣющее нѣкоторое вліяніе на другихъ, не имѣло на меня никакого, а благодарность и подавно. Я часто божился, что буду нѣмъ какъ гробъ, чтобъ только узнать отъ когонибудь важный секретъ, и религіозно доносилъ о немъ. Это впрочемъ пустячки, потому что духовникъ мой, святой іезуитъ, увѣрилъ меня, что я могу это дѣлать, не только потому, что я вовсе не имѣлъ намѣренія быть нѣмымъ какъ гробъ, но и потому еще, что когда дѣло идетъ объ общественномъ благѣ, то какая ужь тутъ клятва. Я чувствую, что въ ревности своей продалъ бы роднаго отца и заставилъ молчать природу. Три недѣли тому назадъ я наблюдалъ на Изолѣ, маленькомъ островкѣ, гдѣ я имѣлъ жительство, за странной дружбой пятерыхъ са-

мыхъ значительныхъ особъ въ городѣ. Я зналъ, что они были недовольны правительствомъ за перехваченную и конфискованную контрабанду, которая нѣкоторымъ изъ нихъ стоила тюрьмы. Первый капелланъ, австрійскій подданный, былъ тоже замѣшанъ въ заговорѣ. Они собирались по вечерамъ въ одномъ трактирѣ, въ комнатѣ объ одной кровати: тамъ они пили, разговаривали и потомъ расходились. Рѣшившись открыть заговоръ, я имѣлъ присутствіе духа спрятаться подъ кровать. Къ вечеру пришли мои голубчики и начали разговаривать; между прочимъ они выразили мнѣніе, что городъ Изола не подлежитъ вѣдомству Св. Марка, но скорѣе Триестскаго княжества, потому что ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться частію венеціанской Истріи. Капелланъ сазалъ главѣ заговора, нѣкоему Пьетро Патто, что еслибъ онъ вмѣстѣ съ другими подписался подъ прошеніемъ, то онъ, капелланъ, самъ бы лично отправился къ императорскому послу, и что императрица не только завладѣла бы городомъ, но еще и наградила бы ихъ. Всѣ изъявили согласіе, а капелланъ обязался завтра же отправиться сюда съ прошеніемъ, чтобъ вручить его посланнику.

„Я рѣшился разстроить эти богомерзкіе планы, хотя одинъ изъ заговорщиковъ былъ мой кумъ и это духовное родство имѣло для меня большее значеніе, чѣмъ еслибъ онъ былъ моимъ роднымъ братомъ.

„Когда заговорщики удалились, я вышелъ изъ своей засады и въ ту же ночь отправился въ лодкѣ и на другой день до полудня прибылъ сюда. Я попросилъ записать имена шестерыхъ заговорщиковъ и принесъ ихъ секретарю трибунала, изложивъ въ то же время въ раз-

сказѣ все, что слышалъ. Онъ приказалъ мнѣ на другой день рано утромъ отправиться къ мессеру—Гранде, который дастъ мнѣ человѣка; съ нимъ я долженъ буду воротиться на Изола, чтобъ показать ему капеллана, который вѣроятно еще тамъ. Послѣ этого, сказалъ знаменитый секретарь, вы уже ни во что не вмѣшивайтесь. Я исполнилъ въ точности его приказаніе.

„Послѣ обѣда кумъ мой позвалъ меня побрить его, потому что я ремесломъ цирюльникъ. Когда бритье кончилось, онъ поднесъ мнѣ стаканчикъ превосходнаго *рефоско* и нѣсколько ломтиковъ колбасы и выпилъ дружески со мною. Тогда чувство кумовства вдругъ овладѣло мною, я взялъ его за руку и со слезами умолялъ его оставить всякія сношенія съ капелланомъ, а главное — не подписывать извѣстной ему бумаги. Онъ отвѣчалъ, что никакихъ особенныхъ сношеній съ нимъ не имѣлъ, и божился, что не знаетъ, о какой бумагѣ я говорю ему. Тутъ я засмѣялся и сказалъ ему, что пошутилъ, внутренно проклиная себя за излишнюю нѣжность, заставившую меня сдѣлать такой огромный промахъ. На другой день и человѣкъ и капелланъ скрылись, а когда я черезъ недѣлю прибылъ сюда и отправился къ мессеру Гранде, то онъ безъ церемоніи посадилъ меня сюда; и вотъ я теперь съ вами, милостивый государь. Благодареніе св. Франциску за то, что нахожусь въ обществѣ добраго христіянина, заключеннаго здѣсь по причинамъ, которыя я не хочу знать, потому что не любопытенъ. Зовутъ меня Сорадачи, а жена моя — рожденная Легрензи, дочь секретаря Совѣта Десяти; она презрѣла всѣ предразсудки и вышла за меня, не взирая на всѣ препятствія. Она теперь сокрушается,

не зная ничего о моей участи. Но я надѣюсь, что просижу здѣсь не долго, потому что очевидно я здѣсь для того только, чтобъ секретарю удобнѣе было меня допрашивать.“

Я испугался, увидя себя въ обществѣ такого чудовища. Но понимая, что положеніе мое щекотливо и что я долженъ быть осторожнѣе съ этимъ человѣкомъ, я притворился растроганнымъ, и предсказывалъ ему, что онъ не долго просидитъ здѣсь. Онъ скоро заснулъ, а я, воспользовавшись этимъ, рассказалъ все отцу Бальби, доказавъ ему необходимость пріостановить наши работы до болѣе удобнаго времени. На другой день я приказалъ Лорану купить деревянное распятіе, образъ Богородицы и св. Франциска и принести мнѣ двѣ бутылки святой воды. Сорадачи (такъ звали моего новаго товарища) потребовалъ отъ него свои десять су, и Лоранъ съ видомъ презрѣнія далъ ему двадцать. Когда тюремщикъ ушелъ, я искусно вынулъ изъ книги отвѣтъ Бальби. Онъ писалъ мнѣ, что все погибло, и то и дѣло повторялъ, какое счастье для насъ, что Лоранъ посадилъ Сорадачи въ мою, а не въ ихъ тюрьму; потому что въ послѣднемъ случаѣ Лоранъ не нашелъ бы его въ тюрьмѣ, все открылось бы и вѣроятно *колодца* *) сдѣлались бы ихъ удѣломъ.

Изъ разсказа Сорадачи я не сомнѣвался, что его будутъ допрашивать. Основываясь на этомъ, я рѣшился поручить ему два письма, которыя, будучи отданы по адресу, не могли нисколько компрометировать меня, но могли быть мнѣ полезны, если, какъ я былъ увѣренъ,

---

*) Тоже тюрьмы въ подвальномъ этажѣ дворца Дожей.

негодяй передать ихъ секретарю, чтобъ доказать ему свою вѣрность.

Я употребилъ два часа для написанія карандашемъ этихъ писемъ.

Онъ самъ вызвался зашить ихъ въ жилетку. Я согласился.

Одно письмо было адресовано г. Брагадини, другое аббату Примани. Я говорилъ въ нихъ, чтобъ они не беспокоились о моей участи, потому что я надѣюсь скоро быть на свободѣ; что, увидя меня, они найдутъ, что наказаніе послужило мнѣ въ пользу, потому что во всей Венеціи никто, можетъ быть, такъ не нуждался въ исправленіи, какъ я.

Уже два или три дня прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сорадачи имѣлъ мои письма, какъ вдругъ приполъ Лоранъ, послѣ обѣда, и потребовалъ его къ секретарю. Такъ-какъ онъ пропалъ на нѣсколько часовъ, то я уже думалъ, что онъ не воротится; но къ величайшему моему изумленію, къ вечеру его опять привели ко мнѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что послѣ долгаго допроса, его посадили въ очень тѣсную тюрьму, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько часовъ; что потомъ его связали и связаннаго повели къ секретарю, который хотѣлъ, чтобъ онъ сдѣлалъ полное признаніе. Уставъ его допрашивать, секретарь позвалъ наконецъ сбировъ, и его опять привели ко мнѣ.

Его рассказъ очень опечалилъ меня, потому что я ясно увидѣлъ, что этотъ несчастный еще долго пробудетъ со мною. Считаю нужнымъ увѣдомить отца Бальби объ этой помѣхѣ, я съ давнихъ поръ привыкъ уже довольно сносно писать въ темнотѣ.

На другой день, желая увѣриться что я не ошибся въ своихъ подозрѣнiяхъ, я попросилъ шпиона отдать мнѣ письмо къ г. Брагадини для того, чтобъ кое что прибавить.

— А послѣ вы опять его зашьете.

— Это опасно, возразилъ онъ, потому что Лоранъ можетъ придти, и тогда мы погибли.

— Ничего. Отдавайте письма.

Тогда негодяй бросился къ ногамъ моимъ и сталъ божиться, что когда его вторично привели къ допросу передъ страшнаго секретаря, то его проняла такая дрожь и такую нестерпимую тяжесть почувствовалъ онъ на спинѣ своей, именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ защиты были письма, что никакъ не могъ утаить истины отъ секретаря. Тогда, продолжалъ онъ, секретарь позвонилъ, вошелъ Лоранъ, ему развязали руки, сняли съ него жилетъ и, подпоровъ подкладку, вынули письма. Секретарь прочелъ ихъ и положилъ въ ящикъ своего бюро. —

Я показалъ видъ, что со мной сдѣлалось дурно: потомъ, закрывъ лицо руками, я бросился на колѣна передъ образомъ Богородицы и торжественнымъ голосомъ молилъ ее о наказанiи злодѣя, преступившаго такiя страшныя клятвы. Послѣ этаго я легъ въ постель, лицомъ къ стѣнѣ, имѣлъ терпѣнiе пролежать такъ цѣлый день, не дѣлая ни малѣйшаго движенiя, не произнося ни одного слова и нисколько не обращая вниманiя на плачь, крики и раскаянiе этого отъявленнаго негодяя. Я отлично подготовилъ и сыгралъ роль въ той комедiи, которая уже созрѣла въ головѣ моей. Ночью я написалъ отцу Бальби, чтобъ онъ ровно въ

девятнадцать часовъ приступилъ къ окончанію своей работы и работалъ ровно четыре часа, ни одной минутой болѣе или менѣе. Свобода наша, писалъ я ему, зависитъ отъ этой точности, и вамъ нечего опасаться.

Было 25 октября, и приближалось время, когда я долженъ былъ или совершить свое намѣреніе или оставить его навсегда. Государственные инквизиторы, а также и секретарь, отправлялись ежегодно, въ первые три числа ноября, за городъ. Лоранъ, пользуясь отсутствіемъ своихъ начальниковъ, напивался каждый вечеръ пьянъ и, просыпая обыденный часъ, являлся въ пломбы довольно поздно утромъ.

Зная это, я уже изъ одного благоразумія долженъ былъ избрать именно это время для своего бѣгства, потому что его замѣтили бы очень поздно. Но оставалось справиться съ моимъ товарищемъ. Мнѣ пришло на мысль, что единственное средство сдѣлать его безвреднымъ для себя и заставить молчать заключалось въ томъ, чтобъ совершенно потрясти его слабый мозгъ, произвести хаосъ въ его головѣ, однимъ словомъ—сдѣлать, чтобъ онъ совсѣмъ одурѣлъ.

Утромъ, когда Лоранъ ушелъ, я позвалъ Сорадачи ѣсть супъ. Онъ лежалъ въ то время и жаловался Лорану на разныя болѣзни. Самъ онъ ни за что не подошелъ бы ко мнѣ, еслибъ я не позвалъ его. Приподнявшись съ тюфяка, онъ бросился къ ногамъ моимъ, сталъ цѣловать ихъ и говорилъ, обливаясь горячими слезами, что если я не прощу его, онъ умретъ, къ вечеру же умретъ, потому что уже чувствуетъ послѣдствіе моихъ проклятій и мщенія, которое я готовилъ ему. Онъ уже чув-

становалъ рѣзь въ животѣ, а во рту у него открылись язвы.

Скорчивъ вдохновенный видъ, я вдругъ сказалъ ему:

— Садись и ѣшь супъ, а потомъ я возвѣщу тебѣ твое счастье. Знай, что сегодня утромъ мнѣ было видѣніе, въ которомъ мнѣ велѣно простить тебя. Ты не умрешь, но выйдешь отсюда вмѣстѣ со мною.

Озадаченный, стоя на колѣняхъ, онъ ѣлъ со мною супъ: потомъ сѣлъ на тюфякъ и сталъ меня слушать. Вотъ что я говорилъ ему:

— Огорченный до глубины души твоею чудовищною измѣною, я цѣлую ночь не спалъ, потому что изъ-за этихъ писемъ я теперь всю жизнь свою проведу въ тюрьмѣ. Единственное утѣшеніе мое было въ увѣренности, что ты умрешь здѣсь, передъ моими глазами, черезъ три дня. Полный этаго чувства, недостойнаго христіянина, потому что Богъ заповѣдовалъ намъ прощать, я вздремнулъ отъ усталости и во время этаго забытія имѣлъ чудесное видѣніе. Въ этомъ видѣніи предсказывалось мнѣ, что невидимая сила, для освобожденія меня отсюда, проломитъ крышу тюрьмы нашей, и я выйду изъ нея невредимымъ. Голосъ, предвѣщавшій мнѣ это, упоминалъ и твое имя. „Ты возьмешь съ собою, сказано мнѣ было, и Сорадачи и будешь беречь его, если только онъ отринетъ ремесло шпиона. Передай ему все это.“ Послѣ этихъ словъ видѣніе исчезло, и я проснулся.

Говоря все это серьезнымъ тономъ и вдохновеннымъ голосомъ, я наблюдалъ фізіономію Сорадачи, который совершенно ошалѣлъ. Потомъ я взялъ часословъ и сталъ молиться образу Мадонны, прикладываясь къ нему

отъ времени до времени. Черезъ часъ, Сорадачи, не открывавшій до-сихъ поръ рта, вдругъ спросилъ меня, въ которомъ часу разверзнется потолокъ тюрьмы?

— Это совершится въ девятнадцать часовъ,—время, назначенное въ моемъ видѣннѣи.

— Это былъ сонъ.

— Я увѣренъ, что нѣтъ. Способенъ ли ты отречься отъ своего подлаго ремесла?

Вмѣсто всякаго отвѣта, онъ заснулъ и проснулся не ранѣе какъ черезъ два часа. Проснувшись, онъ спросилъ меня, нельзя ли ему не давать теперь клятвы, которую я отъ него требовалъ.—Можешь не давать ея до тѣхъ-поръ, отвѣчалъ я, пока не явится мой избавитель, чтобъ вывести меня отсюда; но если и тогда ты не отречешься отъ своего подлаго ремесла, за которое сидишь теперь здѣсь и которое доведетъ тебя рано или поздно до висѣлицы, я оставлю тебя здѣсь.

Я слѣдилъ за нимъ, и мнѣ удалось подмѣтить на его гадкой физиономіи улыбку удовольствія, потому что онъ былъ увѣренъ, что никакого избавителя не будетъ. Онъ, казалось, сожалѣлъ обо мнѣ. Я нетерпѣливо ждалъ условнаго часа: вся эта комедія безконечно забавляла меня; я былъ увѣренъ, что приходъ избавителя совершенно собьетъ его съ послѣдняго толку.

Въ ту самую минуту, какъ часы били девятнадцать, я бросился на колѣна и страшнымъ голосомъ велѣлъ ему сдѣлать тоже. Онъ повиновался мнѣ, смотря на меня блуждающими глазами. Когда же я услышалъ небольшой шумъ шаговъ, я сказалъ;—Избавитель идетъ! и распростершись ницъ, кулакомъ заставилъ его принять тоже положеніе. Тутъ я услышалъ сильный стукъ отъ

ломки потолка, и имѣлъ терпѣніе пролежать на животѣ цѣлую четверть часа. Въ другое время я расхохотался бы при видѣ этаго неподвижно-распростертаго негодяя; но теперь я не хохоталъ, потому что видѣлъ необходимость совершенно свести съ ума этаго подлаго чело-вѣка. Лишь только я поднялся, я приказалъ ему сдѣ-лать тоже самое и три съ половиною часа перебиралъ съ нимъ чѣтки, читая разныя молитвы. Иногда онъ засы-палъ, болѣе отъ усталости, чѣмъ онъ однообразія мо-литвы, иногда бросалъ украдкой взглядъ на потолокъ, и недоумѣніе изображалось тогда на лицѣ его. Когда я слышалъ бой двадцати-трехъ съ половиною часовъ, я сказалъ ему голосомъ полуторжественнымъ, полуна-божнымъ: „Пади ницъ! Избавитель уходитъ! — Баль-би возвратился въ свою келью, и мы уже ничего не слышали. Поднявшись съ полу и поглядѣвъ на Сора-дачи я увидѣлъ на лицѣ его смущеніе и ужась. Это меня обрадовало. Мнѣ захотѣлось заговорить съ нимъ, чтобъ увидѣть, какъ онъ будетъ разсуждать. Онъ про-ливалъ обильныя слезы, и слова его были невыразимо странны: въ мысляхъ не замѣчалось ни послѣдователь-ности, ни связи. Говорилъ онъ о своихъ грѣхахъ, о набожности, о ревностномъ поклоненіи св. Марку, о долгѣ къ республикѣ, и этимъ-то достоинствамъ онъ приписывалъ милость, которой онъ удостоился отъ Пре-святой Дѣвы. Скорчивъ постное лицо, я долженъ былъ выслушать длиннѣйшій разсказъ о разныхъ чудесахъ, про которыя онъ узналъ отъ молоденькой жены своей, а она отъ своего духовника, еще очень молодаго до-миниканца. Онъ сказалъ мнѣ также, что не знаетъ, что я буду дѣлать съ такимъ невѣждой, какъ онъ.

— Ты будешь у меня въ услуженіи на всемъ готовомъ, такъ что не нужно уже будетъ быть шпиономъ.

— Но намъ нельзя будетъ оставаться въ Венеціи?

— Конечно, нѣтъ. Мы убѣдимъ въ государство, которое не будетъ во владѣніяхъ св. Марка. Можешь ли ты мнѣ дать клятву въ томъ, что откажешься отъ своего сквернаго ремесла? и если дашь клятву, то не преступишь ли ее въ другой разъ?

— Ужъ если даю клятву, такъ стало быть буду ей вѣренъ. Это ужъ такъ; но согласитесь, что безъ моего клятвопреступленія, вамъ бы не видать милосердія Св. Дѣвы. Я, не сдержавшій клятвы, виновникъ вашего счастья, и потому вы должны любить меня и быть довольны моею измѣной.

— А ты любишь Іуду предателя?

— Нѣтъ.

— Стало-быть ты видишь, что предатель возбуждаетъ ненависть, между тѣмъ какъ всѣ восхваляютъ Провидѣніе которое изъ зла выводитъ добро. До сихъ поръ ты былъ злодѣемъ; ты прогнѣвалъ Бога и Пресвятую дѣву, и я не иначе возьму съ тебя клятву, какъ послѣ твоего покаянія въ грѣхахъ твоихъ.

— Какой же грѣхъ я сдѣлалъ?

— Ты согрѣшилъ вслѣдствіе своей гордости, подумавъ, что я долженъ быть тебѣ благодаренъ за то, что ты измѣнилъ своей клятвѣ.

— Какъ же мнѣ искупить этотъ грѣхъ?

— Вотъ какъ. Завтра, когда придетъ Лоранъ, ты будешь лежать на тюфягѣ, лицомъ къ стѣнѣ, безъ движенія и даже ни разу не взглянешь на Лорана. Если онъ самъ заговоритъ съ тобою, ты отвѣтъ ему, что не

спалъ всю ночь и потому нуждаешься въ покоѣ. Обѣщаешь ли ты мнѣ это?

— Обѣщаю все сдѣлать такъ, какъ вы мнѣ говорите.

— Такъ поклянись же передъ образомъ Богородицы. Скорѣе!

— Обѣщаю тебѣ, Пресвятая Матерь Божья, что когда придетъ Лоранъ, я ни разу не взгляну на него и пролежу на тюфякѣ.

— А я клянусь, воскликнулъ я, что брошусь на Сорачачи и задушю его при первомъ его движеніи и взглядѣ на Лорана.

Я столько же рассчитывалъ на эту угрозу, сколько на его клятву.

Лишь только онъ заснулъ, я рассказалъ Бальби всю исторію и прибавилъ, что если работа сильно подвинулась, то ему остается только окончательно пробить потолокъ мой и войти ко мнѣ. Я написалъ къ нему, что мы бѣжимъ въ ночь 31-го октября и что насъ будетъ четверо, считая нашихъ товарищей. Было 28-го октября.

На другой день Бальби отвѣчалъ мнѣ, что работа подвинулась на столько, что стоило только сбить послѣднюю доску, что было дѣломъ какихъ-нибудь пяти минутъ. Сорачачи не измѣнили своей клятвѣ и притворился спящимъ при Лоранѣ. Впрочемъ я не терялъ его изъ вида и думаю, что задушилъ бы его, если бъ онъ сдѣлалъ хоть одно движеніе головою, потому что ему стоило только мигнуть Лорану, чтобъ измѣнить мнѣ.

Остальная часть дня посвящена была высокопарнымъ рѣчамъ, вычурнымъ фразамъ, которыя я произносилъ самымъ торжественнымъ образомъ. Въ помощь къ мис-

*

тическимъ рѣчамъ я присоединилъ винные пары, такъ что онъ вскорѣ повалился отъ хмѣля и сна.

Онъ часто заливался горячими слезами, и его рыданіямъ не было конца. На слѣдующій день утромъ 31 октября, когда я видѣлъ Лорана въ послѣдній разъ, я ему отдалъ книгу для Бальби, посредствомъ которой просилъ монаха приходить въ семнадцать часовъ, чтобъ окончательно пробить потолокъ. Я не боялся теперь никакой уже помѣхи, такъ какъ самъ Лоранъ сказалъ мнѣ, что инквизиторъ съ секретаремъ уже отправились за городъ. Я уже не боялся, что приведутъ ко мнѣ какого нибудь новаго товарища, а главное—мнѣ не нужно было болѣе церемониться съ своимъ плутомъ.

Когда Лоранъ вышелъ, я сказалъ Сорадачи, что видѣлъ еще видѣніе, въ которомъ мнѣ сказано, что избавитель придетъ и проломитъ намъ потолокъ въ семнадцать часовъ.

— Съ нимъ будутъ ножницы, прибавилъ я, и ты намъ выстрижешь бороды.

Наконецъ насталъ условный часъ: избавитель идетъ. Сорадачи хотѣлъ пасть ницъ, но я сказалъ ему, что это бесполезно. Въ три минуты потолокъ былъ взломанъ; кусокъ доски упалъ къ ногамъ моимъ и отецъ Бальби спустился ко мнѣ на руки.—Вотъ, сказалъ я ему, ваша работа кончена: теперь начинается моя. Мы обнялись; онъ передалъ мнѣ ломъ и ножницы. Я велѣлъ Сорадачи остричь намъ бороды; но мнѣ было невозможно удержаться отъ смѣха при видѣ, какъ онъ разсматривалъ Бальби; онъ былъ внѣ себя, но бороды выстригъ намъ отлично.

Горя нетерпѣніемъ осмотрѣть мѣстность, я сказалъ

монаху, чтобъ онъ остался съ Сорадачи, котораго мнѣ не хотѣлось оставлять одного, и вышелъ. Я былъ на потолокъ той тюрьмы, гдѣ сидѣлъ графъ, товарищъ Бальби. Я вошелъ къ нему и дружески обнялъ этого почтеннаго старика, но увидѣлъ въ немъ человѣка такихъ размѣровъ, съ которыми не совсѣмъ удобно पु- скаться въ бѣгство по крышамъ съ крутыми скатами. Онъ спросилъ меня о моихъ планахъ и сказалъ мнѣ, что по его мнѣнію я дѣйствую нѣсколько легкомысленно.

— Я хочу только, сказалъ я ему, идти впередъ до тѣхъ поръ, пока не отыщу свободы или смерти.

— Если вы намѣреваетесь, возразилъ онъ, проломать крышу и искать по ней мѣста, гдѣ бы спуститься, то я не предвижу успѣха, развѣ только у васъ выростутъ крылья. Во мнѣ же нѣтъ столько смѣлости: я остаюсь здѣсь и буду молить за васъ Бога.

Я вышелъ отъ него, чтобъ осмотрѣть главную кровлю, держась, сколько было возможно, боковыхъ сторонъ чердака. Дошедши до того мѣста, гдѣ голова моя касалась крыши, я присѣлъ на полъ. Ощупавъ доски концомъ лома, я къ величайшей моей радости, увидѣлъ, что они полусгнили. Съ каждымъ ударомъ лома, онѣ рассыпались пылью. Увѣрившись, что я пробью въ нихъ отверстіе менѣе чѣмъ въ часъ времени, я возвратился въ свою келью, и употребилъ четыре часа на разрѣзываніе простынь, одѣялъ, матрасовъ и тюфяковъ, чтобъ свить веревки. Узлы я дѣлалъ самъ и старался, чтобъ они были крѣпки, такъ какъ одинъ, дурно-связанный узелъ могъ намъ стоить жизни.

Когда веревка была свита, я завязалъ въ узелъ мое платье, шелковый плащъ, нѣсколько рубашекъ, чулокъ,

платковъ, и мы всё перешли въ тюрьму графа. Я приказалъ Бальби сдѣлать и для себя узелокъ со всёми необходимыми, а самъ отправился пробивать отверстие въ крышѣ чердака.

Къ двумъ часамъ ночи, безъ всякой посторонней помощи, я продѣлалъ достаточное отверстие. Доски мнѣ легко было превратить въ щепки и добратъ такимъ образомъ до свинцоваго листа. Одинъ я не могъ его поднять, потому что онъ былъ привинченъ. Монахъ пособилъ мнѣ, и намъ удалось отдѣлать его отъ стропиль; потомъ плечами мы загнули его на столбъ, чтобъ можно было пролѣзть. Тогда, просунувъ голову, я къ величайшему огорченію увидѣлъ, что луна была въ первой четверти и блистала весьма ярко. Это была помѣха, которую нужно было переждать. Въ такую свѣтлую ночь все избранное общество непременно гуляло на площади Марка, и мы уже никакъ не могли показаться на крышѣ; наши тѣни, двигаясь по площади, непременно привлекли бы на насъ всё головы и возбудили бы всеобщее любопытство, а главное—заняли бы мессера Гранде и его шайку сбировъ. Поэтому я настоялъ, что мы не выйдемъ на крышу ранѣе заката луны, которая закатывалась въ пять часовъ, а солнце всходило въ тринадцать съ половиною: намъ стало быть оставалось семь часовъ совершенной темноты; хотя дѣла было еще очень много, но въ семь часовъ можно было все окончить.

Я сказалъ отцу Бальби, что мы можемъ провести три часа съ графомъ Аскино, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно было попросить у него взаймы тридцать секиновъ, которые могли мнѣ понадобится впоследствии. Монахъ

вызвался поговорить съ графомъ и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, сказалъ мнѣ, что графъ желаетъ говорить со мною наединѣ. Бѣдный старикъ сталъ ласково увѣщевать меня, что мнѣ вовсе не нужно денегъ для бѣгства, что у него ихъ нѣтъ, что у него огромное семейство, что если я погибну, то и его деньги погибнутъ со мною.

Въ концѣ концовъ онъ предложилъ мнѣ два секина съ условіемъ, что я ихъ возвращу ему, если по осмотрѣ крыши увѣрюсь, что благоразумнѣе вернуться въ тюрьму свою. Я обѣщаль ему это, хотя былъ увѣренъ, что скорѣе умру, чѣмъ возвращусь туда, откуда уже для меня не будетъ возврата.

Я созвалъ товарищей, и мы сложили все наше имущество у отверстія. Я раздѣлилъ на двѣ связки сто брасовъ веревки, и мы цѣлые два часа проболтали, съ удовольствіемъ вспоминая всѣ превратности нашего предпріятія. Первое доказательство своего благороднаго характера отецъ Бальби далъ мнѣ въ томъ, что по крайней мѣрѣ разъ десять повторилъ, что я обманулъ его, увѣряя, будто планъ мой былъ готовъ и вѣренъ, между тѣмъ какъ въ сущности никакого плана не было. Графъ тоже со всею строгостію своихъ семидесяти лѣтъ уговаривалъ меня не вдаваться въ такое смѣлое предпріятіе, успѣхъ котораго былъ невозможенъ, а опасность потерять жизнь очевидна. Онъ былъ адвокатомъ и сказалъ мнѣ длиннѣйшую рѣчь; я легко догадался впрочемъ, что одушевленіе придавали ему два секина, которые я долженъ былъ возвратить ему, если ему удастся убѣдить меня.

— Крутизна крыши, говорилъ онъ мнѣ, составлен-

ной изъ свинцовыхъ листовъ, такова, что ходить по ней вамъ нельзя будетъ, вы на ногахъ-то едва на ней удержитесь. На крышѣ этой есть семь или восемь слуховыхъ оконъ, но они всѣ снабжены желѣзными рѣшетками и просто неприступны, потому что всѣ они очень удалены отъ краевъ. Подойти къ нимъ невозможно. Веревки ваши вамъ не помогутъ, потому что не найдете мѣста, гдѣ прикрѣпить ихъ, а если и найдете, то еще вопросъ—какъ вы спуститесь. Одинъ изъ васъ троихъ долженъ будетъ привязать къ ней поодиночкѣ остальныхъ и спустить ихъ внизъ: стало быть тотъ, кто возьметъ на себя эту обязанность, долженъ будетъ остаться и возвратиться въ тюрьму. Кто же изъ васъ троихъ чувствуетъ себя способнымъ на такое самопожертвованіе? Предположимъ даже, что и найдется такой герой, скажите, съ какой стороны вы спуститесь? Ужь конечно не со стороны колонады, потому что васъ увидятъ; со стороны церкви? — невозможно, потому что вы были бы заперты; со стороны же двора нечего и думать, потому что тогда вы прямо попадете въ руки *арсеналотти*, которые тамъ постоянно ходятъ дозоромъ. И такъ вамъ можно спуститься только со стороны канала, а есть ли у васъ тамъ гондола или лодка? Нѣтъ; и такъ вамъ остается только броситься въ воду и плыть до св. Аполлонія, гдѣ вы пристанете въ самомъ плачевномъ состояніи, не зная куда идти дальше. Подумайте, что на свинецѣ скользко и что если вы упадете въ каналъ, то — умѣйте вы плавать, какъ киты, вы все-таки не избѣгнете смерти, потому что высота страшная, а каналъ мелокъ. Однимъ словомъ: при счастіи, вы переломаете себѣ только руки и ноги.

Эта рѣчь, весьма неблагоприятная при настоящихъ обстоятельствахъ, волновала мнѣ кровь; впрочемъ я имѣлъ силу выслушать ее съ терпѣніемъ. Упреки монаха, сыпавшіеся на меня безъ всякаго удержа, приводили меня въ негодованіе; но я чувствовалъ, что положеніе мое было щекотливое, что я могъ погубить свое предпріятіе, потому что имѣлъ дѣло съ трусомъ, способнымъ отвѣтить мнѣ, что онъ еще не дошелъ до такого отчаянія, чтобъ идти на вѣрную смерть, что пусть ужъ лучше я одинъ попробую; а одному мнѣ было трудно успѣть. Вотъ почему я сдержалъ себя и отвѣчалъ имъ очень кратко, что я увѣренъ въ успѣхѣ, но только не могу сообщить имъ всѣхъ подробностей.

Слушая эти рѣчи и говоря самъ, я отъ времени до времени дотрогивался до Сорадачи, чтобъ увѣриться, тутъ ли онъ, потому что онъ все время молчалъ. Мнѣ становилось смѣшно при мысли, что онъ теперь думаетъ, когда знаетъ, что я его все обманывалъ. Въ 10 часовъ вечера я приказалъ ему пойдти посмотрѣть, гдѣ теперь луна. Возвратившись, онъ объявилъ, что черезъ полтора часа ее не видно будетъ и что подыметя туманъ, и потому на пломбахъ будетъ очень опасно.

— Туманъ—то еще ничего, сказалъ я, вотъ еслибъ подымалось масло, тогда другое дѣло. Завяжи свой плащъ въ узелъ, вмѣстѣ съ частью нашихъ веревокъ, которыя придется раздѣлить на насъ троихъ.

При этихъ словахъ, я былъ крайне удивленъ, почувствовавъ, что Сорадачи валяется въ ногахъ у меня, ловить мои руки, цѣлуетъ ихъ и, заливаясь слезами, умоляетъ меня не желать ему смерти.

— Я увѣренъ, что упаду въ каналъ, говорилъ онъ. Я не могу быть вамъ ни въ чемъ полезенъ. Ахъ, сдѣлайте божескую милость, оставьте меня здѣсь, и я дѣлюю ночь промолюсь за васъ св. Франциску. Въ вашей волѣ убить меня, но я ни за что не пойду съ вами.

Глупецъ и не думалъ, что онъ предупреждаетъ мои желанія.

— Хорошо, сказалъ я ему, оставайся, но только всю ночь молись св. Франциску; а теперь ступай за моими книгами, которыя всѣ я оставляю графу.

Онъ повиновался безъ отговорокъ и съ большою радостію. Книги мои стояли, по крайней мѣрѣ, сто зяю. Графъ сказалъ, что отдастъ ихъ мнѣ, лишь только я возвращусь.

— Вы меня здѣсь болѣе не увидите, возразилъ я, можете быть въ томъ увѣрены. Книги съ излишкомъ вознаграждать васъ за ваши два секина. Что касается до этого негодяя, то я очень радъ, что онъ не рѣшается бѣжать со мною; онъ только стѣснилъ бы насъ. Къ тому же онъ не достоинъ чести участвовать въ такомъ удивительномъ предпріятіи.

— Это правда, сказалъ графъ, если только завтра онъ не будетъ радоваться тому, что остался.

Но время было отправляться. Луны уже не было. Я привязалъ къ шеѣ отца Бальби половину веревокъ, а съ другой стороны узелокъ съ его платьемъ. Я сдѣлалъ то же самое съ собою; и оба вмѣстѣ, въ однихъ жилетахъ, съ шляпами на головахъ, мы пошли къ отверстію.

Я вышелъ первый; отецъ Бальби за мною. Сорадачи, провожавшій насъ до самаго отверстія, получилъ при-

казаніе приладить свинцовый листъ на прежнее мѣсто и потомъ идти молиться св. Франциску. Стоя на колѣнахъ, или лучше на четверенькахъ, я твердою рукою взялся за ломъ и, вытянувъ руку, вонзилъ его косвенно въ самый шовъ двухъ свинцовыхъ листовъ; потомъ, ухватываясь рукою за приподнятый край cadaго листа, я доползъ наконецъ до самаго конька крыши. Монахъ, чтобъ не отстать за мною, ухватился всею пятернею правой руки за поясъ моихъ панталонъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось испытать участь животного, которое все на себѣ несетъ, и это на крышѣ крутой и вдобавокъ скользяй отъ павшаго тумана.

На самой половинѣ этого опаснаго восхожденія монахъ вдругъ вздумалъ остановить меня, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уронилъ одинъ изъ своихъ узелковъ. Первою мыслию моею было дать ему хорошаго пинка ногою и послать его за узломъ; но, слава Богу, я удержался. Иначе наказаніе было бы слишкомъ велико для него и для меня, потому что безъ него мнѣ едва ли удалось бы спастись. Я спросилъ его только, не былъ ли то узелъ съ нашими веревками, но онъ отвѣчалъ, что въ немъ лежали его пожитки и что между ними находилась одна рукопись, которую онъ нашель на чердакѣ подъ пломбами и отъ которой ждалъ себѣ золотыя горы. Я возразилъ ему, что нечего дѣлать, потому что шагъ назадъ можетъ погубить насъ. Бѣдный монахъ вздохнулъ и продолжалъ висѣть на моемъ поясѣ, продолжалъ карабкаться вмѣстѣ со мною.

Проползши такимъ образомъ съ невѣроятнымъ затрудненіемъ пятнадцать или шестнадцать листовъ, мы достигли наконецъ конька, на которомъ я со всѣми

удобствами усѣлся верхомъ; отецъ Бальби сдѣлалъ то же самое. Спиною мы обращались къ маленькому островку св. Георгія, а въ двухъ стахъ шагахъ передъ нами высились многочисленные куполы св. Марка, который составляетъ часть дожескаго дворца. Я началъ съ того, что снялъ съ себя мою ношу и пригласилъ своего товарища сдѣлать то же самое. Онъ подложилъ подъ себя связку веревокъ; но, желая снять съ себя шляпу, онъ сдѣлалъ неосторожное движеніе и шляпа его поскакала по свинцовымъ листамъ вдогонку за его узломъ. Онъ пришелъ въ отчаяніе.

— Дурное предзнаменованіе, вскричалъ онъ:—вотъ я съ перваго шага остаюсь безъ рубашекъ, шляпы, безъ драгоценной рукописи, въ которой заключалось любопытное и никому неизвѣстное описаніе всѣхъ дворцовыхъ празднествъ республики.

Нѣсколько успокоившись, я отвѣчалъ ему болѣе мягкимъ голосомъ, что оба эти случая не имѣли въ себѣ ничего необыкновеннаго даже и для самаго суевѣрнаго человѣка.

— Они, любезнѣйшій, послужатъ вамъ урокомъ и заставятъ быть впередъ умнѣе и разсудительнѣе, доказывая, что Богъ очевидно покровительствуетъ намъ. Сообразите сами: еслибъ ваша шляпа, вмѣсто того, чтобъ упасть на правую сторону, упала бы налѣво — вѣдь мы бы пропали, потому что тогда она упала бы на дворцовый дворъ, была бы поднята часовыми, которые ужъ сейчасъ бы догадались, что есть кто нибудь на крышѣ. Вѣдь насъ бы схватили.

Проведя нѣсколько минутъ въ глазѣньи направо и налѣво, я сказалъ монаху, чтобъ онъ оставался на

своемъ мѣстѣ до моего возвращенія, а самъ началъ двигаться впередъ верхомъ по коньку съ однимъ только ломомъ въ рукѣ. Часъ цѣлый я такимъ образомъ обзрѣвалъ, высматривалъ—все напрасно, потому что ни въ одномъ мѣстѣ края я не нашелъ предмета, куда бы могъ прикрѣпить веревку; я начиналъ уже приходиться въ отчаяніе. Нечего было уже рассчитывать ни на каналъ, ни на дворцовый дворъ, а церковь представляла моему утомленному взгляду между куполами однѣ только бездны, изъ которыхъ не было никакого выхода.

Однакожъ нужно было чѣмъ нибудь кончить, выйти изъ тюрьмы или снова войти въ тюрьму, можетъ быть уже никогда изъ нея не выйти, или броситься въ каналъ. Я остановилъ свой взглядъ на одномъ слуховомъ окнѣ, со стороны канала. Оно было довольно удалено отъ мѣста, съ котораго я отправился, и потому я рассуждалъ, что оно должно освѣщать чердакъ, не принадлежащій къ тюрьмамъ. Оно, очевидно, освѣщало какую нибудь каморку надъ какими нибудь дворцовыми апартаментами, гдѣ съ восходомъ солнца двери, вѣроятно, будутъ отперты.

Въ этомъ предположеніи я рѣшился осмотрѣть переднюю часть слуховаго окна и, скатившись потихоньку по прямой линіи, я скоро очутился верхомъ на его маленькой крышѣ. Тогда, вытянувъ руки и свѣсивъ голову впередъ, я увидалъ и даже ощупалъ небольшую желѣзную рѣшетку, за которой была оконная рама со стеклами, вставленными въ свинцовый переплетъ. Рама меня не беспокоила, но рѣшетка, хотя и очень тонкая, казалась мнѣ непобѣдимымъ затрудненіемъ; я думалъ,

что безъ пилы никакъ не справлюсь съ нею, а у меня былъ только ломъ.

Я начиналъ уже терять присутствіе духа, когда самое простое обстоятельство вдругъ возвратило мнѣ всю бодрость.

Колоколъ св. Марка, пробившій въ эту минуту полночь, былъ для меня той силою, тѣмъ толчкомъ, который вдругъ пробудилъ меня отъ оцѣпенѣнія.

Звукъ этого колокола показался мнѣ вдругъ живымъ талисманомъ, повелѣвавшимъ мнѣ дѣйствовать и обѣщавшимъ мнѣ побѣду. Лежа на животѣ, свѣсивъ голову въ рѣшеткѣ, я просовываю свой ломъ въ раму, въ которую она была вдѣлана, и рѣшаюсь выломать ее всю. Въ какіе нибудь четверть часа трудъ мой былъ оконченъ, рѣшетка цѣликомъ была въ рукахъ моихъ. Положивъ ее около окна, я уже безъ большихъ усилій выбилъ стекла, не смотря на кровь, текшую изъ раны, которую я себѣ сдѣлалъ на лѣвой рукѣ.

Съ помощію лома, слѣдуя прежней своей методѣ, я снова вскарабкался на большую крышу и пустился по ней верхомъ отыскивать своего товарища. Я нашелъ его въ отчаяніи, взбѣшеннымъ; онъ наговорилъ мнѣ кучу дерзостей за то, что я оставилъ его одного на такое долгое время. Онъ увѣрялъ меня, что ждалъ только семи часовъ, чтобъ возвратиться опять въ тюрьму.

— Что-жъ вы обо мнѣ думали?

— Я думалъ, что вы свалились съ крыши.

— И вы ругательствами выражаете радость при моемъ появленіи?

— Гдѣ-жъ вы такъ долго пропадали?

— Ступайте за мною и увидите.

Захвативъ съ собой свои узлы, я снова поползъ къ слуховому окну. Когда мы были передъ нимъ, я разсказалъ Бальби со всѣми подробностями о всемъ, что я сдѣлалъ, и просилъ его совѣта, какимъ образомъ понасть въ окно и оттуда на чердакъ. Дѣло было легкое для кого нибудь одного изъ насъ, потому что съ помощію веревки онъ могъ быть спущенъ другимъ, но я не видѣлъ средства, какимъ образомъ этотъ другой могъ потомъ понасть туда. Къ тому же я не зналъ разстоянія отъ окна до пола, и потому, войдя въ окно и опустившись внизъ, могъ переломать себѣ руки и ноги. На всѣ эти доводы, очень разумные и произнесенные самымъ дружескимъ тономъ, грубіянь отвѣчалъ мнѣ такъ:

— Все равно, спустите меня только, а когда я буду внизу, то раздумайте, какъ самому понасть туда.

Признаюсь, въ первую минуту негодованія меня разбирала охота ударить его въ грудь ломомъ. Добрый геній удержалъ меня, и я не произнесъ ни слова въ упрекъ за его эгоизмъ. Напротивъ, развязавъ въ ту же минуту узелъ съ веревками, я крѣпко обвязалъ его подъ мышками и, велѣвъ ему лечь на животъ, ногами внизъ, я спустилъ его до самой крыши окна. Когда онъ былъ уже на ней, я приказалъ ему лѣзть въ слуховое окно и на рукахъ держаться на подоконникѣ. Потомъ я спустился съ большой крыши, какъ и въ первый разъ, и когда уже былъ на крышѣ слуховаго окна, я легъ на животъ и сказалъ монаху, чтобъ онъ пересталъ держаться. Достигнувъ наконецъ пола, онъ отвязалъ веревку, и когда я вытащилъ ее, то нашелъ, что высота отъ подоконника до пола была въ пятьде-

сятъ футовъ. Пригнуть стало быть было бы опасно. Монахъ же мой совершенно успокоился. Проведя часа два въ страшнѣйшей опасности, потому что ползанье по крышамъ хоть кого могло свести съ ума, онъ сталъ кричать мнѣ, чтобъ я бросилъ ему веревки, что онъ ужъ сбережетъ ихъ. Разумѣется, я не исполнилъ такого глупаго требованія.

Не зная на что рѣшиться, въ ожиданіи какой нибудь счастливой мысли, я снова поползъ на конекъ большой крыши. Тамъ я случайно взглянулъ на одинъ куполь, котораго я еще не обозрѣлъ, и сейчасъ же отправился къ тому мѣсту. Я нашелъ террасу въ видѣ платформы, покрытую свинцовыми листами и смежную съ люкомъ, который закрывался двумя створчатыми ставнями. Въ немъ былъ котель съ распушеннымъ алебастромъ, лопатка, а подлѣ лѣстница, которая показалась мнѣ достаточно длинною, чтобъ по ней спуститься до чердака, гдѣ ждалъ меня товарищъ. Этого было для меня довольно, чтобъ рѣшиться. Привязавъ веревку за первую ступень, я потащилъ эту тяжелую ношу до слуховаго окна. Нужно было теперь спустить на чердакъ эту тяжелую массу, и трудности, которыя пришлось мнѣ преодолѣть, заставили меня раскаяться въ томъ, что я отпустилъ отъ себя монаха.

Я приладилъ лѣстницу такъ, что однимъ концомъ она касалась слуховаго окна, между тѣмъ какъ другой конецъ на цѣлую треть выходилъ за край крыши. Тогда я спустился на крышу слуховаго окна, отодвинулъ лѣстницу нѣсколько къ сторонѣ, и придвинувъ ее къ себѣ, привязалъ конецъ своей веревки за ея восьмую ступеньку, потомъ сталъ опять спускать ее и приноровилъ ее

такъ, что конецъ ея снова уперся въ слуховое окно. Тутъ я сталъ употреблять всѣ усилія, чтобъ вдвинуть ее въ него; она вошла наконецъ, но только до пятой ступени, потому что конецъ ея уперся во внутреннюю стѣну и никакая сила въ мірѣ уже не могла вдвинуть ее дальше, не проломивъ стѣны или не сломавъ лѣстницы. Не оставалось иного средства, какъ поднять ее съ другаго конца: тогда наклонное положеніе заставило бы ее спуститься внизъ собственной тяжестью. Я могъ бы также положить ее поперекъ окна, привязать къ срединѣ ея веревку и по ней уже безопасно спуститься въ чердакъ, но за то лѣстница оставалась бы въ томъ же положеніи и утромъ могла бы указать Лорану и его собираемъ мѣсто, въ которомъ мы, можетъ быть, еще бы оставались.

Я не хотѣлъ рисковать: черезъ одинъ какой нибудь необдуманный шагъ можно было потерять всѣ плоды столькихъ трудовъ и побѣжденныхъ препятствій. Чтобы схоронить слѣды, необходимо было, чтобъ лѣстница цѣлкомъ вошла на чердакъ. Такъ какъ я былъ одинъ и никто не могъ мнѣ помочь, то я рѣшился самъ спуститься до самаго края крыши, до водосточной трубы, для того, чтобъ поднять ее и достичь своей цѣли. Я это и сдѣлалъ, но съ такою опасностію, что чуть не заплатился жизнію.

Я бросилъ веревку, которою удерживалъ лѣстницу, не опасаясь, что она слетитъ въ каналъ, потому что одною изъ своихъ ступенекъ она крѣпко уперлась въ водосточную трубу. Потомъ, съ ломомъ въ рукѣ, я осторожно спустился до самой трубы. Мраморная труба представляла достаточный барьеръ для ногъ моихъ, по-

тому что спустился я лежа на животъ. Въ этомъ положеніи я приподнялъ лѣстницу на полфута и съ радостію увидѣлъ, что она поддалась въ чердакѣ на одинъ футъ, а черезъ это и тяжесть ея значительно уменьшилась. Нужно было еще всунуть ее фута на два, приподнявъ ее на столько же. Я былъ увѣренъ, что послѣ этого, взобравшись на крышу слуховаго окна, я съ помощію веревки, пропущу ее всю. Чтобъ поднять ее еще выше, я сталъ на колѣни, но напрягая всѣ силы для этого, я вдругъ поскользнулся и былъ отброшенъ съ крыши по самую грудь. Я держался только на двухъ локтяхъ.

Ужасная минута, при воспоминаніи о которой я даже и теперь вздрагиваю. Инстинктъ самохраненія заставилъ меня почти безсознательно употребить всѣ силы, чтобъ остановиться въ паденіи и опереться и руками и боками. Какимъ-то чудомъ мнѣ удалось это, и я замеръ, полувися надъ бездною; отдохнувъ, сталъ приподниматься на однихъ кулакахъ. Къ счастью мнѣ нечего было бояться за лѣстницу; потому что тѣмъ несчастнымъ усиліемъ, которое могло мнѣ такъ дорого стоить, мнѣ посчастливилось всунуть ее фута на три, отъ чего она сдѣлалась уже неподвижною.

Держась на водосточной трубѣ одними кулаками и нижнею частію живота, я увидѣлъ, что если мнѣ удастся поставить на трубу сперва правое колѣно, а потомъ лѣвое, то я буду внѣ опасности. Но страданія мои еще не кончились. Усиліе, сдѣланное мною, произвело въ правой ногѣ судорогу, отъ которой всѣ члены мои какъ будто онѣмѣли. Я не потерялъ головы и держался неподвижно до тѣхъ поръ, пока судорога миновала. Но

какъ ужасно было это мгновение! Минуты черезъ двѣ, принявшись снова карабкаться, я кое-какъ сталъ на оба коѣна и, отдохнувъ немного, осторожно снова сталъ приподнимать лѣстницу и довелъ ее до того, что концемъ своимъ она стала уже держаться на воздухѣ паралельно съ слуховымъ окномъ. Зная достаточно законы равновѣсія и рычага, я попрежнему съ помощію лома сталъ карабкаться вверхъ по крышѣ до окна и тамъ уже легко вдвинулъ всю лѣстницу, концы которой товарищъ мой принялъ своими руками. Тогда я сбросилъ на чердакъ свои пожитки, веревки и разные осколки и наконецъ самъ вошелъ въ него и былъ радостно принятъ товарищемъ. Взявшись за руки, мы стали обозрѣвать темное мѣсто, въ которомъ находились: въ немъ было около тридцати шаговъ въ длину и двадцати въ ширину. На концѣ мы наткнулись на двустворчатую дверь, сдѣланную изъ желѣзныхъ рѣшотокъ. Она предвѣщала что-то недоброе; но пригнувъ рукою ручку замка, я почувствовалъ, что онъ подается, и дверь скоро отворилась. Сначала мы обошли кругомъ это новое пространство, но когда вздумали пойти по срединѣ, то наткнулись на большой столъ, уставленный кругомъ табуретами. Тогда мы снова возвратились къ тому мѣсту, гдѣ чувствовали близость оконъ, отворили одно изъ нихъ и при мерцаніи звѣздъ могли увидѣть только бездны между куполами. Я ни на минуту не остановился на мысли спуститься отсюда: я хотѣлъ знать куда иду, а это мѣсто было мнѣ совершенно незнакомо. Закрывъ окно, мы вышли изъ этой залы и возвратились къ тому мѣсту, гдѣ оставили багажъ и веревки. Истощенный до крайности, я опустилсѣ на полъ

*

и подложивъ подъ голову связку веревокъ, сейчасъ же заснулъ. Итакъ крѣпко я уснулъ, что даже еслибъ самая смерть ожидала меня, то и тогда, кажется, мнѣ было бы нельзя противиться сну. Я очень хорошо помню, что наслажденіе, ощущаемое мною въ этомъ снѣ, было восхитительно.

Я спалъ три часа съ половиною. Крики и сильныя толчки монаха едва разбудили меня. Онъ сказалъ мнѣ, что уже пробило пять часовъ утра и что онъ не понимаетъ, какъ я могу спать въ нашемъ положеніи. Это было непонятно для него, но не для меня: сонъ мой былъ не произвольный. Кромѣ того, отъ тревогъ и волненія я не ѣлъ и не спалъ двое сутокъ, а усилія, совершенныя мною и превосходившія даже человѣческія силы, истощили бы хоть кого. Но этотъ благодѣтельный сонъ возвратилъ мнѣ прежнюю бодрость, и я былъ очень обрадованъ тѣмъ, что темнота уменьшилась и я могъ дѣйствовать съ большею увѣренностію и скоростію.

Лишь только я очнулся, какъ увидѣлъ, что отсюда есть выходъ и найти его легко. Мы направились къ концу, противоположному рѣшотчатой двери, и въ одномъ, очень темномъ и скрытомъ углу я заподозрилъ присутствіе двери. Ощупываю и наконецъ нахожу замочную скважину. Ломомъ, въ три или четыре удара я взламываю дверь, и мы входимъ въ маленькую комнату, гдѣ на столѣ лежалъ ключъ. Я пробую его на противоположной двери и нахожу, что она и не запиралась. Тогда я сказалъ монаху, чтобъ онъ сходилъ за нашими узлами и, положивъ ключъ на прежнее мѣсто, мы вышли изъ комнаты и очутились въ галлерей съ нишами, заваленными разными бумагами. Это былъ

архивъ. Оттуда мы сошли по небольшой каменной лѣстницѣ, потомъ спустились еще по другой и наконецъ очутились передъ стеклянною дверью, отворивъ которую, мы вошли въ знакомую мнѣ уже залу. Мы были въ дожеской канцеляріи. Я отворилъ окно и увидѣлъ, что спуститься съ этого мѣста мнѣ было бы очень легко, но за то мы непременно заблудились бы въ лабиринтъ маленькихъ дворишковъ, окружающихъ церковь св. Марка. На подобную глупость я былъ неспособенъ.

Я вставилъ ломъ въ замочную скважину двери, но увидавъ, что отворить ее невозможно, сейчасъ же рѣшился пробить дыру въ одной изъ ея половинокъ. Я выбралъ такое мѣсто, гдѣ доски не имѣли узловъ, и тотчасъ же принялся за работу. Учащенными ударами лома, я кололъ и обращалъ въ щепки то мѣсто, надъ которымъ трудился. Монахъ, помогавшій мнѣ огромнымъ шиломъ, которое я нашелъ на столѣ, дрожалъ отъ страха при каждомъ ударѣ лома: стукъ былъ слышенъ издалека. Я чувствовалъ всю опасность, но не могъ избѣжать ее.

Черезъ полчаса дыра была уже достаточной величины: безъ пилы не было возможности сдѣлать ее больше. Краины ея наводили страхъ, потому что были всѣ въ зазубринахъ, о которыя можно было порвать и платье и тѣло. Пробита она была на высотѣ пяти футовъ. Подставивъ къ ней рядомъ два тубарета, мы встали на нихъ и монахъ полѣзъ въ отверстіе головою, скрестивъ на груди руки, а я схвативъ его сначала за бедра, потомъ за ноги, понемногу вдвигалъ его впередъ, и хотя было еще очень тѣмно, однако я не боялся несчастія, потому что зналъ мѣстность. Когда

мой товарищъ былъ уже на той сторонѣ, я переброеилъ ему наши пожитки, оставивъ однѣ веревки; потомъ поставилъ третій табуретъ на два первые, вскарабкался на него, и такъ какъ отверстіе было наравнѣ съ моими бедрами, я высунулся въ него до половины живота, хотя и съ большими затрудненіями, потому что дыра была очень узка. Не находя опоры для рукъ своихъ и никѣмъ не подталкиваемый сзади, я попросилъ монаха, чтобъ онъ взялъ меня въ охабку и тащилъ не останавливаясь. Онъ повиновался, и я имѣлъ твердость не закричать отъ ужасной боли, которую вытерпѣлъ отъ расцарапанныхъ до крови бедръ и ногъ. Лишь только я перебрался такимъ образомъ на другую сторону, мы, захвативъ пожитки, и пройдя двѣ лѣстницы, безъ труда отворили дверь, ведущую въ сѣни, на концѣ которыхъ находятся большія ворота дожеской лѣстницы, а возлѣ дверь отъ кабинета *Savio alla scrittura*. Эти ворота были заперты также вѣрѣтко, какъ и въ архивной залѣ, и я по одному взгляду удостовѣрился, что безъ стѣнобитной машины или мины мнѣ невозможно будетъ сломать ихъ.

Предавшись судьбѣ и совершенно спокойный, я сѣлъ, пригласивъ монаха послѣдовать моему примѣру.

— Работа моя кончена, сказалъ я ему; теперь одна надежда на Бога или на счастье. Я не знаю, придутъ ли дворцовые полотеры нынче, въ день всѣхъ святыхъ, или завтра, въ родительскую субботу. Если кто придетъ, я сейчасъ же спасаюсь, и вы за мною; но если никто не придетъ, я не трогаюсь съ мѣста; а умру съ голода, такъ тѣмъ хуже.

Отъ этихъ словъ монахъ пришолъ въ бѣшенство. Я

молчалъ, какъ будто его и не было. Пробыло шесть часовъ утра. Съ тѣхъ поръ какъ я проснулся на чердакѣ, прошло только одинъ часъ.

Первымъ дѣломъ было перемѣнить платье и бѣлье. Хоть отецъ Бальби и смотрѣлъ мужикомъ, но за то былъ не тронутъ. Его красная жилетка и лиловые кожаные панталоны были цѣлы; между-тѣмъ какъ я способенъ былъ внушать только ужасъ и состраданіе, потому что былъ весь въ крови и въ лохмотьяхъ. Чулки мои спустились съ колѣнъ и кровь текла изъ глубокихъ царапинъ, которыя я себѣ сдѣлалъ еще на крышѣ у водосточной трубы. Я весь былъ въ ранахъ. Разорвавъ нѣсколько платковъ, я смастерилъ себѣ бинты и перевязалъ себя какъ только могъ. Потомъ надѣлъ на себя новое, нарядное платье, которое въ зимній день было довольно смѣшно. Волосы я кое-какъ подобралъ въ кошелекъ; надѣлъ бѣлые чулки, кружевную рубашку за неимѣніемъ другой, и сверхъ нея еще двѣ такія же, въ карманы положилъ платки и чулки, а остальное бросилъ въ уголъ. Красивый плащъ свой я накинулъ на плеча монаху, и онъ висѣлъ на немъ какъ краденный. Бинты на колѣняхъ смотрѣли подозрительно на нарядномъ костюмѣ.

Нарядившись такимъ образомъ, въ шляпѣ съ золотыми испанскими кружевами и бѣлымъ перомъ, я отворилъ окно. Меня сейчасъ же замѣтили нѣсколько зѣвакъ на дворцовомъ дворѣ, и сказали объ этомъ привратнику. Привратникъ вѣроятно подумалъ, что онъ заперъ кого наканунѣ, и шолъ уже съ ключами. Мнѣ было досадно, что меня увидали, я не зналъ еще, какую услугу оказываетъ мнѣ этотъ случай. Я подсѣлъ къ мо-

наху, который началъ говорить мнѣ какой-то вздоръ, какъ вдругъ звонъ ключей коснулся моего слуха. Дрожь проняла меня; встаю, приставляю глазъ къ щели, которая по счастью раздѣляла обѣ половинки дверей, и вижу человека, одного, въ парикѣ безъ шляпы, медленно поднимающагося по лѣстницѣ съ огромною связкою ключей въ рукѣ. Я шепнулъ монаху, чтобъ онъ не смѣлъ открывать рта, сталъ бы сзади меня и приготовился идти за мною. Правую руку съ ломомъ я спряталъ въ карманъ, а самъ сталъ у двери такъ, чтобъ лишь только она отворится, выйдти и броситься по лѣстницѣ внизъ. Я въ душѣ молилъ Бога о томъ, чтобъ этотъ человекъ не вздумалъ сопротивляться, потому что въ такомъ случаѣ я былъ бы вынужденъ убить его, и уже былъ готовъ на это.

Дверь отворилась, и при моемъ появленіи бѣдняга какъ будто окаменѣлъ отъ удивленія. Не останавливаясь, не говоря ни слова, пользуясь его остоленіемъ, я быстро схожу съ лѣстницы, сопровождаемый монахомъ. Бѣжать я не бѣжалъ, но шелъ скоро по великолѣпной *лѣстницѣ великановъ*, не слушая отца Бальби, который то и дѣло кричалъ мнѣ: „Пойдемъ въ церковь!“

Дверь въ церковь была не болѣе какъ въ двадцати шагахъ отъ лѣстницы; но церкви перестали уже быть въ Венеціи вѣрными убѣжищами для преступниковъ, и никто уже въ нихъ не скрывался. Монахъ зналъ это; но страхъ отнял у него память.

Безопасность, которую я искалъ, лежала за границами пресвѣтлѣйшей республики. Я былъ уже за ними воображеніемъ. Нужно было переправить туда и тѣло. Я прямо направился къ королевскимъ воротамъ доже-

скаго дворца, и не глядя ни на кого, — лучше средство, чтобъ и на тебя не глядѣли, — миноваль небольшую площадь, приблизился къ берегу и вошелъ въ первую попавшуюся гондолу, громко сказавъ гондольеру:

— Мнѣ надо въ Футину; зови скорѣе другаго гребца.

Онъ былъ тутъ возлѣ, а между тѣмъ какъ отвязывали гондолу, я разлегся на средней подушкѣ, монахъ сѣлъ на скамейкѣ. Странная фигура Бальби безъ шляпы, въ богатомъ плащѣ на плечахъ, мой нарядъ не по времени года — все это такъ рѣзало глаза, что насъ непременно должны были принять за шарлатановъ.

Лишь только мы обогнули таможеню, какъ гондольеры принялись дружно разсѣкать воды канала Джудекки, котораго нельзя было миновать, хотѣли ли вы попасть въ Футину или въ Местръ, куда я дѣйствительно хотѣлъ отправиться. Когда уже мы проплыли половину канала, я высунулъ голову и сказалъ гондольеру на кормѣ:

— Какъ думаешь, приѣдемъ въ Местръ до четырехъ часовъ? (8 утра).

— Да вѣдь вы приказали ѣхать въ Футину?

— Ты съ ума сошелъ: я сказалъ тебѣ въ Местръ.

Другой баркароль тоже сказалъ, что я ошибся, а за нимъ и мой монахъ, большой поборникъ правды, сталъ также увѣрять меня, что я ошибся. Меня разбирала охота дать ему пинка ногою за глупость, но, разсудивъ, что не всякому же быть умнымъ; я громко началъ смѣяться и сознался, что дѣйствительно ошибся, но прибавилъ, что я все-таки хочу ѣхать въ Местръ. Мнѣ не возражали, а гондольеръ даже сказалъ, что свезетъ меня хоть въ Англию, если только я захочу.

— Bravo! такъ ѣдемъ въ Местръ.

— Мы будемъ тамъ черезъ три четверти часа, потому что плывемъ по теченію; да и вѣтеръ попутный.

Очень довольный этимъ, я оглянулся назадъ и каналъ показался мнѣ прекраснѣе чѣмъ когда-либо, въ особенности потому, что не было другихъ лодокъ, идущихъ за нами. Утро стояло великолѣпное, воздухъ былъ чистъ; первые лучи солнца такъ ярко свѣтили, а два молодые баркарола гребли смѣло и скоро. Вспомнивъ о жестокой ночи, проведенной мною, объ опасностяхъ, которыхъ я только что избѣгнулъ, о мѣстѣ, гдѣ еще наканунѣ томился въ заперти, о всѣхъ благопріятныхъ для меня случайностяхъ, о свободѣ, которою я уже начиналъ наслаждаться и которая во всей полнотѣ открывалась передо мною впереди, — вспомнивъ обо всемъ этомъ я пришелъ въ такое сильное умиленіе, что полный благодарности къ Богу, полный вдругъ нахлынувшего на меня чувства, залился слезами.

Милый спутникъ мой, который до сихъ поръ рта не раскрывалъ, кромѣ развѣ того, что обвинялъ меня и оправдывалъ гондольеровъ, почелъ необходимымъ утѣшать меня. Онъ ошибался въ причинѣ моихъ слезъ, и тонъ его утѣшеній дѣйствительно заставилъ меня перейти отъ усладительнаго раздумья къ самому странному смѣху, который еще болѣе озадачилъ его: онъ подумалъ, что я съ ума сошелъ. Этотъ бѣдный монахъ, какъ я уже упоминалъ, былъ глупъ, и вся его здость происходила единственно отъ глупости. Я былъ поставленъ въ тяжелую необходимость извлекать изъ нея пользу; но, хотя и безъ намѣренія, онъ чуть не погубилъ меня.

Мы прибыли въ Местръ. Я не нашелъ лошадей на

почтовомъ дворѣ, но уговорился съ однимъ изъ извозчиковъ, чтобъ черезъ часъ съ четвертью онъ привезъ насъ въ Тревизу. Въ три минуты лошади были готовы, и я, думая, что Бальби стоитъ за мною, говорю ему: „сѣдемъ“; но его не было. Я просилъ какого-то работника отыскать его поскорѣе, но его нигдѣ не нашли. Я былъ въ отчаяніи. Мнѣ уже пришла мысль уѣхать одному; я даже долженъ былъ это сдѣлать, но меня удержало чувство жалости. Я пустился подъ аркаду главной улицы и, вздумавъ взглянуть въ окно одного кофейнаго дома, увидѣлъ тамъ моего товарища, который преспокойно пилъ шоколадъ. Увидѣвъ меня онъ предложилъ мнѣ выпить шоколаду и просилъ заплатить за свою чашку, такъ-какъ у самаго него не было денегъ. — Не хочу я шоколаду, сказалъ я ему, торопитесь. — А самъ сжалъ ему такъ руку, что онъ поблѣднѣлъ отъ боли. Я расплатился, и мы вышли. Я дрожалъ отъ злости. Наконецъ мы сѣли въ новозку, тронулись, но не сдѣлали и десяти шаговъ, какъ вдругъ намъ на встрѣчу попался одинъ мой знакомый, житель Местра, слышій за шпиона инквизиціи. Онъ меня узналъ.

— Какъ, это вы? вскричалъ онъ, приближаясь ко мнѣ. Очень радъ васъ видѣть. Такъ вы убѣжали? Какимъ же это образомъ?

— Я вовсе не убѣжалъ, а меня выпустили.

— Говорите! Недальше какъ вчера я былъ у г. Гримани и зналъ бы это.

Легко представить состояніе, въ которомъ я находился. Я видѣлъ, что узнавъ человекомъ, который можетъ быть посланъ за тѣмъ, чтобъ остановить меня, а для этого ему стоило только мигнуть первому сби-

ру; Местръ випѣлъ ими. Я попросилъ его говорить тише и, выйдя изъ повозки, отвелъ его въ сторону, за какой-то домъ. Замѣтивъ, что никто насъ не видалъ и что мы стоимъ у рва, за которымъ начинаются уже поля, я схватываю свой ломъ, а его за шиворотъ. Испугавшись, онъ вырвался, перепрыгнулъ ровъ и давай бѣжать во все ноги по полю. Отбѣжавъ на довольно большое разстояніе, онъ приостановился, поглядѣлъ въ мою сторону и послалъ ко мнѣ рукою нѣсколько поцѣлуевъ, какъ бы желая мнѣ хорошаго пути. Когда я потерялъ его изъ виду, я возблагодарилъ Бога за то, что онъ избавилъ меня отъ необходимости совершить преступленіе, потому что я рѣшился убить его, а онъ, какъ кажется, вовсе не имѣлъ дурныхъ намѣреній.

Въ мрачномъ молчаніи сѣлъ я снова въ повозку и только презрительно поглядѣлъ на негодного монаха. Дорогою я раздумывалъ, какъ бы мнѣ освободиться отъ этого негодяя, который теперь притихъ и не отерывалъ рта.

Въ Тревизу пріѣхали мы безъ всякихъ приключеній. Я приказалъ станціонному смотрителю приготовить мнѣ пару лошадей къ семнадцати часамъ (къ 2 утра): намѣреніе мое было однако не брать почтовыхъ лошадей, во-первыхъ потому, что у меня не было денегъ, во-вторыхъ я боялся погони. Мнѣ очень хотѣлось ѣсть, я умиралъ отъ голода, но не смѣлъ долѣе оставаться, потому что нѣсколько потерянныхъ минутъ могли погубить меня.

Я вышелъ черезъ ворота св. Θомы, какъ будто для прогулки, сдѣлавъ съ милою по большой дорогѣ, бросился въ поля, съ твердымъ намѣреніемъ не выходить

изъ нихъ, пока не буду за границей. Кратчайшій путь лежалъ черезъ Басено, но я взялъ самый длинный, потому что меня могли поджидать на какомъ нибудь со-сѣднемъ перекресткѣ, тогда какъ, по всей вѣроятности, никому и въ голову не придетъ, что я для выхода изъ республики пошелъ по длиннѣйшей дорогѣ на Фельтро.

Проходивъ часа три, я упалъ на земь въ совершенномъ истощеніи. Мнѣ нужно было или съѣсть чего нибудь или приходилось умереть. Я сказалъ монаху, чтобъ онъ сходилъ на ферму, которая виднѣлась не вдальгѣ, и купилъ бы тамъ для насъ обоихъ чего нибудь по-ѣсть. Деньги я ему далъ. Онъ пошелъ, сказавъ, что не считалъ меня такимъ малодушнымъ. Бѣдняга не зналъ, въ чемъ состоитъ настоящая храбрость; но онъ былъ сильнѣе меня, и вѣроятно еще въ тюрьмѣ хорошо наѣлся.

Хотя ферма и не была трактиромъ, но добрая фермерша прислала мнѣ съ работницей достаточный обѣдъ, стоившій мнѣ только тридцать венеціанскихъ су. Хорошо поѣвши и чувствуя, что меня клонить ко сну, я поспѣшилъ снова пуститься въ путь. Послѣ четырех-часоваго пути, я остановился передъ одной хижиной и узналъ, что я былъ въ двадцати четырехъ миляхъ отъ Тревизы. Я былъ окончательно истомленъ: ноги мои распухли, башмаки изорвались. Приближалась ночь. Растянувшись подъ деревомъ, я посадилъ возлѣ себя отца Бальби и повелъ съ нимъ такую рѣчь.

— Мы пойдемъ теперь въ *Боро ди Валзугано*, сказалъ я ему. Это первый городъ за границею республики. Тамъ мы будемъ въ такой же безопасности, какъ въ Лондонѣ, и отдохнемъ вдоволь. Но чтобъ дойти

туда, мы должны употреблять всевозможныя предосторожности, а первая изъ нихъ—наша разлука. Мы должны идти порознь. Вы отправитесь Мانتельскими лѣсами, я же пойду черезъ горы; вы пойдете путемъ самымъ удобнымъ и кратчайшимъ, я же самымъ длиннымъ и труднѣйшимъ; наконецъ вы при деньгахъ, я безъ копейки. Я дарю вамъ свой плащъ, который вы промѣняете на блузу и шляпу. Вотъ вамъ и деньги, которыя остались у меня отъ двухъ секиновъ графа Аскино; тутъ семнадцать ливровъ: они ваши. Въ Борго вы будете завтра къ вечеру, а я приду туда сутками позже. Подождите меня въ первомъ трактирѣ по лѣвую руку и будьте увѣрены, что я туда приду. Эту ночь мнѣ необходимо проспать въ хорошей постели, и Богъ поможетъ мнѣ найти ее; но мнѣ нужно отдохнуть спокойно, а съ вами этого нельзя. Я увѣренъ, что въ это время насъ уже вездѣ ищутъ, что наши примѣты всюду разосланы, и что насъ остановятъ въ первомъ трактирѣ, если мы войдемъ туда вдвоемъ. Вы сами видите мое печальное положеніе и потому, прощайте. Ступайте своей дорогой, а я ужь найду себѣ ночлегъ, гдѣ нибудь въ окрестности.

— Я ждалъ, что вы со мной такъ поступите, отвѣчалъ мнѣ Балби; но вмѣсто всякаго отвѣта, я напомню вамъ только, что вы мнѣ обѣщали, когда я поддался вашимъ убѣжденіямъ и проломилъ потолокъ вашъ. Вы обѣщали мнѣ тогда, что мы другъ съ другомъ никогда не разстанемся; и потому не надѣйтесь, чтобъ я ушелъ отъ васъ: ваша участь будетъ моею, моя вашею. За деньги мы найдемъ себѣ хорошій ночлегъ, и не въ трактирахъ. Не бойтесь, не поймаютъ.

— И такъ вы не хотите поступить какъ я вамъ говорю?

— Не хочу.

— Посмотримъ.

Я съ трудомъ приподнялся, взялъ мѣрку съ его роста и перенесъ ее на лужайку. Потомъ, вынувъ ломъ изъ кармана, я присѣлъ на корточки и съ величайшимъ хладнокровіемъ началъ рыть яму. На вопросы его я не отвѣчалъ. Проработавъ съ четверть часа, я печально взглянулъ на него и сказалъ ему, что, какъ добрый христіанинъ, я долженъ предупредить его, чтобъ онъ молился, потому что я зарю его здѣсь живаго или мертваго. Если же вы сильнѣе меня, то вы меня зароете. Вотъ до какой крайности доводитъ меня ваше скотское упрямство. Вы можете еще бѣжать, я не погонюсь за вами.

Видя, что онъ мнѣ не отвѣчаетъ, я снова принялся за работу, начиная уже бояться, что эта скотина доведетъ меня до крайности, а я рѣшился отъ него отдѣлаться во что бы то ни стало.

Наконецъ, со страху ли или по внушенію разсудка, онъ вдругъ бросился ко мнѣ. Не зная его намѣренія, я ему подставилъ остріе моего лома. Но мнѣ нечего было бояться. — Пусть будетъ по вашему, сказалъ онъ мнѣ, я ухожу. — Тутъ я обнялъ его и, отдавая ему деньги, повторилъ свое обѣщаніе непременно соединиться съ нимъ въ Борго.

Лишь только отецъ Бальби удалился, я поспѣшилъ встать и, увидѣвъ въ нѣкоторомъ разстояніи пастуха съ небольшимъ стадомъ на пригоркѣ, немедленно пошелъ къ нему, чтобъ поразспросить его о деревнѣ.

Узнавъ, что она называлась Val de piene, я удивился, потому что увидѣлъ, что прошелъ гораздо больше, чѣмъ предполагалъ. Тогда я спросилъ у него, какъ зовутъ владѣльцевъ пяти или шести домовъ, которые я видѣлъ, и по странной случайности, названныя имъ имена были имена людей мнѣ знакомыхъ, но къ которымъ я не могъ явиться, чтобъ не испугать ихъ. Когда я спросилъ его, чей дворецъ виднѣлся вдали, онъ назвалъ мнѣ фамилию Гримани, глава которой былъ въ то время государственнымъ инвизиторомъ и жилъ въ этомъ самомъ домѣ. Наконецъ, сдѣлавъ ему послѣдній вопросъ, кому принадлежалъ красный домъ, стоявшій вдалекѣ; я узналъ, что это было жилище капитана, начальника сборовъ. Что тутъ дѣлать?.. простившись съ пастухомъ, я сталъ машинально сходить съ пригорка и теперь еще не могу понять, вслѣдствіе какого инстинкта, я направилъ шаги именно къ этому дому, когда разсудокъ и страхъ должны были заставить меня бѣжать его, какъ чумы. Я же шелъ къ нему прямехонько и, сказать правду вовсе не вслѣдствіе принятаго намѣренія. Какъ бы то ни было, это была самая смѣлая выходка, какую я только могъ сдѣлать.

Вошелъ я, нисколько не колеблясь, во дворъ и, увидѣвъ игравшаго ребенка, подошелъ къ нему и спросилъ, гдѣ его отецъ. вмѣсто отвѣта ребенокъ убѣждалъ за матерью, которая тотчасъ же пришла и очень вѣжливо спросила меня, что мнѣ угодно отъ ея мужа, котораго къ сожалѣнію нѣтъ дома,

— Мнѣ очень жаль, отвѣчалъ я, что кума моего нѣтъ дома; я очень радъ, что имѣю наконецъ удовольствіе познакомиться съ его прелестною женою.

— Мой мужъ вамъ кумь? Стало-быть я говорю съ его превосходительствомъ, г. Веттура? Онъ говорилъ, что вы были такъ милостивы, обѣщались крестить нашего будущаго ребенка. Я чрезвычайно вамъ рада, а мужъ мой будетъ въ отчаяніи оттого, что вы его не застали.

— Надѣюсь, что онъ скоро возвратится, потому что хочу просить его о ночлегѣ на эту ночь. Я не смѣю никуда показаться въ томъ положеніи, въ какомъ вы меня видите.

— У васъ будетъ лучшая постель въ домѣ и сносный ужинъ. Мужъ мой самъ будетъ у васъ, чтобъ поблагодарить за честь, которую вы намъ дѣлаете. Съ годъ тому назадъ онъ со всѣми людьми отправился на поиски, и я жду его не раньше какъ черезъ три или четыре дня.

— Отчего же это онъ такъ долго пробудетъ въ отсутствіи? спросилъ я.

— Вы развѣ не знаете, что двое арестантовъ бѣжали изъ пломбъ? Одинъ изъ нихъ патрицій, другой какой-то Казанова. Мужъ получилъ отъ мессеръ-Гранде приказаніе немедленно отправиться на поиски: если найдетъ, то сейчасъ же конвоируетъ ихъ въ Венецію, а не найдетъ, такъ воротится домой.

— Очень, очень жаль. милая кумушка, но я не хочу васъ дольше беспокоить, тѣмъ-болѣе, что желалъ бы сейчасъ лечь въ постель.

— Постель будетъ мигомъ готова, а матушка вамъ прислужить. Но что это у васъ на колѣнахъ?

— Упалъ на охотѣ, разцарапался страшно, чуть не истекъ кровью и очень ослабъ оттого.

— Ахъ, бѣдненькій! но матушка васъ вылечить.

Затѣмъ она позвала мать, рассказала ей все дѣло и сама вышла. Эта хорошенькая сыщица была очень недалеко въ ремеслѣ своемъ, потому что все говоренное мною сильно походило на сказку. Верхомъ въ бѣлыхъ шолковыхъ чулкахъ, на охотѣ въ тафтянномъ платьѣ, безъ плаща, безъ прислуги! Но да наградить ее Господь за доброе сердце и за счастливую, недогадливость. Мать ея обошлась со мною какъ мать родная, и пере-вязывая мнѣ раны, называла меня сыномъ.

Мнѣ подали хорошій ужинъ; потомъ я остался съ старухой и заснулъ на рукахъ ея. Вѣроятно она и раздѣла меня, какъ ребенка, потому что я ничего не помнилъ при моемъ пробужденіи. Когда я проснулся, было 6 ч. утра. Пришедши наконецъ въ себя, я съ радостью увидѣлъ, что раны мои подсохли. Одѣвшись поспѣшно я сошелъ съ лѣстницы, и черезъ дворъ вышелъ на улицу, не обративъ вниманія на двухъ индивидуумовъ, которые вѣроятно были сбирь. Цѣлые пять часовъ сряду шолъ я лѣсомъ и горами, не оборачивая головы и встрѣчая только однихъ крестьянъ.

Около полудня я былъ остановленъ на пути своемъ колокольнымъ звономъ. Я былъ на пригоркѣ. Бросивъ взглядъ въ сторону звука, я увидѣлъ маленькую церковь и много входящаго въ нее народа. Я вхожу въ церковь, и къ крайнему моему удивленію вижу тамъ Марга Антонія Гримани, племянника инвизитора, съ женою. Я поклонился имъ; они мнѣ тоже. Отслушавъ обѣдню, я вышелъ. Гримани одинъ пошелъ за мною. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ церкви онъ подходитъ ко мнѣ и

говорить: что подѣлываете, Казанова? Гдѣ же вашъ товарищъ?

— Я ему отдалъ всѣ свои деньги, чтобъ онъ могъ бѣжать другой дорогой, а самъ безъ копейки иду по этой. Если ваше пресвосходительство захотите помочь мнѣ, то много облегчите мое положеніе.

— Ничего не могу дать вамъ; на дорогѣ вы найдете пустынноиковъ, которые не дадутъ вамъ умереть съ голоду. Но расскажите какъ вы пробили пломбы.

— Рассказъ хоть и интересенъ, да выйдетъ длиненъ, а пустытники пожалуй съѣдятъ всѣ запасы, отъ которыхъ, по вашимъ словамъ, я не умру съ голоду.

Сказавъ эту тираду я ему низко поклонился и снова пустился въ путь и шолъ до самаго вечера. Усталый, разбитый и умирающій съ голода, я остановился у одного уединеннаго, но кажется порядочнаго дома; привратница отвѣчаетъ, что хозяина нѣтъ дома, что онъ поѣхалъ къ кому-то на свадьбу и что назадъ будетъ дня черезъ два, но что уѣзжая, онъ просилъ ее принимать его друзей. Провидѣніе! счастье! случай! все что вамъ угодно.

Тутъ я нашель сытный ужинъ и мягкую постель. Послѣ плотнаго ужина я выспался на слѣдующее утро, и ушолъ какъ-будто погулять, а самъ перебрался черезъ рѣку и снова пустился въ дорогу. Послѣ пятичасовой ходьбы, я обѣдалъ въ монастырѣ капуциновъ потомъ пустился опять въ дорогу, и шель вплоть до 3 часовъ пополудни. Остановившись у однаго дома, который принадлежалъ одному изъ моихъ друзей, я вошелъ и только что хотѣлъ обнять его, но увидѣвъ меня онъ приходитъ въ ужасъ и гонить меня вонъ подъ разными

*

пустыми и обидными предложениями. Я описываю ему свое положеніе, свою нужду и прошу у него подъ росписку шестьдесятъ секиновъ, увѣряя его, что они немедленно будутъ уплачены г. Брагадини. Онъ отвѣчаетъ, что не можетъ мнѣ ни въ чемъ помочь, даже стаканъ воды не дастъ мнѣ, потому что боится впасть въ немилость страшнаго трибунала. Это былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, маляръ по ремеслу и во многомъ мнѣ обязаный. Его жестокій отказъ произвелъ на меня совершенно другое дѣйствіе, чѣмъ отказъ Гримани. Въ слѣдствіе ли гнѣва или негодованія, бѣшенства или правъ разсудка и природы, только я схватилъ его за горло, и замахнувшись ломомъ, грозилъ убить его. Дрожа отъ испуга, онъ вынулъ изъ кармана ключъ и сказалъ мнѣ, указывая на конторку, что деньги его тамъ, и что я могу взять сколько мнѣ угодно. Я просилъ его самого отворить конторку, и когда онъ выдвинулъ ящикъ съ золотомъ, я сказалъ ему, чтобъ онъ отсчиталъ мнѣ шесть секиновъ.

Я вышелъ и шелъ два часа сряду, до тѣхъ поръ, пока ночь и усталость не заставили меня остановиться въ домѣ одного фермера. Поужиналъ я скверно, а уснулъ на соломѣ. По утру купивъ старенькій камзолъ, я нанялъ осла на остальную дорогу, а близь Фельтра купилъ себѣ пару сапогъ. Вотъ въ такомъ-то видѣ я проѣхалъ маленькій городишко Ла-Скалу, гдѣ я нанялъ телѣгу съ парюю лошадей и рано приѣхалъ въ Бордо ди Вальзугано. Тамъ я нашелъ отца Бальби въ первомъ трактирѣ по лѣвую руку. Не подойди онъ ко мнѣ, я не узналъ бы его. Широкий камзолъ, шляпа, нахлобученная на грубый, бумажный колпакъ, совершенно из-

мѣнили его. Онъ сказалъ, что одинъ фермеръ промѣнялъ ему все за плащъ: что онъ прибылъ сюда благополучно, и что здѣсь хорошо кормятъ. Признался онъ мнѣ также, что вовсе не ждалъ меня, потому что никакъ не думалъ, что обѣщаніе мое было серьезно. Можетъ-быть, я и лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не обмануль его ожиданій!

Но я былъ уже за-границей...

Латюдь.

1750 — 1784 г.

Латюдь родился въ 1725 году въ Лангедокѣ. Когда въ 1749 году онъ учился въ Парижѣ, уже будучи 24-хъ лѣтъ, ему пришла мысль добиться во что бы то ни стало милостей и покровительства маркизы Помпадуръ, всемогущей любовницы короля Людовика XV. Съ этой цѣлью онъ положилъ въ картонъ какой-то невинный порошокъ, написалъ на немъ адресъ маркизы, и отправился въ Версаль, чтобы предупредить ее, будто два незнакомыхъ человѣка намѣреваются отравить ее, но что онъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился спасти ее. Маркиза сначала была тронута такимъ поступкомъ, но потомъ у нея явилось подозрѣніе, что ее обманываютъ; она попросила Латюда написать ей нѣсколько строкъ и сравнила почеркъ его съ почеркомъ адреса, написаннаго на картонѣ. Черезъ нѣсколько дней Латюдь былъ

посажень въ Бастилію, а спустя четыре мѣсяца переведенъ въ Венсенскій замокъ. Имѣя основаніе предполагать, что его не скоро выпустятъ, онъ сталъ напрягать всѣ силы ума къ отысканію средствъ спастись. Скоро случай къ тому представился. Латюдъ изъ своего окна видѣлъ одного пожилаго священника, который гулялъ ежедневно въ саду замка. Къ этому священнику часто приходилъ аббатъ ***, имѣвшій разрѣшеніе на то отъ тюремнаго начальства. Кромѣ того, священникъ училъ дѣтей лицъ, служившихъ при замкѣ; поэтому аббатъ и дѣти входили и выходили безпрестанно изъ замка, не возбуждая ничьего вниманія. Часъ этихъ прогулокъ совпадалъ съ часомъ прогулокъ Латюда, котораго пускали въ сосѣдній садъ, принадлежавшій также къ замку. Всякій день за нимъ приходили два тюремщика и отводили на прогулку; но иногда старшій изъ нихъ ожидалъ его въ саду, а младшій одинъ приходилъ за нимъ. Латюдъ приучилъ тюремщиковъ къ тому, что лишь только отворялись его двери, онъ, не обращая вниманія на то, слѣдуетъ ли за нимъ ктонибудь или нѣтъ, быстро сходилъ съ лѣстницы и если старшій тюремщикъ ожидалъ его въ саду, то младшій, сойдя внизъ, находилъ Латюда не одного, а вмѣстѣ съ старшимъ.

Однажды Латюдъ, рѣшившійся бѣжать изъ тюрьмы, по обыкновенію вышелъ поспѣшно на лѣстницу лишь только ему отворили дверь, спустился внизъ и заперъ за собою на ключъ выходную дверь, чтобы задержать тюремщиковъ и помѣшать имъ свидѣться ранѣ чѣмъ онъ успѣетъ пройти черезъ дворъ замка. Нужно было миновать четырехъ часовыхъ. Латюдъ постучался къ

первому изъ нихъ, стоявшему у наружной двери, спросилъ не видалъ ли онъ аббата *** и, не дожидаясь отвѣта, быстро продолжая идти, проговорилъ: „вотъ ужъ два часа какъ нашъ священникъ ждетъ его въ саду, а я бѣгаю всюду и не могу нигдѣ найти!...“ У свода стоялъ второй часовой. Латюдъ повторилъ свой вопросъ, получилъ въ отвѣтъ, что онъ, часовой, не видалъ аббата и быстро прошелъ; то же самое съ третьимъ часовымъ, а четвертый, не подозрѣвая, что передъ нимъ заключенный, пропустилъ безъ всякаго допроса. Латюдъ бросился черезъ поля, держась въ сторонѣ отъ большой дороги и пришелъ счастливо въ Парижъ, послѣ 15-ти мѣсячнаго заключенія. Но тутъ ему пришла несчастная мысль написать королю письмо и просить о прощеніи. Въ отвѣтъ на это письмо Латюдъ былъ вновь арестованъ и отведенъ въ Бастилію. Сначала, впродолженіе полутора года, онъ оставался одинъ, а потомъ къ нему посадили нѣкоего д'Алегръ, однихъ съ нимъ лѣтъ и заключеннаго также за оскорбленіе маркизы Помпадуръ.

„Всякому человѣку, рассказываетъ Латюдъ, имѣющему хотя малѣйшее понятіе о Бастиліи, одна мысль о томъ, чтобы бѣжать изъ нея, можетъ показаться бредомъ... Бѣжать черезъ двери было невозможно; оставалось бѣжать черезъ трубы. Въ нашей комнатѣ былъ каминъ, труба котораго оканчивалась навѣрху башни; но, подобно всѣмъ трубамъ Бастиліи, она была перегорожена такимъ множествомъ рѣшетокъ, что едва оставалось отверстіе для прохода дыма. Достигнувъ даже крыши, мы бы увидѣли подъ ногами пропасть, глубиною около двухсотъ футовъ и ровъ, надъ которымъ возвышалась очень высокая стѣна, черезъ которую надо было пере-

лѣзть. Однако всѣ эти препятствія не заставили меня отказаться отъ намѣренія бѣжать; я сообщилъ о томъ моему товарищу, который меня принялъ за безумца... Надо было сначала добраться до верхушки трубы, не взирая на желѣзныя рѣшетки; для того, чтобы спуститься съ башни въ ровъ, нужно было имѣть лѣстницу по крайней мѣрѣ въ 180 футовъ длины; кромѣ этой, нужна была другая, деревянная, для того, чтобы выйти изъ рва. Наконецъ, нужно было достать матеріалъ для всего этого и прискаты мѣсто, куда бы его можно было скрывать отъ всѣхъ. Послѣднимъ я занялся прежде всего и остановился на слѣдующемъ. Во всѣхъ комнатахъ, въ которыхъ мнѣ пришлось перебивать въ Бастиліи, я всегда ясно слышалъ малѣйшее движеніе въ комнатѣ, находившейся надо мною, а также и подо мною. На этотъ разъ я слышалъ движеніе надъ моею комнатою, но снизу ничего не доходило до меня, хотя я зналъ навѣрное, что она занята. Мнѣ пришло въ голову, что въ моей комнатѣ двойной полъ, а внутри его пустое пространство. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я употребилъ хитрость. Въ Бастиліи была часовня, въ которую нѣкоторыхъ изъ насъ, въ видѣ особенной милости, водили въ службѣ, также и обитателя комнаты, находившейся подъ нашею.

„Я рѣшился осмотрѣть эту комнату въ одно изъ воскресній, пока жилецъ ея не возвратился изъ церкви. Съ этой цѣлью я просилъ д'Алегра завернуть чехоль отъ своего молитвенника въ платокъ и когда мы поравняемся съ этажемъ, въ которомъ находилась комната, интересовавшая меня, выдернуть платокъ. Тогда чехоль выпадетъ, мы попросимъ сторожа, слѣдовавшаго за нами,

сойти, чтобы поднять его, а я этимъ временемъ воспользуюсь для осмотра комнаты. Такъ и сдѣлалось. Осмотрѣвъ вышину пола, я замѣтилъ, что онъ былъ не болѣе десяти съ половиною футовъ, затѣмъ считаю по лѣстницѣ до нашего этажа 32 ступени; смѣривъ вышину одной ступени, я убѣждаюсь, что между поломъ нашей комнаты и потолкомъ нижней есть промежутокъ въ пять съ половиною футовъ. Промежуткъ этотъ не могъ быть наполненъ ни камнями, ни деревомъ, такъ какъ тяжесть была бы слишкомъ велика. „Мы спасены, сказалъ я д'Алегру, намъ есть гдѣ спрятать веревки и всѣ матеріалы“. — Веревки, матеріалы, да откуда же взять ихъ? — А этотъ чемоданъ, вѣдь въ немъ болѣе, нежели тысяча футовъ. — Да гдѣ-жъ они, тамъ не будетъ и дюйма. — А развѣ у меня нѣтъ бѣлья, 12 дюжинъ рубашекъ, салфетокъ и разныхъ другихъ вещей. Мы ихъ раздергаемъ и соьемъ веревки“.

„У насъ былъ складной столъ, поддерживаемый двумя желѣзными колышками; мы заострили эти колышки, изъ огнива сдѣлали ножикъ, при помощи котораго придѣлали рукоятки къ колышкамъ, предназначая ихъ къ извлеченію желѣзныхъ рѣшетокъ изъ трубы.“

„Вечеромъ, послѣ вечерняго обхода, мы съ помощью заостренныхъ колышковъ приподняли одну половицу нашего пола и послѣ шестичасовой работы просверлили полъ; наши предположенія оправдались: между поломъ и потолкомъ была пустота въ четыре фута. Окончивъ эту работу, мы положили на мѣсто половицу.“

„Послѣ этого мы распороли двѣ рубашки и ихъ рубцы, повыдергали оттуда нитки, которыя связали и смотали въ клубки; потомъ сплели ихъ и у насъ оказалась ве-

ревка въ 55 футовъ длиною, изъ которой мы сдѣлали лѣстницу въ 20 футовъ; ее мы предназначали для того, чтобы держаться съ ея помощью на воздухѣ въ то время, какъ мы будемъ вырывать желѣзныя рѣшетки изъ трубы. Это былъ трудъ тяжелый, намъ пришлось работать такъ около шести мѣсяцевъ; объ этомъ времени я не могу вспомнить безъ содроганія. Работать мы могли не иначе какъ согнувшись и при самыхъ неловкихъ положеніяхъ тѣла; болѣе часу нельзя было вынести такой работы, во время которой руки наши всегда были покрыты кровью.

„Желѣзныя рѣшетки были вдѣланы въ очень твердый цементъ, который мы размягчали, впрыскивая воду въ отверстія, которыя намъ удавалось сдѣлать.

„Можно судить о трудности такой работы уже по тому, что мы были довольны, когда, проработавъ всю ночь, снимали цементъ на одну линію. Снявъ рѣшетку, нужно было опять положить ее на мѣсто, чтобы никто не замѣтилъ нашей работы.

„Проработавъ за этимъ шесть мѣсяцевъ, мы стали думать о деревянной лѣстницѣ, необходимой для того, чтобы изо рва взобраться на брустверь, а оттуда въ садъ губернатора. Намъ давали для отопленія дрова; изъ желѣзнаго подсвѣчника, при помощи остатка огня, я сдѣлалъ пилу, которою мы расщепляли полѣнья, дѣлали шарниры, болты и пр. Къ лѣстницѣ мы сдѣлали 20 ступеней, которыя къ ней привязали тесемкой для того, чтобы легче было поднимать ее ночью. По мѣрѣ того, какъ мы оканчивали кусокъ, мы прятали его подъ полъ. Тамъ же у насъ лежали необходимые инструменты: компасъ, эскеръ, линейка, блокъ, кото-

рыне мы себѣ добыли. Избавиться отъ надзора за работой мы могли, работая ночью; но слѣдовало еще избѣжать того, чтобы не подслушали нашего разговора. Съ этою цѣлью мы придумали особыя названія для различныхъ инструментовъ.

„Большая лѣстница должна была имѣть по крайней мѣрѣ 180 футовъ длины. Пораздергавъ все бѣлье, которое у насъ было, мы сплели такую веревку, которой бы удивился опытный веревочникъ.

„Верхняя часть Бастиліи была окружена закраиною, выступавшею на 3—4 фута, вслѣдствіе этого наша лѣстница не могла бы стоять неподвижно, а колебалась бы въ то время, когда мы по ней спускались; это произвело бы непремѣнно головокруженіе даже у самаго крѣпкаго человѣка. Чтобы помѣшать этому, мы сдѣлали еще другую веревку длиною около 360 футовъ. Эту веревку мы продѣли черезъ блокъ, но безъ колесъ, изъ опасенія, чтобъ она не зацѣпилась, соскочивъ съ блока, между колесомъ и боками его, вслѣдствіе чего спускающійся по ней очутился бы висящимъ на воздухѣ, не имѣя возможности спуститься внизъ. Потомъ мы приготовили еще нѣсколько веревокъ менѣе длинныхъ для того, чтобъ привязать нашу лѣстницу къ трубѣ и для разныхъ другихъ назначеній.

„Такимъ образомъ у насъ оказалось 1,400 футовъ веревки, 208 ступеней, какъ для веревочной лѣстницы, такъ и для деревянной. Чтобы ступени, касаясь стѣны, не производили шума, мы ихъ обернули кусками матеріи, взятой изъ нашихъ халатовъ и жилетовъ.

„Окончивъ эти приготовленія, на которыя потребовалось полтора года, надо было подумать о томъ, какъ

выйти изо рва; для этого представлялось два средства: одно влѣзть на брустверь, оттуда въ губернаторскій садъ, и затѣмъ спуститься въ ровъ, около воротъ св. Антонія; но брустверь всегда былъ охраняемъ многочисленными часовыми. Мы могли бы выбрать темную дождливую ночь, когда часовые стоятъ на своихъ мѣстахъ, но вѣдь погода могла измѣниться и мы, начавъ наше восхождение по трубѣ въ темную, дождливую погоду, могли очутиться на брустверѣ при тихой и свѣтлой. Кромѣ того, могли бы попасться ночному дозору, безпрестанно обходящему брустверь, а спрятаться было бы невозможно, такъ какъ ночная стража ходитъ съ фонарями.

„Другое средство было труднѣе, но менѣе опасно; оно состояло въ томъ, чтобы пройти черезъ стѣну, отдѣляющую ровъ Бастиліи отъ рва воротъ св. Антонія... Для этого надо было имѣть буравъ, съ помощью котораго мы просверлили бы отверстія въ известковомъ растворѣ и зацѣпили бы концы двухъ желѣзныхъ брусьевъ, которые мы вынемъ изъ трубы камина; этими брусьями можно было вырвать камни и открыть такимъ образомъ проходъ. Мы рѣшились на послѣднее средство и сдѣлали буравъ изъ ножки кровати.

„25-е февраля 1756 года, среду на масляницѣ, мы назначили для побѣга; рѣка въ то время разлилась и во рву было на 4 фута воды. Я положилъ въ кожаный плащъ два полныхъ костюма, чтобъ, въ случаѣ удачи нашего плана, мы могли переодѣться.

„Пообѣдавъ, мы прикрѣпили ступени къ нашей веревочной лѣстницѣ, и спрятали ее подъ постель, чтобы сторожа, при обходахъ, не замѣтили ее; приладивъ за-

тѣмъ деревянную лѣстницу, состоявшую изъ трехъ частей, мы положили желѣзные брусья, предназначенные для пробитія стѣны, въ чехоль, чтобы они не дѣлали шума, и запаслись бутылкой водки, которою мы надѣялись согрѣваться, когда придется работать въ водѣ по горло часовъ 9, мы стали ожидать момента дѣйствовать.

„Лишь только унесли нашъ ужинъ, я влѣзъ въ каминъ и не смотря на ревматизмъ въ рукѣ, началъ подниматься. Тутъ я увидѣлъ, что мы сдѣлали большую ошибку не принявъ тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя принимаютъ трубочисты; я чуть не задохся отъ сухой сажи, колѣна и локти мои были расцарапаны до крови. Въ такомъ видѣ я добрался до верху трубы и сейчасъ же распустилъ д'Алегру клубокъ тесемокъ, къ концу которой онъ привязалъ веревку, на которой висѣлъ мой плащъ, я поднялъ его къ себѣ, развязалъ и бросилъ на платформу Бастиліи; точно также мы подняли вверхъ деревянную лѣстницу и другіе пакеты, а наконецъ и веревочную лѣстницу, за конецъ которой ухватился д'Алегръ. Очутившись оба наверху, мы привязали одинъ конецъ ея къ выступу балки, потомъ прикрѣпили блокъ, черезъ который пропустили веревку, имѣвшую 360 футовъ въ длину. Затѣмъ, обвязавъ ее вокругъ тѣла, я сталъ спускаться; не смотря на то, что д'Алегръ постепенно распускалъ ее, я кружился въ воздухѣ при каждомъ движеніи. Наконецъ мнѣ удалось спуститься въ ровъ, куда д'Алегръ сбросилъ мнѣ плащъ и всѣ вещи; по счастью я отыскалъ маленькій бугорокъ, возвышавшійся надъ водою и положилъ вещи на него. Д'Алегръ спустился также какъ и я, только

съ тою разницею, что кружился менѣе въ воздухѣ, потому что я крѣпко держалъ лѣстницу, стоя внизу. Спустившись, намъ было очень жаль оставлять веревку и вещи, послужившія намъ *).

„Дождя не было, шумъ шаговъ часоваго раздавался въ 4 саженьяхъ отъ насъ; слѣдовательно нечего было и думать о спасеніи черезъ губернаторскій садъ. Мы рѣшились воспользоваться желѣзными брусьями... Подойдя къ стѣнѣ, отдѣляющей ровъ Бастилія отъ рва св. Антонія, мы увидѣли, что именно въ этомъ мѣстѣ вода доходила намъ до плечъ; если прибавить къ этому еще то, что въ водѣ плавали льдины и что мы должны были работать цѣлые девять часовъ, то наше состояніе будетъ понятно. Лишь только мы начали работу, какъ я увидѣлъ надъ нами не болѣе какъ на высотѣ 12 футовъ ночной дозоръ, съ фонаремъ, свѣтъ котораго падалъ прямо на насъ. Оставалось одно—нырнуть и повторять этотъ маневръ каждые полчаса. Но наконецъ мы достигли того, что открыли отверстіе въ стѣнѣ, черезъ которое и пробрались на другую сторону. Тутъ, когда свобода уже начинала улыбаться намъ, открылась передъ нами новая опасность, которая едва не погубила насъ. Проходя по рву св. Антонія, мы вдругъ очутились въ водопроводѣ, имѣя надъ собою 10 футовъ воды и 2 фута тины, мѣшавшей намъ двигаться и достигнуть конца водопровода, имѣвшаго всего 6 футовъ ширины. д'Алегръ бросился на меня и

---

*) Латюдь нашелъ эти вещи въ 1789 г., на другой день послѣ взятія Бастилія; лѣстницы хранились въ архивахъ вмѣстѣ съ протоколомъ отъ 27 февраля 1756.

чуть не уронилъ; случись это, мы бы пропали такъ какъ подняться со дна не было возможности. Оттолкнувъ его отъ себя, я бросился со всѣхъ силъ впередъ и достигъ конца водопровода. Тогда я схватилъ д'Алегра за волосы и притянулъ къ себѣ; скоро мы были внѣ опасности и когда пробило 5 часовъ, — на большой дорогѣ.

Мы обнялись и вмѣстѣ бросились на колѣна благодарить Бога за наше избавленіе. Послѣ того, мы переодѣлись въ сухое платье, причемъ члены наши до того онѣмѣли, что мы должны были одѣвать другъ друга; и нанявъ карету, отправились въ Парижъ.

Проживъ нѣкоторое время у друзей, Латюдь и д'Алегръ каждый своею дорогою, отправились въ Брюссель, но д'Алегръ, пріѣхавшій первымъ, немедленно былъ арестованъ, привезенъ обратно въ Парижъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ спустя сошелъ съ ума. Латюдь, счастливо избѣжавшій опасности въ Брюсселѣ, былъ арестованъ въ Амстердамѣ и возвращенъ въ Бастилію, гдѣ ему надѣли цѣпи на руки и на ноги.

Переведя въ 1764 года въ Венсенскій замокъ, Латюда подвергли по приказанію министра полиціи, самому жестокому обращенію, но благодаря губернатору черезъ нѣсколько времени его перевели въ другую комнату и позволили каждый день дѣлать прогулку въ саду крѣпости. За нимъ надзирали такъ строго, что впродолженіи 8 мѣсяцевъ ему нечего было и думать о побѣгѣ. Латюдь возложилъ всѣ свои надежды на случай, который и представился скоро.

„23 ноября, 1765, рассказываетъ Латюдь, я гулялъ въ саду; погода была ясная; вдругъ спустился густой

тумагъ; мысль бѣжать внезапно осѣнила меня, но какъ избавиться отъ сторожей?.. Я нагло обращаюсь къ одному изъ нихъ съ вопросомъ: какъ вамъ нравится такая погода? — Очень дурною. — А я нахожу ее прекрасною для того чтобъ убѣжать“. И съ этими словами я расталкиваю локтями двухъ часовыхъ, сопровождавшихъ меня, толкаю сержанта и лечу; ужъ я пробѣжалъ мимо третьяго часового, который ничего не замѣтилъ, и былъ далеко, какъ до меня долетѣли крики: „Останови, останови!“ Всюду открываются окна, солдаты хватаются за ружья, всѣ кричатъ. Скрыться было невозможно. Мгновенно мнѣ приходитъ въ голову мысль воспользоваться общимъ смятеніемъ, чтобы пробраться сквозь толпу, собравшуюся съ цѣлью остановить меня. Я кричу громче всѣхъ: „Держи, держи, воры!“ Жестомъ я показываю впередъ, какъ будто воръ впереди; всѣ обманутыя хитростью и туманомъ бѣгутъ впередъ, а я перегнавъ всѣхъ почти уже былъ на концѣ двора. Тутъ стоялъ послѣдній часовой, избавиться отъ котораго не было возможности; первый ему попавшійся человѣкъ непременно долженъ былъ возбудить въ немъ подозрѣніе. Къ ужасу моему часовой былъ мнѣ знакомъ. При моемъ приближеніи онъ загородилъ мнѣ дорогу и закричалъ что проткнетъ мнѣ штыкомъ тѣло, если я не остаповлюсь. Я умѣрилъ свой шагъ и медленно подходя къ нему, сказалъ: Вы меня знаете, вашъ долгъ остановить меня, но не убить“. Говоря это я бросаюсь къ его ружью, вырываю его такимъ сильнымъ движеніемъ, что часовой падаетъ: я перескакиваю черезъ него, бросаю ружье подальше отъ него изъ боязни чтобъ онъ въ меня не выстрѣлилъ и бѣгу впередъ. Очутившись

въ паркѣ, я спрятался тамъ, вдали отъ большой дороги, перескочилъ черезъ стѣну, окружавшую паркъ и ночью вошелъ въ Парижъ“.

Сдѣлавшись свободнымъ, Латюдъ опять не нашелъ ничего лучшаго какъ просить покровительства у того же министра полиціи, который особенно недружелюбно къ нему относился. Дѣятельный, ясный умъ Латюда, такъ хорошо высчитывавшій всѣ шансы освобожденія изъ подъ замковъ и съ такою ловкостью и энергіею пользовавшійся всѣми представляющимися случаями спасенія—какъ будто покидалъ его, лишь только онъ былъ на свободѣ. Обращенія къ министру полиціи было мало для Латюда, онъ еще отправился въ Фонтенебло просить покровительства у другихъ министровъ. Его опять арестовали, и помѣстили въ Венсеннскій замокъ, въ самый дурной номеръ, называвшійся черной ямой. Въ 1775 году его перевели въ Шарантонъ, гдѣ онъ видѣлся съ помѣшаннымъ д'Алегромъ, а въ 1777 г. онъ былъ освобожденъ, но изгнанъ на свою родину. Замедливъ свей отъѣздъ, Латюдъ еще разъ былъ арестованъ уже съ дороги и вновь отправленъ въ Бастилію. Ему было въ это время 55 лѣтъ, и съ 24-го года онъ провелъ на свободѣ очень немного дней. Наконецъ въ 1784 году, по ходатайству г-жи Неккеръ, онъ былъ окончательно освобожденъ.

Бенёвскій.

Баронъ Морицъ Анадаръ де-Бенёвъ (какъ онъ самъ подписывался), родомъ венгерець, бѣжавшій изъ отечества за самоуправный поступокъ съ братьями и служившій въ польской конфедераціи, былъ въ 1768 году взятъ русскими и отпущенъ на честное слово, что не будетъ служить противъ нашихъ войскъ. Онъ не сдержалъ слова и въ маѣ слѣдующаго года былъ вторично захваченъ полковникомъ Бринкеномъ. Генераль, князь Прозоровскій, отправилъ его въ Кіевъ, откуда онъ былъ посланъ на жительство въ Казань, вмѣстѣ съ плѣннымъ шведомъ Адольфомъ Винбладомъ, служившимъ также конфедератомъ. Здѣсь—по свидѣтельству генераль-прокурора Вяземскаго—„онъ дѣлалъ разными ухищреніями и дерзкими поступками между своими единомышленниками возмущеніе; отъ чего и былъ удержанъ“; но на этомъ не остановился: съ подложнымъ паспортомъ онъ ушелъ изъ Казани въ Калугу, гдѣ на то время также содержались нѣкоторые „изъ знатнѣйшихъ польскихъ арестантовъ“. Изъ Калуги, тщательно скрывая свое имя, Бенёвскій отправился въ Петербургъ. „Въ семъ столичномъ городѣ перемѣнилъ свое имя и видъ, до тѣхъ поръ скрываясь по трактирамъ, пока, по увѣдомленіи изъ Казани, узнавъ и взятъ былъ полиціею подъ карауль“, въ то время, когда готовъ былъ сѣсть на ко-

рабль и плыть за границу. „А какъ изъ его распросовъ и виѣшняго страннаго вида усмотрѣнъ онъ человекъ не только злонамѣренный, но и отчаянный“,—то приговоренъ былъ въ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ Сибири для опасныхъ преступниковъ, каковыми считались въ тѣ времена политическіе и государственныя, полагались самыя отдаленныя крѣпости, а самымъ моднымъ мѣстомъ (съ половины прошлаго до начала нынѣшняго столѣтія) считалась Камчатка, а потому Бенѣвскому указана была эта мѣстность.

Бенѣвскій и Винбладъ оттуда бѣжали черезъ Москву въ С. Петербургъ, въ надеждѣ уѣхать на корабль за границу, но были задержаны полиціею и по высочайшему повелѣнію 14 ноября 1769 г. посланы на житье въ Камчатку съ тѣмъ, чтобы кормились трудами рукъ своихъ.

Въ одно съ ними время отправлены были туда же государственныя преступники Пановъ (бывшій гвардіи поручикъ), Степановъ (бывшій арміи капитанъ) и Батуринъ (бывшій артил. полковникъ). *). Они съѣхались вмѣстѣ въ Охотскѣ, и, оставаясь тамъ до наступленія лѣтнаго, удобнаго для навигаціи, времени, свели тѣсное знакомство между собою и съ посторонними людьми, между прочимъ съ прапорщикомъ Охотской команды Норинымъ и штурманскимъ ученикомъ Софьинымъ, у котораго Батуринъ выманилъ и деньги. Въ іюль же 1770 г. они были отправлены изъ Охотска въ

---

*) Яковъ Батуринъ (по другимъ извѣстіямъ поручикъ Бутурскаго полка) въ 1749 г., въ бытность двора въ Москвѣ, покушался возвести на престолъ великаго князя Петра Ѳеодоровича и тогда же преданъ заключенію въ Шлюссельбургской крѣпости. Въ царствованіе Екатерины, его сослали далѣе за попытку бѣжать.

•

Камчатскій Большерѣцкій острогъ: Батуринъ на одномъ суднѣ, а всѣ прочіе на другомъ. Бенѣвскій думалъ уже и въ эту поѣздку, согласясь съ другими ссыльными, запереть стражу внизу и, овладѣвъ судномъ, направить путь къ Испанскимъ владѣніямъ; но за тогдашнимъ позднимъ временемъ не рѣшился привести такое намѣреніе въ исполненіе. Тѣмъ болѣе сталъ онъ обдумывать планъ своего освобожденія по прибытіи въ Камчатку, гдѣ обстоятельства были къ тому благопріятнѣе.

Камчатка, по смѣнѣ флота капитана Извѣкова, находилась въ управленіи капитана Григорія Нилова. Опроставши прибывшихъ ссыльныхъ, онъ съ подобнымъ вопросомъ обратился и къ Бенѣвскому

— Кто ты таковъ? спросилъ онъ его.

— Солдатъ бывшій пѣкогда генераломъ, а теперь невольникъ, отвѣчалъ Бенѣвскій.

Отвѣтъ капитану понравился; задичалый отъ безлюдья Ниловъ, бойко выдѣлявшася изъ толпы Бенѣвскаго приблизилъ къ себѣ и, подъ впечатлѣніемъ самобытной и богатой природы образованнаго человѣка, очутился вскорѣ въ томъ положеніи, когда простое сближеніе переходитъ въ дружбу и привязанность. Начальникъ съ ссыльнымъ конфедератомъ стали неразлучны. Большерѣцкъ заключалъ въ себѣ тогда не болѣе 35 домовъ: гарнизонъ его состоялъ изъ 70 казаковъ, не исключая стариковъ и малолѣтнихъ; сверхъ того многіе изъ служивыхъ были въ безпрестанныхъ командировкахъ. Тамъ, новопривезенные арестанты нашли старыхъ ссыльныхъ и въ числѣ ихъ бывшего камеръ-лакея правительницы Анны, Гурченипова, который въ 1742 г. участвовалъ въ заговорѣ противъ императрицы Ели-

заветы Петровны *), также Семена Гурьева, сосланнаго въ 1762 г.. Хрущова (бывшаго капитана гвардіи) и Магнуса Мейдера (бывшаго адмиралтейскаго лекаря).

Всѣ эти люди, съ большей или меньшей степенью образованности, могли имѣть преимущество передъ прочими жителями Большерѣцка, не исключая самаго Камчатскаго командира Нилова, у котораго Бенѣвскій или Бейнакъ (какъ его тамъ всѣ тогда и даже послѣ во всѣхъ официальныхъ донесеніяхъ называли) приобрѣлъ особенную довѣренность, ибо онъ между прочимъ обучалъ и его сына иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Между тѣмъ онъ начертилъ для будущаго своего предпріятія карту Камчатки и острововъ Курильскихъ и Алеутскихъ, и въ началѣ слѣдующаго, 1771 г. тайный заговоръ его и Винблада съ Степановымъ, Батуринымъ, Паповымъ, Хрущовымъ, Мейдеромъ и Гурчениновымъ достигъ совершенной зрѣлости. Они успѣли склонить на свою сторону Чулошникова, прикащика купца Холодилова съ его работниками, штурмана Чурица, штурманскаго ученика Бочарова, священническаго сына Уфтю-

---

*) Гурчениновъ вмѣстѣ съ прапорщикомъ Преображенскаго полка Ивашкинымъ и сержантомъ, повинились: Ивашкинъ въ томъ, что по восшествіи императрицы Елизаветы на престолъ намѣревался ночью умертвить ее и велик. кн. Петра Федоровича и лейбъ-компанію заарестовать; — Гурчениновъ, что, слыша о томъ, не донесъ и самъ совѣтовался, какъ бы принца Іоанна сдѣлать императоромъ, а принцессу Анну правительницею и склонялъ къ тому двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Сновидовъ оказался участникомъ обоихъ первыхъ. Они всѣ трое въ 1742 г. наказаны кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и отрѣзаніемъ языка у Гурченикова и сосланы въ Камчатку.

жанинова (котораго Бенёвскій обучалъ вмѣстѣ съ капитанскимъ сыномъ), казака Рюмина, нѣсколькихъ матросовъ и Камчадаловъ. Простымъ людямъ они внушили, что Бенёвскій и привезенные къ нимъ арестанты страдаютъ невинно за в. к. Павла Петровича. Бенёвскій въ особенности показывалъ какой то зеленый бархатный конвертъ, будто бы за печатью его высочества съ письмомъ къ императору Римскому о желаніи вступить въ бракъ съ его дочерью, и утверждалъ, что будучи посланъ за сіе тайное посольство, онъ однакожь умѣлъ сохранить у себя столь драгоцѣнный залогъ высочайшей къ нему довѣренности, который и долженъ непременно доставить по назначенію. Онъ не могъ только подговорить Гурьева и прибиль его. Такой поступокъ обратилъ на себя вниманіе даже и капитана Нилова, который приказалъ приставить къ Бенёвскому и Винбладу въ ихъ квартиры по одному солдату и еще одного къ двумъ Русскимъ, ихъ соучастникамъ. Бенёвскій не принялъ приставленнаго къ нему караула и въ тотъ же день далъ знать всѣмъ, чтобы ночью были готовы на дѣло. Штурманскіе ученики Зябликовъ и Измайловъ подслушали ихъ разговоры, поспѣшили въ Большерѣдцкую канцелярію и объявили о томъ караульнымъ, которые, будучи пьяны, не хотѣли повѣрить ихъ словамъ тѣмъ болѣе, что и Измайловъ былъ тоже не въ трезвомъ видѣ. Онъ и Зябликовъ хотѣли извѣстить самаго капитана но никакъ не могли къ нему достучаться.

Во 2-мъ часу ночи необычайный крикъ часоваго привелъ въ тревогу канцелярію, но уже было поздно. Бенёвскій, Винбладъ, Батуричъ, Пановъ, Степановъ, Хрущовъ, Чулошниковъ, крестьянинъ Кузнецовъ, мат-

рось Ляпинъ и многіе изъ промышленниковъ бросились на дневальнаго и часовыхъ, обзоружили ихъ и посадили на гауптвахту, потомъ явились предъ квартирою капитана. Тамъ, въ большой прихожей спалъ сынъ его и сержантъ Лемзаковъ, въ малой—казачій пятидесятникъ Потаповъ, въ черной избѣ—три вѣстовые казака и двое камчадалъ—работниковъ. Мятежники страшно застучали въ дверь. Сержантъ первый услышалъ ихъ и разбудилъ сына Нилова: „Что спишь? вставай; пришли многіе люди и ломаются!“, а самъ старался удержать дверь, запертую крюкомъ. Сынъ не медля бросился къ отцу, который, какъ бы предчувствуя вѣчную съ нимъ разлуку, прижалъ его къ себѣ такъ крѣпко, что онъ едва могъ вырваться изъ рукъ его и скрыться въ отхожее мѣсто. Злодѣи ворвались, крича: „Хватай, рѣжь, пали, вяжи!“

Ниловъ три раза кричалъ: караулъ! и звалъ вѣстовыхъ. Голосъ его замолкъ въ страданіяхъ: ему изрѣзали ножемъ лѣвую руку, лицо подъ ушицей пробили насквозь и нанесли глубокую язву въ ногу; мертвое тѣло, покрытое синими пятнами и кровью, вытащено въ сѣни и брошено. Сержантъ и прочіе люди связаны и уведены на гауптвахту, кромѣ казака Дурьнина, пролежавшаго все опасное время подъ столомъ. Отсюда мятежники, овладѣвшіе уже казною, двумя пушками и всѣми военными припасами, обратились въ 3 часа утра къ дому сотника Чернаго, гдѣ встрѣтили храброе сопротивление. Сынъ его, ларешный казакъ Нибита Черный, дѣлго не пускалъ ихъ и по выломкѣ дверей стрѣлялъ въ нихъ изъ ружья; но въ отвѣтъ на выстрѣлъ посыпалось болѣе 40 пуль въ двери и окна изъ ружей

и пистолетовъ. Черный былъ взятъ и отведенъ подъ стражу; собранныя имъ за казенное вино деньги, захвачены; жена съ дѣтьми и престарѣлый отецъ оставлены въ избѣ, претерпѣвъ поруганіе. Бенѣвскій, сидя въ судейской комнатѣ Большерѣцкой канцеляріи, распорядился всѣми дѣйствіями, какъ полный начальникъ; велѣлъ хоронить убитаго капитана, а народъ приводить къ присягѣ на вѣрность подданства новому государю. На другой день, 26 апрѣля, готовили паромы, на третій нагружали ихъ пушками, военными снарядами и провіантомъ. Сообщники его, между тѣмъ, грабили кого хотѣли, отчего многіе жители принуждены были даже бѣжать и нѣкоторое время скрываться въ тундрахъ. 30 апрѣля вся шайка отправилась внизъ по большой рѣкѣ до гавани Чекавинской: тутъ она ограбила магазинъ съ провіантомъ, захватила казенный гальотъ св. Петра, приготовила его къ походу, водрузила на немъ знамя императора и назвалась „собранною компанією для имени императорскаго величества Павла Петровича“. Всѣ дали присягу защищать прапоръ до послѣдней капли крови, а Бенѣвскій сверхъ того защищать *присягнувшихъ тому прапору* *).

3 мая онъ еще требовалъ чрезъ казака Рюмина присылки ему изъ Большерѣцка водою провіанта, подъ опасеніемъ жестокаго взысканія. Рюминъ возвратился 7-го числа. Между тѣмъ Бенѣвскій, обще съ Степановымъ, составили объявленіе, которое, за исключеніемъ одного Хрущова, подписали всѣ главные зачинщики бунта и

---

*) Т. е. знамени.

12 мая отправлено въ Большерѣцкую канцелярію, для отсылки по адресу въ правительствующій сенатъ.

По смыслу нѣкоторыхъ мѣстъ объявленія можно заключить, что изъ сообщниковъ Бенѣвскаго одинъ или два посланы были въ ссылку за сопротивление Наказу о сочиненіи Уложенія.

Сообщники изъясняютъ еще, что, желая пособить совѣтомъ тридцати тремъ. промышленникамъ, будто бы несправедливо осужденнымъ работать безъ платы своему компанейщику (Холодилору), они тѣмъ навлекли на себя негодованіе Нилова, который велѣлъ ихъ взять подъ карауль, и сіе-то заставило ихъ, вмѣстѣ съ угнетенными, объявить себя въ службѣ законнаго государя, что они и привели въ дѣйствіе, арестовавъ Нилова (когого отъ страха и пьянства разбилъ параличъ) и избравъ на его мѣсто достойнаго предводителя Бенѣвскаго.

Между тѣмъ въ Большерѣцкой канцеляріи еще 30 апрѣля отъ 83 человекъ приказныхъ, военныхъ и купеческихъ, оставшихся безъ начальства, объявлено, что они, до присылки къ нимъ новаго командира, выбрали въ сію должность штурманскаго ученика Софьина, который и привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ и потомъ съ выборными отъ каждаго сословія освидѣтельствовалъ все оставшееся казенное имущество. Въ тотъ же день положено обо всемъ рапортовать въ Охотскъ и дать знать на суда и командиру въ Тагильской крѣпостцѣ подпоручику Андрееву, а изъ Верхнекамчатской избы просить средствъ къ защитѣ, за неимѣніемъ которыхъ безоружные жители Большерѣцка должны были удовлетворить требованіе Бенѣв-

скаго о снабженіи его провіантомъ. Свѣдавъ, что онъ хочетъ идти къ устью рѣки Колпаковой для овладѣнія судномъ св. Павла, Софѣинъ спѣшилъ предупредить о томъ командира онаго, подштурмана Неводчикова. Не смотря на дальность разстоянія, вся Камчатка въ продолженіе двухъ недѣль пришла въ тревогу. Верхнекамчатская изба не замедлила выслать два орудія и 12 человѣкъ нерегулярной команды съ наставленіемъ остановиться въ Малкинскомъ острожкѣ и не прежде подойти къ Большерѣцку, какъ узнавъ навѣрное, что неприятеля тамъ уже нѣтъ. Изъ той же избы сообщено въ Нижнекамчатскую съ требованіемъ 40 вооруженныхъ людей. Но въ Большерѣцкѣ все уже было покойно. 14 мая возвратились съ Чекавки задержанные злодѣями въ аманатахъ, тотемскій купецъ Казариновъ, казакъ Нибита Черной, ботсманъ Сѣрогородскій, сержантъ Даниловъ и др. и привезли съ собою извѣстіе, что Бенѣвскій съ сообщниками вышелъ въ море, сожалься, что не всѣхъ забралъ съ собою и утверждая, что на пути своемъ попросить кого либо, чтобы и остальныхъ отвезъ въ лучшія мѣста и говоря вслухъ, что Европа съ Турціею уговорились раздѣлить Россію на четыре части. Для подробнаго донесенія начальству допросы производились въ канцеляріи ежедневно и кончены къ 13 іюня. Положено отправить въ Охотскъ сержанта Данилова на галютѣ св. Екатерины и съ нимъ присланный отъ Бенѣвскаго запечатанный конвертъ на имя сената и окровавленную постель Нилова, также рапортъ обо всемъ происшедшемъ и вѣдомости расхищенному и уцѣлѣвшему казенному имуществу. Команда Большерѣцкаго острога сдана присланному отъ Нижнекамчат-

скаго начальника, прапорщика Норина, каптенармусу Ерофею Козмину.

9 іюля гальотъ привезъ въ Охотскъ донесеніе Большерѣцкой канцеляріи. На немъ же прибыли и Софьинъ, тревожимый своимъ знакомствомъ съ мятежниками, купецъ Казариновъ и многіе рабочіе люди — очевидцы бунта. Командиръ Охотскаго порта полковникъ Плениснеръ, старикъ слабый, вмѣсто того, чтобы немедленно о столь важномъ событіи рапортовать въ Иркутскъ, вздумалъ дополнить Большерѣцкое слѣдствіе показаніями людей, прибывшихъ изъ Камчатки и не прежде 26 августа отправилъ рапортъ, сберегая казенный интересъ, съ попутчикомъ, который долго промѣшкалъ въ Якутскѣ, отъ чего иркутское губернское начальство еще прежде прибытія его извѣстилось о бѣгствѣ Бенѣвскаго чрезъ полковника Зубрицкаго, находившагося въ Охотскѣ для изслѣдованія ссоръ Плениснера съ бывшимъ камчатскимъ командиромъ Извѣковымъ. Зубрицкій, имѣя уже и самъ неудовольствія съ Плениснеромъ, охотно принялъ доносъ Злыгостева, что онъ медлитъ съ донесеніемъ и спѣшилъ довести о томъ до свѣдѣнія иркутской канцеляріи.

Такимъ образомъ, иркутское губернское начальство не могло отправить въ сенатъ своего рапорта ранѣе половины октября. Онъ полученъ въ столицѣ въ началѣ января, тогда какъ императрица, узнавъ уже постороннимъ образомъ о камчатскомъ событіи, писала собственноручно къ иркутскому губернатору, генералъ-лейтенанту Брилю:

„Какъ здѣсь извѣстно сдѣлалось, что на Камчаткѣ въ Большерѣцкомъ острогѣ за государственныя пре-

ступленія, вмѣсто смертной казни сосланные колодники взбунтовались, воеводу до смерти убили, въ противность нашей императорской власти, осмѣлились людей многихъ къ присягѣ привести по своей вымышленной злодѣйской волѣ и потомъ, сѣвъ на судно, уплыли въ море въ неизвѣстное мѣсто, того для повелѣваемъ вамъ публиковать въ Камчаткѣ, что кто на морѣ или сухимъ путемъ вышереченныхъ людей или сообщниковъ ихъ изловить и приведетъ живыхъ или мертвыхъ, тѣмъ выдано будетъ въ награжденіе за cadaго по сту рублевъ. Если или въ Охотскѣ или въ Камчаткѣ суда есть наемныя, то оными стараться злодѣевъ переловить; а если нѣтъ, то промышленнымъ на крѣпко приказать, что, если сіи злодѣевъ гдѣ наѣдутъ, чтобы старались перевязать ихъ и при возвращеніи отдать оныхъ къ суду къ ближнимъ начальникамъ, дабы съ ними поступать можно было, какъ по законамъ надлежитъ, бездѣльникамъ подобнымъ въ страхъ и примѣръ“.

Въ особомъ рескриптѣ къ нему же 1 января 1771 г. государыня изъясняетъ, что хотя не имѣетъ отъ него никакого извѣстія о помянутомъ происшествіи, однакожь увѣрена, что онъ уже все по возможности сдѣлалъ къ приведенію камчатскихъ дѣлъ въ порядокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сама предлагаетъ ему разные совѣты.

7 февраля полученъ былъ въ сенатѣ второй рапортъ изъ Иркутска уже съ подлиннымъ слѣдственнымъ дѣломъ, доставленнымъ туда отъ Плениснера и съ секретнымъ конвертомъ отъ Бенѣвскаго на имя сената.

Ея величество, по докладу ей генераль-прокурора князя Вяземскаго о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла,

изволила высочайше повелѣть въ 15 день февраля: „Плениснера отрѣшнить отъ должности, поручивъ ее Зубрицкому; копіисту Злыгостеву дать чинъ и полугодовой окладъ жалованья; въ производимыхъ вопросахъ не дѣлать притѣсненія невиннымъ; отыскать и допросить священника Уфтюжанинова, коего сынъ бѣжалъ съ мятежниками, а купца, который самъ предъявилъ начальству письмо сего священника къ Бенѣвскому, если содержится подъ арестомъ, освободить“.

Узнавъ, что сосланный въ 1762 г. Семень Гурьевъ не только не присталъ къ злодѣямъ, но даже претерпѣлъ отъ нихъ побои, императрица разрѣшила ему жить въ Калужскихъ деревняхъ братьевъ его, подъ ихъ приглядомъ *) и ту же милость оказала родному его брату Ивану и двоюродному Петру, поселеннымъ въ Якутскѣ безъ лишенія дворянства **).

Между тѣмъ, какъ на берегахъ Охотскаго моря и въ Камчаткѣ новые начальники брали противъ мятежниковъ мѣры осторожности, сіи послѣдніе уже были далеко; впрочемъ до половины 1772 года не имѣлось объ нихъ съ сей стороны извѣстія. Только въ августѣ Иркутскій губернаторъ донесъ сенату, что пограничный комиссаръ Игумновъ, сопровождавшій въ Китай духовную миссію, слышалъ тамъ отъ миссіонера Августина о приставаніи прошлымъ лѣтомъ въ Макао ко-

---

*) Объ этомъ распоряженіи генераль-прокуроръ объявилъ московскому полиціе-мейстеру Архарову 15 декабря 1775 г. (См. Р. Архивъ 1864 г., стр. 880.

**) Дѣло о Гурьевыхъ было въ 1762 году слѣдовано въ Москвѣ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Экстрактъ изъ онаго остался у Теплова.

рабля, на которомъ было 110 человекъ и коего начальникъ, говоря по латыни утверждалъ, что они поляки, ѣдущіе съ русскимъ товаромъ отъ рѣки Амура въ Восточную Индію. Но правительство наше знало уже о возвращеніи Бенёвскаго въ Европу. Мореплаваніе его, по описанію очевидцевъ, совершилось слѣдующимъ образомъ.

Не смѣя пускаться въ океанъ, онъ придерживался береговъ и направилъ путь свой вдоль острововъ Курильскихъ. Приставъ къ семнадцатому изъ нихъ, именуемому Козою, онъ скоро провѣдалъ о тайномъ противъ себя заговорѣ. Штурманскіе ученики Измайловъ и Зябликовъ (тѣ самые, кои хотѣли донести капитану Нилову о злоумышленіи Бенёвскаго и вѣроятно насильно увлеченные имъ) и матросъ Сафроновъ старались составить партію, чтобы, воспользовавшись выходомъ мятежниковъ на берегъ, отрубить якорь и возвратиться въ отечество. Къ нимъ присоединился еще камчадалъ Паранчинъ (увезенный съ женою будто бы за долгъ Хрущову) и 10 другихъ человекъ. Матросъ Андреяновъ, коего они думали склонить, выдалъ ихъ всѣхъ. Бенёвскій хотѣлъ сначала казнить смертію начальниковъ заговора, но перемѣнилъ ее на жестокое наказаніе кошками, и 29 мая пустился далѣе, велѣвъ оставить Измайлова и Паранчина съ женою на томъ же необитаемомъ островѣ; Зябликовъ и Сафроновъ изъявили готовность слѣдовать за нимъ безпрекословно.

7 іюля мятежники прибыли къ берегамъ Японіи и объявили о себѣ, что они голландцы и ѣдутъ въ Нагасаки. Японцы не пустили ихъ на берегъ, доставляя впрочемъ къ нимъ на гальотъ все нужное къ продо-

вольствію; потомъ также не хотѣли и отпустить ихъ въ море, давъ тѣмъ поводъ заключить, что имѣли намѣреніе забрать и истребить ихъ и можетъ быть только ожидали на то разрѣшенія изъ своей столицы, поступивъ уже такимъ образомъ съ нѣкоторыми европейскими судами. Бенёвскій долженъ былъ (12 іюля) пушечными выстрѣлами открыть себѣ выходъ изъ бухты.

19 іюля гальотъ прибылъ къ острову Юмайскому или Токао—Сима, котораго жители оказали путешественникамъ самый ласковый пріемъ; 31 іюля отправился далѣе и 7 августа достигъ острова Формозы. Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ миролюбивыхъ сношеній съ дикими островитянами, открылась явная съ ихъ стороны вражда. Бывшій капитанъ Пановъ, юнга Поповъ и Лонгиновъ убиты 17 августа на берегу, когда запасались водою; Ляпинъ и Козаковъ ранены. Озлобленный симъ, Бенёвскій приказалъ истребить одну лодку съ островитянами и сжечь всѣ ихъ жилища въ окрестностяхъ бухты.

26 августа открылся Китайскій берегъ; 1 сентября гальотъ остановился на рейдѣ близъ Тасона. Дружелюбное обращеніе китайцевъ оставило пріятное впечатлѣніе въ памяти русскихъ бѣглецовъ, которые ихъ съ своей стороны дарили и взяли у нихъ лоцмана для доведенія судна къ Португальскимъ владѣніямъ. Миновавъ 11 сентября Кантонъ, они на другой день прибыли въ Макао, гдѣ нашли до 20 европейскихъ судовъ разныхъ націй.

Здѣсь Русскіе узнали обманъ, до котораго себя допустили. Бенёвскій, говоря по латыни, одинъ только и умѣлъ объясняться съ губернаторомъ города, жилъ у него въ домѣ, продалъ ему гальотъ съ орудіями и

таке лажемъ, какъ свою собственность, объявилъ ему, что его отечество Венгрія, куда и долженъ возвратиться, посему и всѣмъ Русскимъ велѣлъ также называться Унграми и запретилъ имъ креститься и молиться образамъ. Скоро разсорились съ нимъ и главнѣйшіе его сообщники Вишладъ и Степановъ. Бенѣвскій же успѣлъ оклеветать всѣхъ въ злоумышленномъ намѣреніи произвести бунтъ и завладѣть городомъ. Вся шайка была взята подъ стражу, разсѣжена по торьмамъ и такимъ образомъ вынуждена смириться, кромѣ Степанова, который лучше захотѣлъ остаться въ заключеніи, нежели дать подписку къ покорности своей Бенѣвскому и въ подданствѣ Римскому императору.

При семъ случаѣ Бенѣвскій выдалъ возмущившейся противъ него командѣ своей слѣдующую прокламацію:

„Баронъ Морицъ Анадаръ де Бенѣвъ, его императорскаго Римскаго величества обрись и его высочества принца Алберта, герцога Саксъ-Тешинскаго дѣйствительный камергеръ и совѣтникъ, его же высочайшаго секретнаго кабинета директоръ и прочее, всѣмъ господамъ офицерамъ и всей компаніи:

„Дошло ко мнѣ извѣстіе вашего противъ меня роптанія и сбора, который между вами самими несогласія производить, мнѣ и государю моему въ нечесть служить и въ послѣднее всю учрежденную компанію разрушаетъ.

„Для чего я, узнавши сборщиковъ дѣла сего, хотѣлъ для вашего благополучія взять подъ караулъ; но понеже вы сами вашею просьбою сдѣлали, что я отъ таковаго намѣренія отступилъ, и больше ихъ одобрили, ибо я отъ одного изъ оныхъ получилъ ругательное письмо, которое меня въ огорченіе приводитъ.

„Вы знаете искренность мою. Изъ того одного заключить можете, что я, будучи въ чужомъ еще государствѣ, надобности для васъ заopatрилъ *). Вы то, что я вамъ обѣщаль, можете требовать у меня, когда я въ моемъ отечествѣ буду. А здѣсь хитрость заводитъ смѣшно и вамъ самимъ вредно. Я симъ письмомъ напоминаю вамъ: образумтеса, не давайте себя въ обманъ людямъ, которыхъ лубавство вамъ уже извѣстно. Последнее есть, что я вамъ пишу. Если вы меня искренно любить и почитать будете, то вамъ клянусь предъ Богомъ, что моя горячность ежедневно доказана будетъ: ежели напротивъ я увижу, что ваши сердца затвердѣли и меня больше почитать не будете, то сами вы заключить можете, чего отъ меня тоже ожидать надлежить“.

По примиреніи же онъ писалъ къ нимъ 26 ноября:

„Любезныя дѣти! Вы знаете, что я усердно старался всегда для вашего удовольствія и что я до послѣдняго опредѣлилъ васъ защищать, для вашего благополучія всѣ старанія приложить, въ томъ вы увѣрены быть можете.

„Правда есть, что съ немалымъ оскорбленіемъ слушалъ я ваше роптаніе и противленіе противъ меня; но какъ я теперъ уже увѣдомленъ, что вы обмануты лестию и ложнымъ обо мнѣ предсказаніемъ, и такъ я васъ болѣе не виню и дѣло сіе поминать не хочу.

„Имѣйте усердіе ко мнѣ. Я буду съ Божьею помощію вамъ защитою, никакого оскорбленія вамъ не будетъ, пища и одежда вамъ честная будетъ, и ежели Богъ, Всевышній владыга, васъ въ Европу принесетъ, то и

---

*) Т. е. предусмотрѣлъ.

вамъ обѣщаюсъ, что вы вольные будете и со всякимъ удовольствіемъ, хотя во весь вѣкъ вашъ содержаны, что писавши рукою своею подтвердилъ“.

Климать города Макао былъ вреденъ для Русскихъ. 15 человекъ сдѣлались тамъ жертвою смерти, въ томъ числѣ Гурчениновъ, Чуринъ и Зябликовъ.

Бенёвскій для отвозу въ Европу остальной компаніи нанялъ два французскіе фрегата и отправился съ ними 4 января 1772 года, не взявъ съ собою одного лишь Степанова. На семь переѣздѣ умеръ Батуринъ. 6 марта странники прибыли въ гор. Св. Маврикія и оставили тамъ четырехъ больныхъ своихъ; 24 марта пустились далѣе и 7 юля достигли Портъ-Луи во Франціи лишась на пути еще трехъ человекъ.

Скоро по прибытіи во Францію, Бенёвскій уѣхалъ въ Парижъ съ проэктомъ завоеванія о-ва Формозы и напечаталъ въ газетахъ пышное объявленіе о своихъ подвигахъ, осыпалъ Русское правительство всѣми возможными укоризнами, стараясь опровергнуть помѣщенное въ Русскихъ вѣдомостяхъ извѣстіе о его бѣгствѣ изъ Камчатки и утверждая, что онъ взялъ Большерѣцкую крѣпость приступомъ при полномъ со стороны капитана Нилова сопротивленіи и т. п. *).

Предложеніе, сдѣланное имъ Французскому правительству, было сначала принято, но вмѣсто Формозы назначенъ Мадагаскаръ. Онъ обѣщалъ употребить къ сему дѣлу Русскихъ и получилъ сверхъ того позво-

---

*) Слѣдуетъ припомнить, что въ это время, по поводу Турецкихъ и Польскихъ дѣлъ, между Россією и Францією была сильная размолвка.

леніе набиратьъ другихъ охотниковъ. Но многіе изъ русскихъ помышляли о возвращеніи на родину. Въ отсутствіе его изъ Портъ-Луи родились между ними безпокойство и ропоть; они писали къ нему въ Парижъ, что и заставило его отвѣчать имъ 1 февраля.

„Ребята! Я ваше письмо получилъ. До моего пріѣзду ваша командировка отмѣнена есть. Послѣ всякій мнѣ свое намѣреніе скажетъ. До моего пріѣзду живите благополучно. Я есть вашъ пріятель баронъ де Бенёвскій“. Возвратясь въ Портъ-Луи 19 марта 1773 г., онъ убѣдилъ нѣсколько человѣкъ слѣдовать за нимъ въ назначенную по волѣ короля морскую экспедицію. Въ томъ числѣ были священническій сынъ Уфтюжаниновъ, бывшій прикащикъ Холодилова Чулошниковъ, два матроса: Андреяновъ (съ женою) и Потоловъ и шесть бывшихъ работниковъ Холодилова. Изъ прочихъ сотоварищей его странствованія Шведъ Винбладъ остался въ Портъ-Луи и потомъ возвратился въ Швецію, Хрущовъ вступилъ во Французскую службу капитаномъ, Кузнецовъ поручикомъ, Мейдеръ лекаремъ, пять человѣкъ умерло въ Лоріанскомъ госпиталѣ. Но большая часть (18 человѣкъ), не желая раздѣлять своей судьбы съ Бенёвскимъ, не смотря на всѣ его убѣжденія рѣшились возвратиться въ отечество и отпущены имъ изъ Портъ-Луи съ письменнымъ видомъ, гдѣ онъ ихъ назвалъ своими волонтерами, имѣющими слѣдовать въ отечество ихъ—Венгрію!

С.-Петербургскій кабинетъ также зналъ уже, что Франція, вооруживъ для Бенёвскаго фрегаты, отправляетъ его будто бы для завоеваній въ Остъ-Индію. Сіе было причиною, данной 26 марта 1773 г. новоопредѣленному главнымъ командиромъ Камчатки приміеръ-маіору Вему

*

секретной инструкции усилить мѣры осторожности на случай покушенія Бенёвскаго противъ Камчатки.

Между тѣмъ вышедшіе изъ Портъ-Луи мнимые Венгерцы, достигнувъ пѣшкомъ столицы Франціи и терпя всякую нужду, прибѣгнули къ Россійскому резиденту Хотинскому, умоляя его объ исходатайствованіи имъ прощенія у государыни и представили ему написанный однимъ изъ нихъ (Судейкинымъ) въ Портъ-Луи журналъ ихъ мореплаванія и карту пути отъ Камчатки до Макао.

Они по волѣ императрицы были привезены въ С.-Петербургъ. Препровождая къ генераль-прокурору письмо Хотинскаго объ нихъ, она сама писала къ нему 2 октября:

„Семнадцать человекъ изъ тѣхъ, кои бездѣльникомъ Бенёвскимъ были обмануты и увезены, по моему соизволенію нынѣ сюда возвратились и имъ отъ меня прощеніе обѣцано, которое имъ и дать надлежитъ: ибо довольно за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и получивъ свой животъ на морѣ и на сухомъ пути; но видно, что *русакъ любитъ свою Русь*, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна. И такъ, чтобъ судьбину ихъ рѣшить паискорѣе и доставить имъ спокойное житіе, не мѣшкая, извольте ихъ требовать отъ графа Панина, ибо они теперь въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи, которая имъ нанимаетъ квартиру. Приведите ихъ вновь къ присягѣ вѣрности и спросите у каждаго изъ нихъ, куда они желаютъ впредь свое пребываніе имѣть, кромѣ двухъ столицъ и отобравъ у нихъ желаніе, отправьте каждаго въ то мѣсто, куда самъ

избереть. Если бъ же всѣ желали ѣхать паки на Камчатку, тѣмъ бы и лучше, ибо ихъ судьба была такова, что прочихъ удержать отъ подобныхъ предпріятій. Что же имъ денегъ и кормовыхъ на дорогѣ издержите, то сіе возьмите изъ суммы тайной экспедиціи“.

Вслѣдствіе сего канцеляристу Судейкину и казаку Рюмину съ женою опредѣлено быть въ Тобольскѣ, штурманскому ученику Бочарову въ Иркутскѣ на свободѣ, матросамъ Ляпину и Березневу—служить въ Охотскомъ портѣ, матросу Сафронову дать отставку и имѣть ему пребываніе тамъ же, равно какъ и камчадалу Попову и коряку Брехову, а прочимъ восьми человѣкамъ, бывшимъ работникамъ купца Холодилова, поступить въ иркутское купечество. Они отправлены туда 5 октября и прибыли на мѣста своего назначенія къ концу года.

Въ томъ же октябрѣ иркутское губернское начальство донесло о повомъ слѣдствіи, произведенномъ въ камчатской Большерѣцкой канцеляріи капитанами Шмалевымъ и Перовымъ. Оказалось, что оставленные Беневскимъ на необитаемомъ островѣ штурманскій ученикъ Измайловъ и камчадалъ Паранчинъ съ женою избѣгнули голодной смерти. Они, обходя островъ, чрезъ три дня нашли на немъ русскихъ промышленниковъ купца Протодяконова. Вскорѣ потомъ прибылъ туда же купеческій сынъ Никоновъ. Отправляясь далѣе на промыслъ морскихъ звѣрей, онъ взялъ съ собою камчадала и жену его, а на обратномъ пути уже въ іюнь 1772 г. забралъ и Измайлова, который во все сіе время кормился одними морскими ракушами, капустою и кореньями.

Наконецъ, 31 декабря отправлено къ генералъ-прокурору и послѣднее донесеніе иркутской губернской кан-

целярии съ допросами, снятыми уже въ Иркутскѣ съ тѣхъ же Измайлова и Паранчина и съ священника Уфтюжанинова, а равно и съ объясненіями полковника Плениснера, обвиняемаго въ слабости надзора за преступниками во время ихъ пребыванія въ Охотскѣ и въ медленномъ донесеніи начальству о произведенномъ ими бунтѣ.

Измайловъ и Паранчинъ показали, что они взяты были Бенёвскимъ насильно и много отъ него претерпѣли за желаніе возвратиться въ отечество, а священникъ Уфтюжаниновъ, что онъ свелъ знакомство съ Бенёвскимъ потому, что видалъ его у командира и что тринадцатилѣтняго сына своего отдалъ въ обученіе, а не для побѣга.

Сверхъ того, изъ числа очевидцевъ камчатскаго мятежа и имѣвшихъ какую либо связь съ бѣглецами, были допрашиваемы 36 человекъ (между ними священникъ Семіоновъ, приводившій къ измѣннической присягѣ, казакъ Черной, оказавшій Бенёвскому сопротивленіе, штурманскій ученикъ Софѣинъ и прапорщикъ Норинъ, которые познакомились съ ссыльными въ Охотскѣ, ботсманъ Сѣрогородскій, купецъ Проскураковъ и др.); нѣкоторые солдаты были сѣчены при допросѣ. Вообще же всѣ допрошенные содержались подъ крѣпкимъ карауломъ, многіе болѣе двухъ лѣтъ.

Мѣстное начальство заботилось, между прочимъ, чтобы увезенную мятежниками казну пополнить взысканіемъ съ тѣхъ людей, коимъ они предъ своимъ отъѣздомъ роздали казенныхъ денегъ, всего до 1,000 рублей, за пограбленное у нихъ имущество (въ томъ числѣ и у Чернаго).

31 марта 1764 г. генераль-прокуроръ объявилъ слѣдующее высочайшее рѣшеніе: 1) Измайлова и Паранчина съ женою освободить; 2) хотя священникъ Уфтюжаниновъ и навлекъ на себя подозрѣніе дружескою связью съ измѣнниками, но какъ онъ сдѣлалъ сіе по примѣру большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ наученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ нимъ и тюремнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе; 3) полковника Плениснера, какъ уже отрѣшеннаго отъ должности, оставить безъ взысканія за его поступки, въ которыхъ не видно умысла, а только оплошность; 4) Норину, Софьину и подмастерю Дементьеву объявить прощеніе и опредѣлить ихъ вновь на службу; 5) священнику Семіонову и прочимъ 27 человѣкамъ, не соблюдившимъ долга своего, вмѣнить въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе и снова привести ихъ къ присягѣ; 6) розданныхъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать; 7) полковнику Зубринцову замѣтить, что тѣлесное при слѣдствіяхъ наказаніе дѣлаетъ подсудимыхъ болѣе упорными и предписать, чтобы впередъ старался открывать истину посредствомъ приличныхъ вопросовъ, не употребляя воспрещенныхъ ея величествомъ истязаній; 8) никого болѣе къ слѣдствію не привлекать и все дѣло предать забвенію.

Сіе высочайшее повелѣніе получено въ Иркутскѣ 31 мая, и тогда же всѣ заключенные получили свободу.

Что касается до Бенѣвскаго, онъ въ томъ же году, въ іюнѣ мѣсяцѣ отправился на Мадагаскаръ, завелъ тамъ селеніе, но послѣ непрерывныхъ ссоръ съ природными тамошними жителями и съ начальниками Иль-

де-Франса, возвратился въ Парижъ. Министерство, удостоивъ его шарлатанствѣ, отринуло дальнѣйшія его предложенія. Онъ вступилъ послѣ въ австрійскую службу и находился въ сраженіи съ пруссаками 1778 г. при Габельшвертѣ. Въ 1783 г. старался онъ составить въ Англіи компанію для заселенія Мадагаскара и нашелъ пособіе какъ тамъ, такъ и въ Балтиморѣ, куда ѣздилъ съ женою, и въ 1785 г. вышелъ на берегъ въ Мадагаскарѣ. Тамъ началъ дѣйствовать непріятельски противъ французовъ и былъ убитъ въ сраженіи съ ними 23 мая 1786 г.

Лавалеттъ.

(1815 г.).

Графъ Лавалеттъ, арестованный 18 іюля 1815 г., и заключенный въ Консьержери, былъ приговоренъ къ смерти, за дѣятельное содѣйствіе возвращенію Наполеона съ острова Эльбы. Тщетно жена его пыталась смягчить Людовика XVIII, онъ не хотѣлъ отказаться отъ этой мести, тщетно обращалась она къ герцогинѣ Ангулемской, и здѣсь она нашла не болѣе состраданія. Ее сурово отказались выслушать. „Истощенная усталостью, рассказываетъ Лавалеттъ въ своихъ запискахъ, она сѣла на каменные ступени дворца и просидѣла цѣлый часъ, все надѣясь, что ея впустятъ. Всѣ прохожіе, въ особенности входившіе во дворецъ, глядѣли на нее, но никто не смѣлъ показать ей признака участія. Наконецъ, она рѣшилась уйти и возвратилась ко мнѣ въ тюрьму, разбитая усталостью и горемъ“.

Между тѣмъ, часы Лавалетта были сочтены. Распрашивая тюремщиковъ, онъ вывѣдалъ отъ нихъ, что его казнятъ въ четвергъ утромъ, а это былъ уже вечеръ вторника.

„Въ шесть часовъ, пишетъ онъ, жена пришла со мною обѣдать и, когда мы остались одни, сказала: „По

всему видно, что намъ не остается болѣе надежды; надо на что нибудь рѣшиться. Вотъ что я предлагаю, другъ мой: въ восемь часовъ ты выйдешь отсюда въ моемъ платьѣ, въ сопровожденіи моей двоюродной сестры; вы сядьте въ мой паланкинъ, который доставитъ васъ въ улицу Святыхъ Отцевъ, а тамъ васъ будетъ ждать съ кабриолетомъ г. Бодюсъ, который отвезетъ тебя въ безопасное мѣсто. Ты дождешься тамъ минуты, когда тебѣ можно будетъ выѣхать изъ Франціи“.

Сначала этотъ планъ показался Лавалетту невыполнимымъ; однако жена его такъ настаивала на немъ, что онъ побоялся усилить ее горе и быть можетъ даже убить ее отказомъ; онъ замѣтилъ только, что кабриолетъ будетъ стоять слишкомъ далеко, что онъ не достигнетъ его прежде чѣмъ успѣютъ замѣтить его побѣгъ и тогда его легко опять поймаютъ. Рѣшились измѣнить планъ. Слѣдующій день прошелъ въ разрывающихъ душу прощаніяхъ.

„Въ пять часовъ пріѣхала г-жа Лавалеттъ, въ сопровожденіи Жозефины, которую я увидѣлъ съ удивленіемъ и радостью.“

„Я полагаю, сказала жена, что лучше взять нашу дочь; она точнѣе выполнитъ мой планъ“. На ней было мериносовое платье на мѣху и она принесла въ ридикюль черную тафтяную юбку. „Болѣе ничего не нужно для твоего костюма“, сказала она; потомъ, отославъ дочь къ окну, прибавила шопотомъ: „Ровно въ семь часовъ, ты долженъ быть одѣтъ; все готово. Ты выйдешь подъ руку съ Жозефиной; старайся идти тихо. Проходя чрезъ канцелярію, надѣнь мои перчатки и прикрой лицо платкомъ. Я хотѣла взять вуаль, но къ

сожалѣнію, я не имѣла обыкновенія надѣвать ее, проходя сюда. Остерегайся задѣть цвѣты на шляпѣ, проходя въ низкую дверь; тогда все погибло“.

Потомъ г-жа Лавалеттѣ дала всѣ нужныя совѣты своей дочери. Въ ту минуту, когда она оканчивала, вошелъ другъ Лавалетта, Сентъ-Розъ, чтобы съ нимъ проститься. Нужно было выпроводить его какъ можно скорѣе; Лавалеттѣ такъ и сдѣлалъ, сказавъ ему, что жена его еще ничего не знаетъ о роковомъ срокѣ. Точно также поступилъ онъ и съ полковникомъ Бриквиль, вставшимъ съ постели, несмотря на тяжкія раны, чтобы проститься съ другомъ.

„Наконецъ, подали обѣдъ. Этотъ обѣдъ, послѣдній, какъ я полагаю, въ моей жизни, былъ ужасенъ. Куски останавливались въ горлѣ; мы не говорили ни слова и провели такимъ образомъ около часа. Наконецъ пробило шесть часовъ три четверти. Жена моя позволила — и въ комнату вошелъ мой слуга, Бонвиль. Она отвела его въ сторону и шепнула ему что-то на ухо, прибавивъ вслухъ: „Позовите носильщиковъ; я выхожу. Одѣвайся, пора“, обратилась она ко мнѣ. Я просилъ поставить въ мою комнату ширмы, чтобы одѣваться за ними. Мы пошли за ширмы. Одѣвая меня съ ловкостью и проворствомъ, она повторяла: „Не забывай же наклонять голову, проходя подъ дверьми. Проходи по канцеляріи медленно, какъ человѣкъ, подавленный горемъ“. Менѣе нежели черезъ три минуты, туалетъ мой былъ конченъ и мы всѣ трое, молча, подошли къ двери. „Сюда каждый вечеръ, послѣ твоего ухода, приходитъ привратникъ; сказалъ я Эмили: постарайся быть въ это время за ширмами и чѣмъ ни-

будь постукивать; онъ подумаетъ, что это я и уйдетъ на нѣсколько минутъ, которыя мнѣ необходимы, чтобы удалиться“. Она поняла и я дернулъ снурокъ звонка. Послышались шаги тюремщика. Эмилія бросилась за ширмы. Дверь отворилась и я вышелъ первый; за мною моя дочь, а потомъ г-жа Дютуа (старая нянька г-жи Лавалеттъ). Пройдя корридоръ, я дошелъ до двери въ канцелярію. Здѣсь надо было поднять ногу и опустить голову, чтобы не задѣть шляпкою двери. Мнѣ удалось избѣжать этого, но вступивъ въ обширную канцелярію, я увидѣлъ передъ собою пятерыхъ тюремщиковъ; кто изъ нихъ сидѣлъ, кто стоялъ, вдоль всего моего пути. Я держалъ у лица платокъ, ожидая, что дочь возьметъ меня подъ руку съ лѣвой стороны, какъ было условлено; но она взяла съ правой. Привратникъ вышедши изъ своей комнаты, находившейся по лѣвую сторону, положилъ свою руку на мою и сказалъ: „Вы сегодня рано уходите, графиня“. Онъ казался тронутымъ, вѣроятно думая о томъ, что графиня на вѣки распростилась съ мужемъ. Рассказывали, будто я и моя дочь вскрикивали; напротивъ того, мы едва дышали. Наконецъ, я дошелъ до конца комнаты. Въ этомъ мѣстѣ день и ночь сидитъ сторожъ, расположась въ широкомъ креслѣ, и держа руки на замкахъ обоихъ дверей, одной желѣзной рѣшетчатой, другой главной наружной. Сторожъ глядѣлъ на меня и не отпиралъ; тогда я провелъ правую рукою между перекладинъ, дѣлая знакъ, чтобы онъ отперъ. Наконецъ онъ повернулъ оба ключа въ замкахъ и мы вышли. По выходѣ на улицу, дочь моя не ошиблась и взяла меня подъ руку съ правой стороны. На дворъ вели двѣнадцать ступеней,

но внизу у лѣстницы стоялъ караулъ жандармовъ. Человѣкъ двадцать солдатъ съ своимъ офицеромъ встали въ трехъ шагахъ отъ насъ, чтобы взглянуть на г-жу Лавалеттъ. Я медленно сошелъ до послѣдней ступени и сѣлъ въ паланкинъ, стоявшій въ двухъ или трехъ шагахъ. Но ни слугъ, ни носильщиковъ; дочь моя и няня стояли у паланкина, а въ десяти шагахъ неподвижно стоялъ часовой, обративъ ко мнѣ лицо. Удивленіе мое начинало переходить въ сильное волненіе; глаза мои приковались къ ружью часоваго, какъ глаза змѣи къ добычѣ. Я уже какъ будто ощущалъ это ружье—въ своихъ сжатыхъ кулакахъ. При первомъ движеніи, при первомъ шумѣ, я бросился бы на это оружіе... Это страшное положеніе продолжалось около двухъ минутъ, но мнѣ оно показалось цѣлою ночью. Наконецъ я услышалъ голосъ Бонвея, шепнувшаго мнѣ: „Одинъ изъ носильщиковъ ушелъ, но я отыскалъ другаго.“ Я почувствовалъ, что меня поднимаютъ. Паланкинъ пронесли черезъ большой дворъ и повернули вправо. Такимъ образомъ, мы достигли набережной Orfèvres, насупротивъ улицы Герлэ. Паланкинъ остановился, дверь отворилась и другъ мой Бодюсъ подалъ мнѣ руку, громко сказавъ: „Вамъ нужно отправиться теперь, графиня, къ президенту.“ Я вышелъ и онъ указалъ мнѣ на кабріолетъ, стоявшій въ узкой темной улицѣ. Я поспѣшно сѣлъ въ него. „Дайте мой вкнутъ,“ сказалъ кучеръ; но я тщетно искалъ его; онъ упалъ. „Можно и безъ вкнута,“ замѣтилъ мой спутникъ. Кучеръ тронулъ вожжами и лошади быстро помчались. Проѣзжая по набережной, я увидѣлъ Жозефину, стоявшую, со сложенными руками, шепча теплую молитву. Мы проѣхали

мость св. Михаила, улицу Ла-Гарнь, и достигли вскорѣ улицы Вофирарь, позади Одеона. Здѣсь только я началъ дышать свободнѣе. Всматриваясь въ кучера, я съ удивленіемъ узналъ въ немъ графа Шасенонъ. „Какъ! это вы!“ сказалъ я.—„Да, а позади васъ лежатъ четыре двухъ-ствольные пистолета, какъ слѣдуетъ заряженные. Надѣюсь, что вы воспользуетесь ими.“—“Нѣтъ, я не хочу губить васъ“. — „Такъ я подамъ вамъ примѣръ; горе тому, кто покусился бы остановить насъ!“, Мы доѣхали до бульвара и остановились на углу улицы Плюме. Дорогою, я снялъ съ себя женскій нарядъ и надѣлъ вмѣсто него жюкейскую куртку и круглую шляпу съ галуномъ. Вскорѣ явился Бодюсъ. Распростившись съ Шасенонъ, я смиренно послѣдовалъ за моимъ мнимымъ хозяиномъ.

Было восемь часовъ вечера; дождь лилъ потокомъ и густая мгла ночи застилала эту пустынную часть Сень-Жерменскаго предмѣстья. Я съ трудомъ поспѣвалъ за быстро шедшимъ Бодюсомъ. Немного погодя, я потерялъ одинъ башмакъ, а идти все-таки было нужно. Мы встрѣтили скакавшихъ въ галопъ жандармовъ, вѣроятно исбавшихъ меня, не подозрѣвая, что я предъ ними. Наконецъ, послѣ слишкомъ часовой ходьбы, я, утомленный и съ босою ногою, увидѣлъ, что Бодюсъ, остановился на минуту въ улицѣ Гренель, близъ улицы дю-Бакъ. „Я пойду въ гостинницу, сказалъ онъ мнѣ; пока я буду говорить съ швейцаромъ, войдите во дворъ, отыщите лѣстницу на лѣво, поднимитесь въ послѣдній этажъ, войдите въ темный корридоръ, который вы увидите на право, встаньте тамъ въ глубинѣ, возлѣ кучи дровъ и дожидайте меня“. Мы сдѣлали нѣ-

сколько шаговъ въ улицѣ дю-Бакъ и я съ удивленіемъ увидѣлъ, что онъ позвонилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ вошелъ первый и пока онъ говорилъ съ швейцаромъ, высунувшимъ голову изъ своей коморки, я быстро прошелъ впередъ.

„Куда идетъ этотъ человѣкъ?“ вскрикнулъ швейцаръ. „Это мой слуга“. Я поднялся по лѣстницѣ въ третій этажъ и дошелъ до указаннаго мѣста. Едва я пришелъ туда, какъ услышалъ шорохъ шелкового платья. Кто-то мягко взялъ меня за руку и втокнулъ въ комнату. Дверь за мною заперлась.

Въ комнатѣ горѣлъ каминъ и на столикѣ стояла свѣча и спички. Слѣдовательно, комнату можно было безопасно освѣтить. На комодѣ лежала бумажка, съ написанными на ней словами: „Не шумите, не отворяйте окна до ночи, надѣньте туфли и ждите терпѣливо“. Рядомъ съ бумажкою стояла бутылка превосходнаго бордо, лежало нѣсколько томовъ Мольера и Рабелэ и хорошенькая корзинка съ изящными туалетными бездѣлками“.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Бодюсъ, обнялъ своего друга и объявилъ ему, что онъ находится у Брессона, директора казначейства въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Брессонъ и его жена, осужденные во время террора, нашли убѣжище у одной женщины, скрывшей ихъ, съ опасностью собственной жизни; они желали въ свою очередь спасти осужденнаго. Лавалеттъ прожилъ въ министерствѣ восемнадцать дней, слыша изъ оконъ, какъ на улицѣ выкликали его имя, угрожая строгимъ наказаніемъ тѣмъ, кто дастъ ему убѣжище.

Между тѣмъ тюремщикъ нашелъ г-жу Лавалеттъ,

спрятавшуюся за ширмами; поднялась тревога и мужественная женщина сдѣлалась предметомъ оскорбленій со стороны негодяевъ, не способныхъ оцѣнить ея смѣлость. Генеральный прокуроръ Бенаръ велѣлъ имъ замолчать, но обратился къ г-жѣ Лавалеттѣ съ смѣшными укоризнами и помѣстилъ ее въ комнатѣ, выходившей на женскій дворъ. Бенаръ велъ себя какъ достойный слуга короля, отвѣтившаго женѣ Лабедуайера, умолявшей помиловать ее мужа: Я велю молиться за упокой его души“.

Желая удалить Лавалетта изъ Франціи, друзья его обратились къ одному молодому англичанину, Брюсу, который охотно вызвался помогать и довѣрилъ тайну генералу Вильсону, который безуспѣшно ходатайствовалъ за маршала Нея и радъ былъ случаю отомстить за это. Все было сдѣлано, всѣ мѣры приняты и не смотря на жапдармовъ, таможенныхъ и всѣ затрудненія подобнаго путешествія, Лавалеттѣ, переодѣтій въ мундиръ англійскаго офицера, выѣхалъ въ Бельгію, въ сопровожденіи генерала Вильсона.

„Я съ чувствомъ благодарилъ генерала, сжимая его руки, говоритъ Лавалеттѣ, „онъ только улыбнулся, ничего не отвѣтилъ. Черезъ полчаса онъ обратился ко мнѣ и очень серьезно спросилъ:

„Объясните мнѣ, другъ мой, почему вы не захотѣли быть гильотинированнымъ?“

Я съ удивленіемъ взглянулъ на него и не отвѣтилъ.

„Мнѣ говорили, что вы просили какъ милости, чтобы васъ разстрѣляли“.

„Но на гильотину возять въ телѣжкѣ, съ завязанными лозади руками, потомъ привязываютъ къ доскѣ“...

„Да понимаю; вы не хотѣли, чтобы васъ зарѣзали, какъ теленка“.

Спустя нѣсколько часовъ, наши спутники разстались; одинъ поѣхалъ въ Германію, другой возвратился въ Парижъ, гдѣ ему пришлось просидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за свое благородное самоотверженіе.

Феличе Орсини.

(1854 г.).

Феличе Орсини, казненный впоследствии за покушение на жизнь императора Наполеона III в 1858 г., родился в Романьи в 1819 году, и принадлежал к числу самых неутомимых и неисправимых заговорщиков, которых когда либо производила Италия. В 1854 году Маццини поручил ему организовать возстание в Вальтеллинѣ, кончившееся неудачно. Орсини был арестованъ и отправленъ в Хуръ. Съ дороги ему удалось бѣжать в Цюрихъ. Проживъ тамъ нѣкоторое время, Орсини хотѣлъ ѣхать в Россію и вступить в русскую армію какъ для того, чтобъ примѣнить на дѣлѣ свои познанія в военномъ искусствѣ, такъ и для того, чтобы сражаться противъ войскъ Наполеона. Но Маццини убѣдилъ его взять новое порученіе в Миланѣ. Видя невозможность, по причинѣ строгаго надзора, оставаться в Миланѣ, Орсини отправился в Вѣну, но по пути былъ узнанъ однимъ евреемъ, который и донесъ на него полиціи. Его арестовали в Германштадтѣ, оттуда перевезли в Мантую и заключили в замокъ св. Георгія. Здѣсь Орсини задумалъ и привелъ в исполненіе

свое бѣгство, которое самъ описалъ въ своихъ Запискахъ.

Составивъ планъ своего бѣгства, Орсини методически приступилъ къ выполнению его. Онъ началъ съ того, что укрѣпилъ свои силы, ослабленныя діэтою, такъ какъ до тѣхъ поръ его держали на хлѣбѣ и водѣ. Подкрѣпляя себя виномъ, Орсини угощалъ на всякій случай своихъ сторожей. „Я пью для того, говорилъ онъ имъ, чтобы веселѣе провести послѣдніе дни моей жизни. Будемъ пить вмѣстѣ, это поможетъ мнѣ забыть близкую смерть“. Сторожа приняли предложеніе и такимъ образомъ между нимъ и Орсини установились отношенія, которыми послѣдній воспользовался чтобъ вывѣдать отъ нихъ все что требовалось.

Однажды, говоритъ Орсини, я попытался совратить одного изъ сторожей: „Почему-бъ намъ не уйти вмѣстѣ отсюда“, сказалъ я. Сторожъ поблѣднѣлъ, со страхомъ осмотрѣлся кругомъ и отвѣчалъ: Это невозможно.—Почему же невозможно? Когда мы выйдемъ изъ крѣпости, переодѣнемся и я передамъ вамъ 12,000 франковъ чистою монетою“. Но сторожъ не поддался и Орсини, чтобъ не возбудить подозрѣній, обратился съ такимъ же предложеніемъ и къ другимъ сторожамъ, которые приняли его въ шутку и тѣмъ дѣло и кончилось. Подобнымъ обращеніемъ Орсини добился того, что въ своихъ донесеніяхъ о немъ президенту дворцоваго суда, сторожа разсыпались въ похвалахъ. „№ 3 необыкновенно тихъ и кротокъ; можно смѣло сказать, что, еслибъ ворота были открыты настезь, и тогда онъ не убѣжалъ бы“. Однако этотъ отзывъ едва не испортилъ всего дѣла. Тюремное начальство, вѣроятно

*

желая доставить удовольствіе Орсини, перевело его въ комнату общую съ другими узниками, но Орсини, убѣдившись въ невозможности бѣжать изъ общей комнаты, просилъ отвести ему отдѣльную основывая свою просьбу на томъ, что работаетъ надъ однимъ сочиненіемъ, для чего ему необходимо спокойствіе и уединеніе. Просьбу его исполнили, но отвели ему одну изъ самыхъ страшныхъ темницъ. Окно ея было отъ пола на сажень, а съ наружной стороны отъ земли на пятнадцать сажень. Въ немъ вдѣлана была двойная желѣзная рѣшетка, прутья которой отличались необыкновенной толщиной. Крѣпостную стѣну окружалъ глубокій ровъ, за которымъ возвышался валъ почти въ три сажени вышиною.

Однако Орсини не потерялъ мужества. Прежде всего онъ запасся простынями и полотенцами, удерживая у себя подъ разными предлогами тѣ, которыя слѣдовало отдавать въ мытье. Затѣмъ приступилъ къ измѣренію высоты окна отъ рва. Для этого онъ, подъ предлогомъ необходимости пришить пуговицы, спросилъ себѣ нитокъ и распустивъ клубокъ, навязалъ на нитку четыре орѣха на близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, такъ, чтобы орѣхи, ударяя одинъ о другой, производили бы шумъ. Вставъ на стулъ, оставленный въ его комнатѣ, онъ спускалъ черезъ рѣшетку нитку, и приложивъ ухо къ рѣшеткѣ, могъ слышать малѣйшій шумъ, произведенный орѣхами, когда они ударятся о землю: еслибы вблизи была вода, то орѣхи поплыли бы. Вытянувъ нитку, когда она переставала развертываться, Орсини вымѣрилъ ее на своемъ столѣ, затѣмъ сдѣлалъ себѣ мѣрку, приблизительно въ метръ; такихъ мѣръ въ ниткѣ оказалось 29 съ $\frac{1}{2}$. Такова была приблизительно вышина

окна отъ рва. Добывъ себѣ пилы, Орсини принялся пилить толстыя желѣзныя перекладины, опираясь ногами на спинку стула; въ этомъ положеніи, разумѣется, можно было сохранить равновѣсіе только на нѣсколько минутъ. Къ тому же приходилось прерывать безпрестанно работу, чтобы прислушиваться къ шагамъ сторожей, и во-время спрыгнуть со стула. Для устраненія этой опасности, у Орсини достало терпѣнія по цѣлымъ днямъ прислушиваться къ малѣйшему шороху, приложивъ ухо къ двери; потомъ онъ тсже въ продолженіе многихъ дней стоялъ у окна, обративъ правое ухо къ рѣшеткѣ, а лѣвое къ двери. Этими постоянными упражненіями онъ до того изострилъ свой слухъ, что могъ издали различать каждый шагъ, каждый малѣйшій звукъ. Чтобъ отклонить осмотръ рѣшетки, Орсини употребилъ слѣдующую хитрость. Однажды, разговаривая съ сторожами, онъ спросилъ, между-прочимъ: „отчего вы никогда не осматриваете рѣшетокъ въ моей комнатѣ? Вѣдь вы осматривали же ихъ, когда я находился въ № 3?“ — „Тогда мы не знали васъ такъ хорошо, какъ теперь, синьоръ Орсини“. — Но вѣдь вамъ извѣстно, что моя участь рѣшена, а потому не лучше ли присматривать за мной построже: чего добраго, мнѣ вдругъ вздумается бѣжать“. — „О! синьоръ Орсини не боится смерти. Притомъ посмотрите, что за рѣшетки! Подобныя мѣры предосторожности мы принимаемъ только противъ дурныхъ людей а съ вами!... О, это было бы нехорошо, очень-нехорошо!“ Затѣмъ узникъ предложилъ имъ стаканъ вина, шутилъ съ ними, и сторожа удалились, восклицая: „Какой великій человѣкъ! какой великій человѣкъ!“

Разными подобными хитростями Орсини удалось вну-

шить такое къ себѣ довѣріе, что сторожа не принимали относительно его всѣхъ тѣхъ предосторожностей, какъ съ прочими заключенными и благодаря этому, работа его подвигалась впередъ. Не смотря на то, что нѣсколько пилъ изломалось, не смотря на неудобство держаться на спицкѣ стула, ломоту и онѣмѣніе въ членахъ, Орсини, мѣся чѣмъ въ четыре дня, успѣлъ отдѣлать одинъ желѣзный пруть отъ стѣны. Изъ воску и хлѣбныхъ крошекъ сдѣлалъ онъ родъ замазки, цвѣтомъ похожей на желѣзо; при помощи этой замазки, онъ на время укрѣплялъ перепиленные желѣзные прутья на ихъ прежнихъ мѣстахъ. Какъ часто овладѣвало имъ отчаяніе во время этой утомительной работы! Но главная трудность заключалась въ томъ, чтобъ перепилить вторую рѣшетку. Сначала надо было изслѣдовать ее. Для этого Орсини просовывалъ въ отверстіе первой рѣшетки руку, а потомъ и голову и подавался впередъ на сколько было возможно. Онъ убѣдился что можно вынуть одинъ изъ кирпичей, на который опирался пруть рѣшетки, но это открытіе едва не погубило его. Рассматривая однажды стѣну, Орсини, не замѣчая самъ, слишкомъ далеко высунулся впередъ, а такъ какъ отверстіе, сдѣланное имъ въ первой рѣсеткѣ, было невелико, то когда онъ хотѣлъ пройти назадъ, не могъ этого сдѣлать, плечо не проходило. Какъ онъ ни бился—ничто не помогало; онъ уже съ ужасомъ думалъ о приближавшемся обходѣ сторожей, но не могъ ничего сдѣлать и оставался въ такомъ положеніи около десяти минутъ. Наконецъ собравъ послѣднія силы онъ удержалъ дыханіе и отчаяннымъ усиліемъ высвободился изъ рѣшетки. Вторую рѣшетку онъ перепилилъ въ

одну дождливую ночь, и все шло успѣшно, когда однажды ночью онъ услышалъ шумъ въ сосѣдномъ номерѣ, гдѣ былъ заключенъ нѣкто Ределли. На другой день Орсини узналъ отъ сторожей, что Ределли, вынувъ нѣсколько кирпичей изъ стѣны своей комнаты, пробрался на крышу и хотѣлъ спуститься внизъ, но заблѣвъ взять приготовленную имъ, свитую изъ простынь, лѣстницу. Разказъ этотъ привелъ въ ужасъ Орсини а еще болѣе, то, что сторожа сказали ему, что можетъ быть Ределли переведутъ въ его, Орсини, номеръ, а ему дадутъ другой. Нужно было торопиться. Однажды, когда онъ былъ за работой, то услышавъ шаги приближающагося тюремщика, соскочилъ такъ быстро со стула, что онъ опрокинулся, Орсини упалъ и такъ ушибъ себѣ ногу, что четыре дня не могъ ходить. Однако не смотря на сильную боль въ ногѣ, онъ рѣшился скорѣе выполнить свой планъ.

28-го марта 1855 года, приготовивъ все къ побѣгу, Орсини привязалъ къ веревочной лѣстницѣ вещи, которыя намѣревался взять съ собою: платье, книги, манускрипты и проч., и спустилъ ихъ въ ровъ. Вечеромъ онъ попробовалъ, крѣпка ли веревочная лѣстница, подержавшись на ней внутри комнаты. Потомъ, спрятавъ ее, легъ въ постель и ждалъ послѣдняго ночнаго посѣщенія сторожей. Когда ночной караулъ удалился, Орсини успѣшно соскочилъ съ постели и влѣзъ на окно; съ большимъ трудомъ пролѣзъ онъ сквозь сдѣланное отверстіе, и потомъ, держась за веревочную лѣстницу, началъ медленно спускаться. Онъ уже находился на разстояніи восьмидесяти-четыреухъ футовъ отъ своей комнаты, какъ почувствовалъ, что силы его остав-

ляють. „Боль, которую я чувствовалъ отъ напряженія мускуловъ (говорить Орсини) была такъ сильна, что я не могъ выносить ее долѣе. Я увидѣлъ около себя карнизъ стѣны, который могъ послужить опорой моимъ ногамъ. Къ несчастью, веревка скользила у меня между пальцевъ, не смотря на всѣ мои усилія удержать ее. Я взглянулъ внизъ: мнѣ показалось, что земля отстоитъ отъ меня не болѣе, какъ на шесть футовъ, и я рѣшился упасть на четвереньки. Рѣшеніе это было дѣломъ одной минуты, но паденіе продолжалось гораздо долѣе, потому что я ошибся въ расчетѣ на цѣлые четырнадцать футовъ. Ударъ отъ паденія былъ жестокой; я лишился чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, то почувствовалъ сильную боль въ колѣнѣ и въ правой ногѣ. Мнѣ казалось, что я сломалъ ее. Не смотря на страшную боль, у меня достало твердости воли, чтобъ принудить себя перемѣнить рубашку, чулки и панталоны. Подъ моимъ окномъ найдутъ оставленное платье, вмѣстѣ съ апельсинными корками. Я взглянулъ вверхъ и подумалъ: „въ другой разъ я не пушусь въ такое опасное путешествіе!“

Орсини скорѣе доползъ, чѣмъ дошелъ, до устья, черезъ которое вода озера впускается въ ровъ. Оно до такой степени затянато было иломъ и грязью, что пробраться черезъ него не представлялось никакой возможности, а другаго выхода не было, слѣдовательно оставалось ждать той блаженной минуты, когда пробьютъ пять часовъ и черезъ мостъ пустятъ прохожихъ. Орсини принужденъ былъ воротиться; тщетно пытался онъ влѣзть на одну изъ арокъ подъ которую забрался: нога болѣла такъ сильно, что при каждой подобной попыткѣ

онъ отъ изнеможенія падалъ въ ровъ. Послѣ многихъ такихъ попытокъ, несчастный потерялъ всякую надежду на спасеніе. Эта безнадежность даже сдѣлала его равнодушнымъ къ мысли о спасеніи; ему было все равно попасться опять въ тюрьму или освободиться. Въ такомъ расположеніи духа онъ заснулъ, отъ усталости и изнуренія. Когда онъ проснулся, уже стало разсвѣтать. Онъ собралъ послѣднія силы, чтобъ подползти какъ можно ближе къ мосту—и всю свою надежду возложилъ на какого нибудь сострадательнаго человѣка, который, проходя черезъ мостъ, подалъ бы ему помощь. Рискъ былъ ужасный: легко могло статься, что, вмѣсто помощника, онъ попадетъ на доносчика.

Первый, кого Орсини увидѣлъ на мосту, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати. „Помогите мнѣ вылезти изъ этого рва“ закричалъ ему несчастный: „вчера я выпилъ порядкомъ и свалился сюда“. Молодой человѣкъ безопасно прошелъ мимо, не обративъ вниманія на просьбу. Вслѣдъ за нимъ прошли еще двое. Орсини повторилъ свою просьбу. „Povero Signore!“ сказали они: „еслибъ мы и хотѣли вамъ помочь, то надѣлали бы себѣ только неприятностей, не улучшивъ вашего положенія“. Другіе были смѣлѣе и взялись за конецъ веревки, брошенной имъ Орсини. Они уже припались было тащить его, какъ шаги новыхъ прохожихъ заставили ихъ удалиться, и несчастный снова упалъ въ ровъ. Наконецъ какой-то крестьянинъ попробовалъ было одинъ вытащить Орсини, но не могъ. Къ счастью, день былъ праздничный—воскресенье. Черезъ мостъ проходило народа болѣе чѣмъ обыкновенно. Крестьянинъ подозвалъ

къ себѣ нѣсколько человекъ и при содѣйствіи этихъ сострадательныхъ душъ, вытащилъ Орсини на мостъ; одна минута—и все погибло—бы. Орсини ужъ совершенно выбился изъ силъ и снова свалился бы въ ровъ, а между тѣмъ оставалось только четверть часа до обыкновеннаго утренняго осмотра тюремъ.

Нужно было пройти мостъ. „Я политическій преступникъ“, сказалъ Орсини своимъ спасителямъ, поблагодаривъ ихъ. Добрые люди уже и сами догадывались въ чемъ дѣло. Они бросили веревку въ озеро, и сами пошли впередъ, а Орсини слѣдовалъ за ними въ нѣкоторомъ разстояніи, чтобъ не обратить на себя вниманія. Онъ съ трудомъ тащился за ними, осторожно осматриваясь на каждомъ шагу. Онъ хромалъ: все платье его покрыто было грязью и пылью, а изъ рукъ лилась кровь. Когда онъ увѣрился, что часовые уже его не видятъ, онъ догналъ своихъ великодушныхъ спасителей, которые и скрыли его до самого вечера въ прибрежномъ тростникѣ, а потомъ, когда стемнѣло, перенесли въ карету, въ которой перевезли его въ уединенное мѣстечко, гдѣ Орсини пробылъ 8 дней. Во все это время о немъ заботились тѣ же люди, которые помогли ему вылѣзть изъ рва. Затѣмъ онъ отправился въ Швейцарію, а оттуда въ Англию. „Когда я вышелъ на англійскій берегъ.“ говоритъ онъ, „то почувствовалъ себя какъ—бы переродившимся. Въ первый разъ со времени моего арестованія могъ я уснуть спокойно. Воздухъ здѣсь сыръ, туманенъ; когда я открываю глаза, вижу только дождь, снѣгъ, тучи; но я дышу, я независимъ, я свободенъ. И когда вспоминаю, съ какимъ душевнымъ мученіемъ

старался я, узникъ, невольникъ, взглянуть сквозь желѣзныя рѣшетки своей темницы на голубое небо дорогой Италіи, какъ благодарю Всевышняго за то, что онъ даровалъ мнѣ свободу“.

Людовикъ Наполеонъ.

(1846 г.)

Политическая дѣятельность Луи-Наполеона начинается въ 30-хъ годахъ, въ Италіи. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Наполеономъ-Луи, нынѣшній императоръ вступаетъ въ тайныя италіянскія общества и клянется, гдѣ бы и когда бы онъ ни былъ, въ какія бы обстоятельства онъ ни былъ поставленъ—служить всѣми силами своими освобожденію и единству Италіи. Въ 1831 году, оба брата дѣйствительно принимаютъ дѣятельное участіе въ возстаніи заговорщиковъ противъ папы Григорія XVI. Въ то время, какъ старшій братъ умеръ отъ кори, младшій спѣшилъ спастись отъ австрійцевъ и укрылся съ своей матерью, Гортензіей, во Францію, гдѣ доброта Луи-Филиппа дозволила имъ оставаться, не смотря на законъ, воспрещавшій Бонапартамъ пребываніе во Франціи. Скоро, однако, принцъ долженъ былъ покинуть ее, заподозрѣнный въ агитаціонныхъ замыслахъ.

Чрезъ пять лѣтъ, въ 1836 году, онъ является уже публично на политическую сцену. Ему было 28 лѣтъ, и постоянно преслѣдовавшая его мысль — возвратить

себѣ утраченный престолъ дяди, котораго онъ являлся законнымъ наслѣдникомъ, въ силу сенатскаго постановленія 1804 года, — эта мысль созрѣла теперь въ немъ настолько, что онъ рѣшился привести ее въ исполненіе. 30 октября, въ историческомъ костюмѣ генерала временъ Аустерлица, съ лентою ордена Почетнаго Легіона, со всевозможными украшеніями, явился онъ въ Страсбургъ и отправился въ казарму къ солдатамъ одного изъ линейныхъ полковъ, которые должны были быть приготовлены къ торжественной встрѣчѣ. Преданный принцу, артиллерійскій полковникъ заранѣе уже пустилъ въ ходъ утку, будто произошла въ Парижѣ революція, свергнувшая короля, и на эту штуку поймалъ артиллеристовъ, рѣшившихся признать принца Луи-Наполеона своимъ императоромъ. Тѣмъ не менѣе, солдаты пришли въ недоумѣніе, когда представилась передъ ними неожиданная фигура; скоро однако, они были выведены изъ недоумѣнія своимъ появившимся полковникомъ, Таландье, который, разгнѣванный на дерзкое вторженіе незнакомца въ казармы, обошелся съ наряженнымъ въ генералы принцемъ весьма неучтиво: сорвалъ съ него или заставилъ самихъ солдатъ сорвать съ него всѣ знаки отличія и эполеты, взялъ у него изъ рукъ саблю, которую, совершенно смущенный, уничтоженный такимъ пріемомъ, принцъ отдалъ безъ малѣйшаго упорства, не смотря на совѣтъ нѣкоторыхъ друзей доблестно сопротивляться. Принцъ и нѣкоторые сообщники его были арестованы; другіе въ томъ числѣ Фіалень, извѣстный потомъ подъ именемъ де-Персиньи, успѣли бѣжать въ Германію.

Наказаніе принца Луи-Филиппомъ было весьма по-

нечителное и отеческое, въ хорошемъ смыслѣ слова: король далъ юношѣ пятнадцать тысячъ франковъ съ тѣмъ, чтобъ онъ отправился въ Америку. Но республиканскія добродѣтели американскихъ учреждений и самая жизнь въ Америкѣ не сѣумѣли прельстить молодого искателя коронованныхъ приключеній; болѣзнь притязанія на французскій престолъ оказалась неизлечимою. Принцъ Луи-Наполеонъ возвратился въ Европу и поселился у своей матери въ Швейцаріи, въ замкѣ Аренбергѣ, у Констанцкаго озера. Повидимому, однако, онъ поселился здѣсь вовсе не въ качествѣ туриста и не для созерцанія швейцарской природы, ибо правительство Луи-Филиппа сочло для себя опаснымъ пребываніе принца въ близкомъ сосѣдствѣ, и послѣ цѣлой шумной исторіи, въ которой швейцарское центральное правительство вело себя съ большимъ достоинствомъ, принцъ Наполеонъ самъ рѣшился оставить Швейцарію, не находя возможнымъ подвергать всю страну опасности войны изъ-за своего пребыванія. Онъ простился съ матерью и отправился въ Англію. Здѣсь то бѣдная, то разгульная жизнь во всякихъ слояхъ англійскаго общества не мѣшала принцу помышлять о болѣе удачномъ возобновленіи своей попытки для овладѣнія французскимъ трономъ.

Въ 1840 году, во Франціи пробужденъ былъ военный духъ, вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго ей трактатомъ, заключеннымъ безъ вѣдома ея, Англіей, Россіей, Австріей и Пруссіей. Луи-Бонапартъ рѣшилъ, что наступилъ наконецъ самый благоприятный моментъ для возвращенія Франціи прежняго побѣдоноснаго величія имперіи. Онъ разсчиталъ, что такъ какъ воинскій геній

снова, повидимому, пробудился, то Франція приметъ наслѣдника славной традиціи съ распростертыми объятіями. Вновь задуманное „возвращеніе съ острова Эльбы“ было предпринято съ новыми мундирами и съ новыми орденами—говоритъ Кинглекъ—и „до тѣхъ поръ, пока онъ заготовлялъ фальшивыя знамена, фальшивыхъ генераловъ и фальшивыхъ солдатъ, до тѣхъ поръ, пока онъ приучалъ одного несчастнаго орла, залетѣвшаго въ Лондонъ, къ роли благого провозвѣстника судебъ Франціи, онъ дѣйствительно оказывался восьма свѣдущимъ въ этомъ родѣ политическаго искусства. Въ сочиненіи декретовъ и прокламацій, составлявшихъ значительную часть его кладѣ, онъ доходилъ до совершенства.“

Такимъ образомъ, на эти ли или на другія, принцъ на какія-то деньги снарядилъ пароходъ, отправившійся 6 августа утромъ изъ Грэвсенда къ Булони; когда пароходъ отошелъ отъ берега, принцъ явился на палубу во всеоружіи императорскаго наслѣдника, и, вслѣдъ за провозглашеніемъ передъ присутствующими настоящей цѣли экспедиціи, сталъ щедро раздавать деньги, вмѣстѣ съ раздачей оружія и костюмовъ, поддѣланныхъ подъ форму одного изъ полковъ, стоявшихъ въ булонскомъ гарнизонѣ. Весь экспедиціонный корпусъ, весьма, конечно, малочисленный, нарядился въ свой костюмъ, и пуговицы съ 42-мъ номеромъ (номеръ булонскаго полка), поддѣланныя нарочно для экспедиціи въ Бирмингамъ, блестѣли ни чуть не менѣе, если не болѣе пуговицъ настоящаго полка; каждому былъ назначенъ особый чинъ и извѣстная роль. Здѣсь были и главные адъютанты принца, и генераль-маіоры, и командующіе

авангардомъ кавалеріи, и командующіе центромъ артиллеріи, и хирурги, и провіантмейстеры, и лейтенанты, и главныя казначеи—однимъ словомъ, всё рѣшительно должности, которыя должны быть представлены во всякой хорошо организованной арміи. Не доставало только для полноты картины именно самой арміи, самихъ солдатъ. Но это не считалось важнымъ; солдаты должны были встрѣтить своего новаго императорскаго полководца въ Булони, и оттуда уже начать триумфальный маршъ на Парижъ.

Заговорщики высадились на берегъ за четыре километра отъ Булони, гдѣ и были встрѣчены четырьмя соучастниками, среди которыхъ находился лейтенантъ 48-го полка Аладенизъ. Отрядъ заговорщиковъ, предводительствуемый Луи-Бонапартомъ, двинулся по направленію къ казармѣ 42-го полка; предъ ними развѣвалось трехцвѣтное знамя съ орломъ и надписью великихъ побѣдъ имперіи. Въ пять часовъ утра они подошли къ казармѣ. Аладенизъ разбудилъ солдатъ, приказалъ имъ вооружиться и, спустившись во дворъ, построиться въ порядокъ. За тѣмъ опять послѣдовало тоже какъ и въ Страсбургѣ, объявленіе о низверженіи въ Парижѣ Луи-Филиппа и то же приглашеніе провозгласить племянника императоромъ и идти съ нимъ на Парижъ. На этотъ разъ Луи-Наполеонъ былъ краснорѣчивѣе, и въ отвѣтъ на привѣтствующій его знамя барабанъ, отвѣчалъ солдатамъ обѣщаніемъ повышеній и орденовъ! Но и на этотъ разъ на бѣду его нашелся непрошенный обличитель, въ лицѣ капитана Пюижелье (Puységlier). Со всею рьяностью человѣка, взбѣшеннаго неожиданнымъ предательскимъ вторженіемъ, капитанъ бросается къ своимъ

солдатамъ, не смотря на усилія нѣкоторыхъ загор одит ему дорогу и остановить его; нѣсколько человѣкъ уже схватили его, овладѣли его вооруженной рукой; но онъ продолжалъ сопротивляться и бороться съ ними. „Капитанъ—уговаривали его — здѣсь принцъ Луи, будьте съ нами, и ваша карьера сдѣлана!“ — „Васъ обманываютъ—кричалъ онъ изо всей силы въ отвѣтъ на такія увѣщанія,—знайте, что васъ прельщаютъ на измѣну!“ Голось его заглушенъ кликами: „Да здравствуетъ принцъ Наполеонъ!“ — „Гдѣ же онъ наконецъ?“ спрашиваетъ изумленный капитанъ, и въ отвѣтъ на это предъ нимъ является небольшой человѣкъ, который торжественно произноситъ: „Капитанъ, вотъ я! Я принцъ Луи; будьте изъ *нашихъ* и вы получите все, что хотите.“ — „Принцъ ли вы Луи или нѣтъ, прерываетъ капитанъ, я не знаю васъ; я вижу въ васъ только заговорщика...“ И онъ продолжалъ свои усилія, чтобы высвободиться отъ задерживавшихъ его и преграждавшихъ дорогу къ казармамъ.

Наконецъ, унтеръ—офицеры подоспѣли на помощь капитану и помогли ему освободиться отъ заговорщиковъ, которые отступили на минуту назадъ, но вслѣдъ за тѣмъ снова, сомннутымъ строемъ съ принцемъ Бонапартомъ во главѣ, двинулись на отрядъ капитана Пюи-желле. Капитанъ предупредилъ принца, что будетъ стрѣлять по немъ, увѣщевая его удалиться. Въмѣсто всякаго отвѣта, когда онъ обернулся къ своему войску, то услышалъ выстрѣлъ пистолета, который Луи—Бонапартъ держалъ въ рукахъ, и пуля котораго ударила въ лицо одного генерала.

Заговорщики были скоро выгнаны изъ казармы; они

бросились было на рынокъ, къ городскому замку, но встрѣтивъ вмѣсто народнаго энтузіазма только отрядъ гарнизона, вышедшаго изъ казармъ, ударились въ бѣгство. Принцъ Луи-Наполеонъ бѣжалъ вслѣдъ за Персиньи и нѣсколькими другими сообщниками къ морю, чтобъ поспѣть ранѣе погони на пароходъ; онъ дѣйствительно такъ энергично бѣжалъ, что успѣлъ попасть въ лодку съ нѣкоторыми бѣглецами. Подоспѣвшій гарнизонъ предупредилъ и сѣвшихъ въ лодку и еще оставшихся на берегу, что по нимъ будутъ стрѣлять; дѣйствительно, одного убили, другого ранили. Эти выстрѣлы вызвали въ Персиньи такое рвеніе и такое усердіе попасть скорѣе въ лодку, что онъ быстро бросился въ нее, но на бѣду шлепнулся на ея дно и произвелъ такой толчекъ, что лодка почти перевернулась; одинъ изъ сидѣвшихъ въ ней потонулъ, другіе попали на грязный морской берегъ, въ томъ числѣ и принцъ Наполеонъ. Ихъ подобрали и повели какъ плѣнниковъ по городу, не смотря на то, что мундиръ принца и самъ онъ былъ выпачканъ въ грязи. Разгульная жизнь Лондона смѣнилась, по приговору суда, затворническимъ пребываніемъ въ фортѣ Гамъ. Принца проводили въ заключеніе негодованіе и еще болѣе насмѣшки всей Франціи и едва ли не всей Европы. Самыя ярлы партизаны его осмѣивали покушеніе маленькаго, буйнаго претендента, вмѣстѣ со всѣми другими партіями, съ легитимистами, орлеанистами и небольшой группой существовавшихъ тогда республиканцевъ. Принца содержали очень хорошо, но онъ разумѣется рвался на свободу. Король предлагалъ ему полную свободу, если онъ откажется отъ всѣхъ своихъ притязаній, но принцъ не

захотѣлъ продать ни за какую свободу того, что считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, т. е. обладаніе французскимъ престоломъ. Да и не къ чему было соглашаться на сдѣлку, когда можно было избавиться отъ тюрьмы бѣгствомъ. При помощи своего вѣрнаго доктора Конд, принцъ воспользовался присутствіемъ въ замкѣ Гамъ рабочихъ; одинъ изъ нихъ, Баденге, согласился дать свою одежду. Вотъ какъ самъ Луи-Наполеонъ описываетъ это бѣгство въ письмѣ къ редактору газеты „Progrès du Pas de Calais“.

„Дорогой г-нъ Дегоржъ! Желаніе еще разъ увидѣть моего отца побудило меня къ предпріятію самому дерзкому изъ всѣхъ тѣхъ, на которыя я когда либо покушался. Здѣсь мнѣ нужно было болѣе твердости и отваги, нежели въ Страсбургѣ и Булони. Но вотъ вамъ подробности моего побѣга. Вы знаете, что крѣпость караулили 400 человекъ, изъ которыхъ 60 составляли ежедневный караулъ, распределенный внутри и вѣн крѣпости; кромѣ того, у двери тюрьмы было три сторожа, изъ которыхъ два постоянно находились на часахъ. Стало быть, прежде всего надо было пройти мимо ихъ, затѣмъ чрезъ весь внутренній дворъ, передъ окнами коменданта, а прибывши туда, пройти чрезъ калитку, гдѣ находились вѣстовой, унтеръ-офицеръ, дежурный привратникъ и караулъ изъ тридцати человекъ. Необходимо было достать какую нибудь одежду. Какъ разъ въ это время производилась передѣлка нѣкоторыхъ комнатъ въ занимаемомъ мною зданіи, такъ что мнѣ легко было достать одежду работника. Мой добрый и вѣрный Карлъ Теленъ снабдилъ меня блузою и деревянными

башмаками. Я обрѣзалъ усы и взялъ доску на плечо. Въ понедѣльникъ утромъ работники пришли въ половинѣ седьмого, но какъ только они принялись за работу, Карлъ принесъ имъ въ комнату вина. Кромѣ того, онъ долженъ былъ позвать сторожа на верхъ, между тѣмъ, какъ докторъ Коно занималъ другихъ разговоромъ. Однакожь, едва я вышелъ изъ комнаты, какъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ работниковъ, принимая меня за своего товарища. Внизу лѣстницы я встрѣтился лицомъ къ лицу со сторожемъ, но къ счастію успѣлъ закрыться доской и такимъ образомъ дошелъ до двора, удачно маневрируя доской. Проходя мимо караула, я уронилъ свою трубку, но приостановился и поднялъ куски; дальше я встрѣтилъ караульнаго офицера, но онъ читалъ письмо и меня не замѣтилъ. Солдаты на посту у калитки казались удивлены моей одеждой, въ особенности барабанщикъ, который нѣсколько разъ взглянулъ на меня, однакожь, караульные часовые отперли дверь и я очутился внѣ крѣпости. Тогда я наткнулся на идущихъ навстрѣчу мнѣ двухъ работниковъ, которые внимательно на меня глядѣли. Не смотря на то, что я повернулъ доску въ ихъ сторону, любопытство ихъ было такъ велико, что мнѣ казалось, что я уже не отдѣлаюсь отъ нихъ, какъ вдругъ они вскрикнули: „Ахъ, это-Берту!“ Теперь я шибко шагаль по дорогѣ къ Сенъ-Кантенъ, но въ скоромъ времени меня догналъ Карлъ съ экипажемъ, который онъ заказалъ накануне; и такъ мы доѣхали до Сенъ-Кантена. Черезъ городъ я пробрался пѣшкомъ, снявши блузу, а дальше мы сѣли въ приготовленный Карломъ, подъ предлогомъ поѣздки въ Камбрэ, почтовый экипажъ и доѣхали до

Валянсьенъ, гдѣ я сѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги, имѣя съ собою бельгійскій паспортъ, который, впрочемъ, у меня нигдѣ не спрашивали. Въ это время оставшійся въ тюрьмѣ, мой вѣрный Коно, увѣрялъ, что я боленъ, чтобы дать мнѣ возможность достигнуть до границы. *J'espère qu'il n'aura pas été maltraité.* Вы понимаете, какъ бы меня это огорчило. Но, мой дорогой г. Дегоржъ, если я почувствовалъ живую радость, находясь внѣ вѣрности, то, съ другой стороны, проходя чрезъ границу, мною овладѣвало весьма грустное чувство, и только желаніе утѣшить моего отца на старости и увѣренность, что правительство никогда не рѣшится освободить меня на условіяхъ, для меня не безчестныхъ — могли побудить меня оставить Францію. Я свободенъ, но я несчастливъ. Примите увѣреніе въ искренней моей дружбѣ, и постарайтесь, если можете, быть полезнымъ моему доброму Коно.

Людвигъ Наполеонъ.

Бѣгство Гарибальди съ Капреры

ОПИСАННОЕ ИМЪ САМИМЪ.

Когда, 7-го числа минувшаго ноября мѣсяца (1867 г.) мнѣ удалось посѣтить Гарибальди въ Вариньяно, я застала его за описаніемъ его „Бѣгства съ Капреры“. Онъ былъ такъ общителенъ и привѣтливъ въ этотъ день, какимъ я его не видала съ 1858 года.

„Прочтите-ка, что я тутъ написалъ, и возьмите изъ этого, что вамъ покажется достойнымъ печати“, сказала онъ, замѣтивъ, какими жадными глазами я смотрѣла на его красиво-и опрятно исписанные листы.

Въ другое время я бы, конечно, съ радостью воспользовалась этимъ предложеніемъ, но въ ту минуту я призналась генералу, что считаю невозможнымъ посвятить чтенію этихъ записокъ тѣ краткія минуты, которыя отведены были мнѣ для бесѣды съ нимъ.

„Ну, такъ я напишу своей дочери“, возразилъ Гарибальди, „чтобъ она переслала вамъ по-крайней-мѣрѣ то, что я набросалъ въ домѣ г-жи Коллинсъ, на случай, еслибъ вы захотѣли напечатать эти воспоминанія“.

Сказавъ это, генераль тотчасъ же взялся за перо и подалъ мнѣ листь бумаги, на которомъ онъ написалъ слѣдующія слова:

«Вариньяно, 7-го ноября 1867 г.

„Дорогая моя Тереза!

„Ты передашь нашей пріятельницѣ, госпожѣ фонъ-С....., копію съ описанія моего бѣгства съ Капреры. Мы всѣ здоровы, и я надѣюсь что въ понедѣльникъ (11-го числа) Стефанъ будетъ у тебя на Капрерѣ *).

„Посылаю дѣтямъ поцѣлуй, а всѣмъ нашимъ — поклонъ.

«Дж. Гарибальди».

Я вернулась въ Ливорно въ тотъ же вечеръ и доставила записку Гарибальди его дочери, попросивъ ее въ то же время переслать мнѣ какъ можно скорѣе упомянутую рукопись. Я намѣревалась отправиться на слѣдующее утро въ Чивита-Веккію, но неожиданныя событія не только привели меня во второй разъ, въ этомъ году, въ Спецію, но и заставили побывать еще нѣсколько разъ въ трудно-доступномъ фортѣ Вариньяно. Когда мнѣ разрѣшили посѣтить тамъ Гарибальди въ послѣдній разъ передъ его освобожденіемъ, я пошла на почтѣ, въ числѣ другихъ писемъ, нѣсколько строкъ отъ Терезы съ собственноручною копіей бумагъ, ко-

---

*) Стефанъ Канціо, мужъ Терезы, получившій разрѣшеніе раздѣлить плѣнъ Гарибальди въ фортѣ Вариньяно.

торыя ея отецъ оставилъ у г-жи Коллинсъ. Спѣшу подѣлиться съ публикой этимъ любопытнымъ описаніемъ бѣгства Гарибальди съ Капреры.

Эльписъ Мелена.

Римъ, 28-го декабря 1867 г.

Вечеромъ, 14-го октября 1867 года, трое мужчинъ вышли изъ капрерскаго домика и направились по тропинкѣ, ведущей къ Фонтаначчи, т. е. къ той части острова, которая особенно богата водою, деревьями и растеніями; въ то же время четвертый вышелъ изъ дверей деревянной пристройки, соединяющей желѣзный домикъ съ главнымъ зданіемъ, и пошелъ по широкой дорогѣ, по которой можно достигнуть маленькой гавани Стапьятелло. Оригинальная одежда и смуглое, южное лицо его обличало въ немъ сардинца: то былъ Джіованни, нашъ морякъ, капитанъ яхты, которою отшельникъ *) обязанъ сочувствію великодушной англійской націи.

Три первыя личности отличались подозрительной примѣтой — на нихъ была надѣта красная рубашка, которая у Барберини и Фрошіанти прикрывалась только отчасти сюртукомъ, а спутника ихъ извѣстнымъ южно-американскимъ плащемъ, извѣстнымъ подъ именемъ „пончо“. Барберини, неодаренный отъ природы никакими физическими преимуществами, не высокаго роста и, пови-

---

*) Отшельникомъ (solitario) Гарибальди называетъ себя самого въ этомъ описаніи своего бѣгства.

димому, слабого тѣлосложенія; но онъ былъ ловокъ и обладалъ львинымъ мужествомъ; Фрошіапти, при томъ же качествѣ, отличался еще высокимъ ростомъ и величественною наружностью. Я не рѣшаюсь описывать человѣка въ плащѣ: это тотъ самый человѣкъ, который былъ предметомъ самыхъ жалкихъ опасеній и самыхъ строгихъ предосторожностей со стороны министерства, недостойнаго итальянской націи,—министерства, заставлявшаго дѣлать жестокости противъ него людей, которые должны бы служить высшимъ цѣлямъ.

Сирокко, съ своимъ заунывнымъ воемъ, продувалъ немилосердо скудную растительность вулканической дочери моря, Капреры... Темныя тучи, гонимыя бурей, заволакивали Теджіалоне, высочайшій пунктъ острова, и образовали вокругъ его вершины такія густыя массы тумана, что непременно превратились бы въ хлопья снѣга, еслибъ облегали болѣе высокія горныя вершины.

Трое мужчинъ молча продолжали свой путь и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какая-нибудь возвышенность открывала имъ путь на море, устремляли свой испытующій взоръ на бухту Станьятелло, гдѣ виднѣлись три граціозно покачивавшіяся судна. Опустѣлая, безлюдная яхта представляла рѣзкій контрастъ съ стоявшимъ тутъ же военнымъ корветомъ, вооруженнымъ грозными орудіями, и съ канонерскою лодкою, биткомъ набитой солдатами и матросами. Солнце сѣло, и, если наступающая ночь не предвѣщала рѣшительной бури, то она обѣщала тотъ сильный сирокко, который сопровождается вредною сыростью, и, проносясь надъ болотистыми мѣстностями Сардиніи, часто становится чрезвычайно опаснымъ.

Когда трое бѣглецовъ достигли лужайки Фонтаначчіо,

Фрошіанти сказалъ: „Здѣсь я разстанусь съ вами и поверну влѣво, чтобы сдѣлать рекогносцировку со стороны мыса Аркаччіо *)“.

Оба спутника его продолжали свой путь, отворили и снова заперли за собою четыре рѣшетки, черезъ которыя надо пройти, чтобы добраться до „сухой стѣны“, т. е. до стѣны, сложенной безъ извести, изъ неровныхъ глыбъ скалы, и отдѣляющей пашню Фонтаначчіо отъ пустыря, простирающагося до морскаго берега. Дойдя до стѣны, отшельникъ сбросилъ свой плащъ и перемѣнилъ свою высокую бѣлую шляпу на фуражку своего сына Менотти. Онъ передалъ Барберини ту часть одежды, которую снялъ съ себя, и, убѣдившись въ томъ, что по ту стороны стѣны нѣтъ никого, взлѣзъ на нее и перепрыгнулъ внизъ съ удивительною ловкостью.

Его вдохновляло одно воспоминаніе его богатой приключеніями юности, и онъ почувствовалъ себя помолодѣвшимъ на двадцать лѣтъ. Къ тому же, развѣ его сыновья и товарищи по оружію не бились теперь противъ наемниковъ палской власти? Развѣ онъ могъ быть спокоенъ? Развѣ онъ могъ довольствоваться воздѣлываніемъ своего сада и вести позорную жизнь „умѣренныхъ“? Когда отшельникъ благополучно перебрался черезъ стѣну, онъ сказалъ Барберини: „Теперь еще слишкомъ свѣтло, присядемъ здѣсь на минутку и выкуримъ пол-сигары“; вслѣдъ затѣмъ онъ вынулъ изъ своего лѣваго кармана огниво, закурилъ пол-сигары и подаль ее своему товарищу, державшему наготовѣ сигаретку.

---

*) Маленькая горная цѣпь на сѣверо-западномъ берегу острова Капреры.

Отшельникъ имѣсть обыкновеніе разрѣзывать пополамъ длинную, черную тосканскую сигару, которая стоитъ около семи сантимовъ и курить за разъ только одну половину.

Ночныя тѣни вскорѣ начали затемнять горизонтъ, а на востокъ между тѣмъ уже можно было различить слабое мерцаніе,—предвѣстіе восходящей луны.

„Черезъ три четверти часа изъ-за горъ взойдетъ мѣсяцъ“, замѣтилъ отшельникъ, „намъ не слѣдуетъ мѣшкать“.

Оба путника направились къ гавани. Джіованни стоялъ здѣсь на своемъ посту. Съ помощью его и Барберини нашъ беккачино—самая маленькая наша лодка, служащая только для охоты за утками и до того мелкая, что единственный человѣкъ, который можетъ въ ней помѣститься, долженъ лежать на днѣ ея, чтобы подвигать ее впередъ однимъ весломъ — вскорѣ понесся по поверхности воды. Улегшись на свой плащъ, отшельникъ въ одно мгновеніе занялъ мѣсто на днѣ лодки. Когда Джіованни толкнулъ лодку по направленію къ морю и убѣдился въ томъ, что все въ исправности, онъ самъ сѣлъ въ другую лодку, которая была устроена совершенно также, какъ и беккачино, только въ большихъ размѣрахъ и, громко напѣвая пѣсню, сталъ грести по направленію къ яхтѣ.

„Стой! Кто ѣдетъ!“ закричали ему солдаты военныхъ пароходовъ, низведенные на стеньгу „альгвазиловъ“ (полицейскихъ слугъ); но Джіованни не переставалъ пѣть свою родную пѣсню и продолжалъ грести.

Когда же до его слуха долетѣлъ третій окликъ, онъ отвѣчалъ: „я ѣду къ кораблю!“ Какъ бы ни были бе-

зуспѣшны ружейныя выстрѣлы, пущенныя среди ночной темноты, однако они все-таки наводятъ страхъ на неопытнаго человѣка; на этотъ разъ это случилось съ неизмѣнно храбрымъ и мужественнымъ Джіованни, который, впрочемъ, былъ бы застрѣленъ непременно, еслибъ не отвѣчалъ и на третій окликъ. Отшельникъ, подвигавшій впередъ свой беккачино то посредствомъ толчковъ, то посредствомъ маленькаго весла, какъ это обыкновенно дѣлается на американскихъ лодкахъ, продолжалъ свой путь вдоль берега Павіано, между гаванью Станьятелло и мысомъ Аркаччіо; можно сказать, что колибри, порхающій надъ благоуханными цвѣтами жаркаго пояса и сосущій медъ изъ ихъ сладкихъ чашечекъ, производитъ больше шума, чѣмъ производилъ легкій какъ перо беккачино, быстро скользяшій по волнамъ Тирренскаго моря.

Добравшись до мыса Аркаччіо, отшельникъ различилъ среди высокихъ каменныхъ утесовъ фантастично-освѣщенную фигуру вѣрнаго Фрошіанти. „До группы скалъ Аркаччіо нѣтъ ничего новаго“, шепнулъ онъ ему издали. „Стало-быть я въ безопасности?“ — сказалъ отшельникъ, проводя свою лодку мимо большихъ скалъ, пока, наконецъ, онъ достигъ пункта, съ котораго бросилъ зоркій взглядъ на „островъ кроликовъ“, самый южный изъ трехъ острововъ, образующихъ гавань Станьятелло, и быстро направилъ затѣмъ свой беккачино въ сѣверо-западномъ направленіи въ открытое море.

Замѣтивъ, что лунный свѣтъ быстро усиливается, отшельникъ сталъ ускоренно грести и его маленькая лодка, подгоняемая вѣтромъ сирокко, пронеслась съ

такою быстротой по проливу делла-Монета, что ей могъ бы позавидовать любой пароходъ.

На извѣстномъ разстояніи и при лунномъ освѣщеніи всякая скала, выдающаяся болѣе или менѣе изъ воды, походить на лодку, и такъ-какъ начальникъ эскадры, желая увеличить число судовъ, съ помощью которыхъ онъ осаждалъ Капреру, захватилъ всѣ барки острова Мадалены, то маленькій архипелагъ делла-Монета былъ переполненъ шлюпками и челноками, предназначавшимися только для того, чтобъ помѣшать *одному* человѣку исполнить долгъ свой *).

Достигнувъ Изолетты (или острова Джіардинелли — маленькихъ садовъ), расположенной близъ сѣверо-восточнаго берега Мадалены, отшельникъ направилъ свой беккачино въ лабиринтъ скалистыхъ утесовъ, возвышающихся надъ берегомъ словно военные бастионы, и изъ этой безопасной засады сталъ пристально всматриваться въ простиравшійся передъ нимъ берегъ, освѣщенный луною.

Извѣстно, что большая часть должностныхъ лицъ почти всегда обнаруживаютъ днемъ, и въ присутствіи своихъ надзирателей, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, большое усердіе при исполненіи своей обязанности; но когда наступитъ ночь и эти надзиратели хорошенько поужинаютъ и принесутъ достаточныя жертвы Вакху, — что одинаково нравится какъ вѣрующимъ, такъ и невѣрующимъ — словомъ, когда эти надзиратели отды-

---

*) Гарибальди разумѣетъ тутъ свою римскую экспедицію, которая окончилась неудачею, благодаря вмѣшательству Франціи и ружьямъ Шасспо.

хаютъ или веселятся — тогда ихъ служебное усердіе и чувство долга значительно ослабѣваютъ.

Достигнувъ острова Джіардинелли, отшельникъ могъ добраться, тремя различными путями, до брода, отдѣлявшаго этотъ островъ отъ Мадалены: или водою, обогнувъ островокъ съ юга, или водою же, обогнувъ его съ сѣвера, или же пѣшкомъ, для чего ему надо было немедленно причалить къ берегу и пройти поперекъ острова. По зрѣломъ размысленіи, онъ рѣшился на послѣднее.

Я не стану распространяться здѣсь о томъ, слѣдуетъ ли приписать успѣхъ этой экспедиціи заслугѣ пловца, или небрежности беззаботно-спавшихъ часовыхъ; вѣрно то, что отшельникъ ступилъ цѣль и невредимъ на островъ Джіардинелли, и его даже не обезпокоили ни однимъ окликомъ: „кто идетъ!“ Но едва только онъ вытащилъ свой челнокъ на сушу, какъ замѣтилъ, что еще многія затрудненія предстояли ему на пути его къ броду, такъ-какъ островъ Джіардинелли, служащій выгономъ для скота съ Мадалены, разгороженъ высокими заборами, поросшими колючимъ кустарникомъ.

Когда, послѣ многихъ обходовъ и многихъ перелѣзаній, при которыхъ не мудрено было сломать голову, отшельникъ захотѣлъ перебраться черезъ послѣдній изъ этихъ заборовъ, и уже сталъ взбираться на острые камни, лежащіе возлѣ изгороди, ему показалось, что по другую сторону ея присѣлъ цѣлый рядъ матросовъ; но еслибъ это и не было оптическимъ обманомъ, такая встрѣча не удивила бы его: еще на Капрерѣ ему дали знать, что на островъ Джіардинелли высадилось, въ теченіе дня, нѣсколько моряковъ и солдатъ. Значи-

тельная потеря времени, происшедшая для отшельника отъ этого обстоятельства, объяснила ему въ то же время, почему двое его друзей, которыхъ онъ долженъ былъ застать недалеко отъ брода, удалились съ своихъ постовъ.

Только въ десять часовъ отшельникъ принялся переправляться черезъ вязкій проливъ, отдѣляющій Маддалену отъ острова Джіардинелли; предварительно онъ окинулъ окрестность зоркимъ, испытующимъ взоромъ, чтобъ убѣдиться, нѣтъ ли въ виду непріятельскихъ часовыхъ. Но не успѣлъ онъ сдѣлать еще десяти шаговъ, какъ съ военныхъ кораблей, стоявшихъ на сторожѣ, раздались громкіе клики, сопровождаемые неоднократно ружейными выстрѣлами, что, впрочемъ, не помѣшало отшельнику бодро продолжать свою переправу въ бродъ черезъ солѣныя воды пролива. Вскорѣ онъ оставилъ за собою опасный проливъ, и ступилъ на островъ Маддалену. Ему предстояло еще тѣмъ болѣе затруднительное путешествіе пѣшкомъ, что его сапоги наполнились водою, и очень стѣсняли его на неровной мѣстности.

Когда, наконецъ, видъ дома г-жи Коллинсъ возвѣстилъ отшельнику близость гостепріимнаго убѣжища, онъ сталъ подвигаться впередъ все осторожнѣе и осторожнѣе, опасаясь, что домъ окруженъ стражей; онъ тогда только рѣшился тихонько постучать своей шотландской палкой въ одно изъ оконъ дома, обращенныхъ на югъ, когда мѣсяцъ подернулся облаками. Г-жа Коллинсъ надѣялась на счастливую звѣзду отшельника. Извѣщенная заранѣе о его намѣреніи, она прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ къ его

шагамъ, и при первомъ долетѣвшемъ до ея слуха стукѣ въ окно, поспѣшила выйти за дверь и привѣтствовала своего стараго сосѣда своей особенной, граціозной улыбкой. Вскорѣ послѣ этого появилась прелестная, чернокудрая дочь острова Мальты, синьора Нина Масси.

Какъ благодѣтельно и отраднo дѣйствуетъ, послѣ преодоленія опасностей, радушный пріемъ въ вѣрномъ убѣжищѣ!

Отшельникъ былъ вполне счастливъ, достигнувъ дома своей пріятельницы, гдѣ ему былъ оказанъ самый радушный и внимательный пріемъ.

П Р И Б А В Л Е Н І Е .

Побѣгъ изъ тюрьмы.

Представьте себѣ, читатель, прекрасный день въ концѣ апрѣля въ Ирландіи; было 3 часа по полудни. Позади домика, выбѣленнаго за-ново и покрытаго толстымъ слоемъ соломы, разстился огородъ, отдѣлявшійся простой изгородью отъ зеленыхъ луговъ, на которыхъ мирно паслись нѣсколько коровъ вдоль широкой рѣки, бывшей предѣломъ ихъ пастбища.

Молодая дѣвушка, Кэтъ Моранъ, стояла передъ дверью домика и смотрѣла съ грустью на зданія и колокольни, возвышавшіяся на противоположномъ берегу.

— Милая матушка, я не могу оторвать глазъ отъ этой ужасной тюрьмы, сказала она, обращаясь къ пожилой женщинѣ, вязавшей чулокъ на скамейкѣ около печи.

— Ахъ, ты, Господи! И что ты выиграешь оттого, дитя мое,—сказала послѣдняя, вставая и направляясь къ двери. Пойдемъ домой, прибавила она, кладя ласково свою руку на плечо дочери.

— Матушка! Подумайте что будетъ съ бѣднымъ мальчикомъ...

И не окончивши фразы, она зарыдала.

*

— Тс! вонъ отецъ идетъ, не надо показывать ему, что ты плачешь.

Кетти поспѣшно отправилась въ свою комнату въ то время, какъ ея отецъ входилъ въ кухню.

— Ну, что новаго, Патрикій? спросила мать Кэтъ Моранъ у мужчины съ веселымъ лицомъ, который сѣлъ на скамейку. Есть-ли у несчастнаго какая-нибудь надежда?

— Надежда? Нѣтъ ни малѣйшей, отвѣчалъ онъ сурово. Завтра его повѣсятъ; это также вѣрно, какъ и то, что я держу вотъ эту трубку въ рукахъ.

— Спаси Господи, и помилуй! воскликнула жена.

— Аминь! прибавилъ мужъ, вздыхая. Пойду завтра на ярмарку продать жеребенка и посмотрѣть на его казнь. И кому-бы это пришло въ голову, что я когда-нибудь увижу на висѣлицѣ сына бѣднаго Мигъ Вельша?

Солнце садилось за противоположный холмъ, и послѣдніе его лучи позлащали обширное и мрачное зданіе, стоявшее на самой вершинѣ холма, окруженное желѣзной рѣшеткой. Въ массивной стѣнѣ виднѣлась небольшая черная дверь. Передъ этой дверью вокругъ рѣшетки работало нѣсколько человѣкъ, строившихъ прочный палисадъ, въ то же время къ рабочимъ безостановочно приближалась густая толпа людей, говорившихъ что-то съ сильными жестами, а солдаты и полицейскіе не пускали.

Внутри двора, каменщики и кирпичники занимались починкой главной водосточной трубы; но въ моментъ начала нашего разказа городскіе часы пробили 6 и ра-

бочіе стали прибирать свои инструменты, одѣлись и собрались уходить изъ тюрьмы до завтрашняго дня.

По обыкновенію, между ними поднялись шумныя забавы, и одинъ изъ нихъ хохоталъ, видя что его товарищъ упалъ въ грязную яму, которую онъ только что рылъ; вдругъ смѣявшійся замолчалъ, замѣтивши взгляды товарищей, показывавшихъ на человѣка въ арестантскомъ костюмѣ и ручныхъ кандалахъ, который медленно прогуливался на противоположномъ концѣ башии.

— Господи помилуй! прошепталъ грустно одинъ старый каменщикъ. Бѣдный Тимъ Вельшъ! И что это за честнѣйшій былъ человѣкъ, повуда не попалъ въ дурную компанію!

Арестантъ безъ сомнѣнія угадалъ смыслъ ихъ словъ и можетъ быть даже услышалъ свое имя, такъ какъ онъ поднялъ голову и печально посмотрѣлъ на нихъ.

Помоги ему, Господи! прибавили два или три рабочихъ. Умереть за кражу несчастнаго барана!.. И это человѣку, у котораго ихъ у самаго больше тысячи!

Одинъ изъ тюремныхъ помощниковъ пришелъ посмотреть работу каменщиковъ и, предложивши имъ нѣсколько вопросовъ, удалился со словами:

Ну, уходите же поскорѣе, ворота отперты.

Посмотрѣвши еще разъ съ состраданіемъ на арестанта, каменщики пришли подъ сводъ, который велъ на второй внутренней дворъ, гдѣ они и скрылись изъ глазъ человѣка въ ручныхъ кандалахъ; послѣдній вздохнулъ и почти застоналъ при мысли, что они, свободные и счастливые послѣ дневныхъ трудовъ, возвращаются домой, тогда какъ звуки молотка, работавшаго плотни-

ка не давали ему ни на минуту позабыть ожидающую его участь.

Около него не было никого, кромѣ тюремнаго помощника, прогуливавшагося вблизи угла зданія, такъ какъ въ то время въ тюрьмахъ не было такой бдительности, какъ теперь. Хотя осужденнаго завтра ожидала казнь, но онъ не былъ запертъ въ тюрьмѣ; ему даже позволили гулять по двору, отдѣльно отъ другихъ заключенныхъ.

Онъ думалъ о своей бѣдной и вдовѣ старухѣ-матери, о младшихъ братьяхъ, о деревенскихъ мальчикахъ, съ которыми онъ игралъ въ мячъ, о Кэтъ Моранъ, съ которой онъ танцевалъ 2 мѣсяца тому назадъ на праздникѣ..., и вдругъ въ голову ему приходила одна мысль, приводившая его въ дрожь; быстро оправившись отъ страха возбудить подозрѣнiе, онъ съ равнодушнымъ видомъ направился къ своду, ведущему во внутреннiй дворъ.

— Вы хотите вернуться? спросилъ тюремный помощникъ.

— Да, отвѣтилъ онъ лаконически.

Тюремный помощникъ пошелъ впереди его на сосѣднiй дворъ, отворилъ первую дверь, прошелъ черезъ длинный корридоръ, ввелъ арестанта въ комнату, заперъ дверь и сказалъ ему черезъ форточку:

— Если вамъ что будетъ нужно, то вы позовите меня, не стѣсняясь.

— Благодарю, отвѣчалъ осужденный.

Еслибы тюремщикъ былъ проникательнѣй, то онъ замѣтилъ бы что-то странное въ лицѣ человѣка, ввѣ-

реннаго его надзору и можетъ быть осмотрѣлъ бы тогда повнимательнѣе запоръ комнаты.

Тимъ Вельшъ замѣтилъ, что задвижка заперта не крѣпко, а онъ зналъ, что шатающуюся задвижку легко вынуть.

Въ то время какъ шаги тюремщика затихали въ отдаленіи, Тимъ Вельшъ съ закованными руками отвинтилъ желѣзную ножку у кровати и ввелъ этотъ импровизированный инструментъ между стѣной и засовомъ, надѣясь поднять послѣдній, но онъ не поднимался.

Тимъ остановился, боясь надѣлать шума, поставилъ на мѣсто ножку кровати и сѣлъ, переводя дыханіе. Вскорѣ онъ услышалъ шаги другаго тюремщика и окликнулъ его.

— Кто здѣсь? Что вамъ нужно?

— Дайте пожалуста хоть каплю воды, мнѣ хочется пить.

Когда тюремщикъ принесъ воду и ушелъ, Вельшъ убѣдился, что засовъ, хотя и вошелъ въ свое мѣсто, но не такъ глубоко какъ въ первый разъ. Онъ освѣжилъ свое пересохшее горло, потомъ, взявши опять ножку кровати, съ новымъ жаромъ принялся за работу. Онъ началъ тихонько расшатывать засовъ, потомъ нанесъ сильный ударъ, звуки котораго были заглушены трескомъ запиравшейся гдѣ-то двери. Засовъ уступилъ: заключенный посмотрѣлъ въ коридоръ, потомъ, вернувшись къ своей кровати, привицтилъ свой инструментъ, сдѣлалъ изъ изголовья какъ можно лучше фигуру человѣка спящаго подъ одеяломъ и, заперевъ тихонько свою комнату, проскользнулъ по галлерей до самой двери, выходявшей на дворъ. Ключъ

былъ въ замкѣ; онъ повернулъ его осторожно, вышелъ, залеръ дверь и пошелъ къ своду, гдѣ ходилъ часовой.

Какъ пройти незамѣченнымъ солдатомъ? А, счастливый случай! Часовой повернулся теперь нѣсколько налѣво, и арестантъ, пробравшись ползкомъ къ своду, спрятался за аркой, потомъ направился вдоль стѣны и, прыгнувши въ водосточную трубу, поползъ въ темнотѣ.

— Ну, слава Богу, я теперь на нѣкоторое время въ безопасности, чтобы тамъ ни случилось потомъ, подумалъ онъ, едва переводя дыханіе.

Несчастный вскорѣ почувствовалъ смертельную слабость, такъ какъ ему пришлось двигаться на четверенькахъ со скованными руками, задыхаясь въ удушливой атмосферѣ водосточной трубы. Но перспектива свободы, хотя и весьма сомнительной, поддерживала его.

Къ счастью, крысъ въ трубѣ было немного. Однако пять или шесть разъ Тимъ Вельшь чувствовалъ какъ онѣ кусали его за ноги, такъ какъ его чулки и башмаки совершенно развалились. Продолжая такимъ образомъ ползти по главнымъ улицамъ города, онъ слышалъ стукъ каретъ, катившихся надъ его головой и даже черезъ рѣшетчатые колодцы могъ разобрать слова пѣсни, которую пѣли хоромъ въ кабакѣ.

Черезъ восемь часовъ, онъ разслышалъ, наконецъ, шумъ текущей рѣки, замѣтилъ сквозь темноту слабый лучъ свѣта и почувствовалъ легкій вѣтерокъ... нѣсколько шаговъ еще,—и онъ былъ у самой рѣки.

Луна освѣщала спящій городъ; вездѣ было тихо и покойно, а въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть. Широкая и глубокая рѣка отдѣляла бѣглеца отъ жилья, са-

довъ и луговъ, расположенныхъ на противоположномъ берегу рѣки; но на томъ берегу было спасенье; совершенно истощенный, онъ бросился съ молитвою въ волны, не подумавши о томъ, хватить-ли у него силъ. Его скривившия руки нисколько ему непомогали: моментальное напряженіе силы, которую онъ почувствовалъ отъ прикосновенія воды, замѣнилось вскорѣ гибельной оцѣпенѣлостью, и голова его опустилась въ воду... Къ счастью ноги его почувствовали дно и благодаря этому онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ по направленію къ берегу и упалъ безъ чувствъ въ камышѣ, который росъ въ тинѣ.

Въ этотъ самый день и часъ, Патрикій Моранъ говорилъ своей женѣ:

— Завтра нужно встать пораньше, чтобы успѣть покончить сегодняшнюю работу. Прежде чѣмъ вести жеребенка на ярмарку, надо вспахать поле для рѣпы.

Первые лучи солнца позолотили противоположный холмъ, когда Патрикій выводилъ двухъ своихъ лошадей изъ конюшни и собирался отправиться въ поле, находившееся на берегу рѣки; запрягши ихъ въ плугъ, онъ началъ пахать.

— Утро, слава Богу, хорошее! сказалъ онъ, поглядывая на горизонтъ. Да, хорошее, только не для бѣднаго маага, которому оно будетъ послѣднее, прибавилъ онъ. Ба, что это тамъ такое? спросилъ онъ, замѣтивши какой-то предметъ, очень похожій на узелъ, запачканный въ грязи.

И не теряя ни минуты, онъ быстро пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ бѣглый безъ чувствъ лежалъ въ камышѣ.

Патрикій хотѣлъ прежде всего идти за помощью;

затѣмъ, поднявши осторожно тѣло, онъ оттащилъ его немного изъ камыша.

— Скажите, ради Бога, кто вы такой и какъ сюда попали? спросилъ фермеръ, смотря со страхомъ на закованныя руки.

— Я... Вы не Патрикій-ли Моранъ?

— Да.

— Патрикій, вы знали моего бѣднаго отца. Я — Тимъ Вельшъ, тотъ несчастный, котораго сегодня должны повѣсить. Спасите меня, Христа ради! Я бѣжалъ чередъ водосточную трубу, проползъ всю ночь подъ городомъ, переплылъ рѣку и совершенно обезсилѣлъ. Помогите мнѣ, Патрикій Моранъ, и да благословитъ Богъ васъ и вашихъ дѣтей.

— Тимъ Вельшъ! Господи помилуй! Что же я могу для васъ сдѣлать? Мы оба пропадемъ, если васъ найдутъ у меня, да и что же намъ теперь дѣлать? Я, разумѣется, Тимъ, не отказываю вамъ въ своей помощи; но вѣдь васъ станутъ вездѣ искать... гдѣ же вы спрячетесь?

Такъ говорилъ фермеръ, ведя бѣглеца къ своему дому и вводя его въ кухню, гдѣ Кетти приготовляла хлѣбныя лепешки къ завтраку.

— Милый батюшка! Ахъ, Господи, что это такое? вскрикнула Кетти, увидя челоуѣка, въ изорванной одеждѣ и запачканнаго въ грязи, который подходилъ къ горѣвшей печи.

— Молчи, голубушка! Это—Тимъ Вельшъ, сказалъ онъ ей на ухо.

Кетти, присѣвшая на корточкахъ у печки, быстро вскочила.

— Кетти, милая, что намъ дѣлать?

— Спрятать его, батюшка! отвѣчала тотчасъ же съ врожденнымъ великодушіемъ женщина. Господи, помоги намъ! прибавила она, заливаясь слезами.

— Вы можете на меня рассчитывать, Тимъ. Дайте ему, Кетти, что нибудь поѣсть, а я пойду поговорить съ какимъ-нибудь вѣрнымъ человѣкомъ.

— Патрикій, моя жизнь въ вашихъ рукахъ, прервалъ его Тимъ.

— Не бойтесь ничего, я сдѣлаю все, что только можно для вашего спасенія.

И Патрикій поспѣшно направился къ дому своего хозяина, находившемуся недалеко отъ его хижины. Онъ сильно постучалъ въ дверь и былъ встрѣченъ заспавной служанкой.

— Мнѣ нужно поговорить съ хозяиномъ, сказалъ онъ, я отправляюсь сейчасъ на ярмарку и очень спѣшу.

Черезъ нѣсколько минутъ пасторъ вышелъ.

— Я къ вамъ по очень важному дѣлу, милостивый государь, сказалъ Патрикій тихо... насчетъ коровы, о которой вы мнѣ говорили, прибавилъ онъ громко, замѣтивши, что тутъ была служанка.

— Пойдемте въ мой кабинетъ, Моранъ.

— Съ вашего позволенія, милостивый государь, я запру дверь.

Притворивши дверь, онъ подошелъ къ столу и облокотился на него.

— Господинъ Раймондъ, я имѣю къ вамъ большое довѣріе; я нахожусь въ большомъ затрудненіи и не знаю, что дѣлать. Господинъ Раймондъ, вы всегда были искреннимъ моимъ другомъ и не могли бы мнѣ

измѣнить. Но такъ какъ дѣло идетъ не обо мнѣ, то вы должны дать мнѣ честное слово, господинъ Раймондъ.

— Моранъ, если вы обращаетесь ко мнѣ, какъ честный человѣкъ и христіанинъ, то я клянусь вамъ сдѣлать все, что вы у меня потребуете. Вы можете мнѣ довѣриться.

Увѣренный такимъ образомъ, Моранъ разсказалъ свою утрепнюю встрѣчу и попросилъ у пастора совѣта.

— Я смущенъ не менѣе васъ, Моранъ, сказалъ Раймондъ, я сильно опасаюсь, чтобы несчастнаго малаго не поймали, не смотря на все, что вы можете для него сдѣлать, и чтобы это не навлекло на васъ самихъ бѣды. Во всякомъ случаѣ, велите перепилить его кандалы, прибавилъ онъ шопотомъ. Это сдѣлаетъ Мартинъ Лири, на котораго вы можете рассчитывать. Я думаю, затѣмъ, что самое лучшее, что вы можете сдѣлать, это дать бѣглецу одежду, немного пищи и вотъ это (онъ вынулъ изъ своего бюро гипсу и передалъ ее фермеру). Заройте хорошенько старое платье арестанта въ навозную кучу и пошлите его самого въ Вексфордъ. По моему мнѣнію, въ этомъ заключается все, чѣмъ вы можете рисковать безъ опасности для самого себя; главное же, вы должны спѣшить.

Фермеръ тотчасъ же побѣжалъ въ кузницу, гдѣ нашелъ Мартина съ сыномъ за работой.

— Мартинъ, я очень спѣшу на ярмарку; пойдете, пожалуйста, поскорѣе и захватите инструментъ, чтобы перепилить цѣпь; это займетъ не болѣе пяти минутъ, и сегодня будетъ лучший день въ вашей жизни, прибавилъ онъ въ полголоса, въ то время, какъ слытъ слесаря

обернулся къ нимъ спиной; пойдете же какъ можно скорѣе, а главное—молчите! сказалъ онъ, показывая рукой на молодого кузнеца.

Понявши, что дѣло очень важное и что рассчитываютъ на его скромность, Мартинъ взялъ инструменты, сказалъ нѣсколько словъ своему сыну и пошелъ за Мораномъ.

Они встрѣтили Кетти у дверей.

— Въ безопасности ли онъ?

— Да, батюшка; онъ въ комнатѣ ѣсть.

Не входя въ комнату, Патрикій обратился къ Мартину:

— Мартинъ, сказалъ онъ безъ обиняковъ, я знаю, что вы не болтливы, и не меньше всякаго другого готовы сдѣлать услугу своему пріятелю.

— Вотъ вамъ моя рука, отвѣчалъ слесарь, кладя свою черную руку на плечо Патрикія.

Послѣдній въ нѣсколькихъ словахъ рассказалъ ему въ чемъ дѣло.

— Ведите меня поскорѣе къ нему, воскликнулъ Мартинъ, схвативши съ одушевленіемъ свой рѣзецъ и молотъ.

Они вошли вмѣстѣ въ маленькую комнату, гдѣ Кетти приготовляла чай и горячія лепешки бѣдному малому, который ѣлъ и пилъ машинально, будучи не въ силахъ отвести глазъ отъ милаго лица прислуживавшей ему особы.

— Тимъ, сказалъ ему Патрикій, вотъ этотъ человекъ окажетъ вамъ большую услугу. Вытяните-ка руки. Кетти, сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ, которая, сидя въ углу, рассказывала разныя разности, поищите мое

старое платье, а вы, Кэть, ступайте въ огородъ и принесите мнѣ глины. Поскорѣ же!

Кэть пошла и, тотчасъ же возвратившись съ глиной, должна была ждать нѣсколько минутъ у двери.

— Что они тамъ дѣлають, матушка? спросила она.

— Я тоже не знаю, голубушка, но вѣроятно твой отецъ что нибудь придумалъ. Ахъ, милая Кэть, я дрожу при одной мысли о той опасности, которой онъ себя подвергаетъ! Патрикій, другъ мой, что же это такое значить? крикнула она, обращаясь къ мужу, который выходилъ изъ комнаты въ своемъ красивомъ голубомъ узкоконечномъ сюртукѣ, въ бархатныхъ штанахъ и совершенно новыхъ сѣрыхъ чулкахъ.

— Я иду показать этому новому работнику поле, которое онъ долженъ вспахать въ то время, какъ я буду на ярмаркѣ, отвѣчалъ онъ, кидая значительный взглядъ на двухъ женщинъ, которыя не могли придти въ себя отъ удивленія при видѣ Тима, преобразившагося въ земледѣльца.

Онъ выглядѣлъ совершенно непринужденно въ своей поношенной одеждѣ, съ шапкой, надвинутой на глаза, и съ трубкой въ зубахъ.

— Ну, пойдѣте! пора приниматься за дѣло. Его зовутъ Морисъ Слеттери, Кетти; онъ у насъ уже больше мѣсяца.

— Милый батюшка! Мой дорогой Патрикій! воскликнули обѣ женщины съ удивленіемъ.

Молодой человекъ, вынимая трубку изо рта, сказалъ торжественнымъ тономъ:

— Да благословить васъ Богъ, Патрикій Моранъ!

и васъ, мистриссъ Моранъ, и васъ, Кэтъ, и васъ, Мартинъ Лири.

— Ну, уже 6 часовъ, сказалъ фермеръ. Вы знаете, гдѣ плугъ, Морицъ Слеттери? Вы, Мартинъ, расплавьте кусокъ желѣза, а вы, Кэтъ, заройте эту одежду въ землю. Пойдемте, я вамъ покажу мѣсто.

Черезъ полчаса фермеръ ѣхалъ на ярмарку верхомъ на жеребенкѣ, котораго онъ долженъ былъ продать, и, оглядываясь по временамъ на свое поле, гдѣ онъ могъ видѣть, какъ его лошади пахали, а новый работникъ покойно управлялъ плугомъ.

Уже давно не было въ городѣ такого волненія, какъ теперь. Весь гарнизонъ отправился на поиски скрывшаго арестанта. Отряды въ красныхъ мундирахъ расхаживали по улицамъ, по дорогамъ, ведущимъ въ деревню, даже по тропинкамъ и лугамъ. Толпа народа, пришедшая посмотреть на казнь, разошлась по городу, всѣ кричали, кто по ирландски, кто по англійски; каждый рассказывалъ по своему о чудесномъ побѣгѣ. Нѣкоторые полагали даже, что арестантъ и не думалъ бѣжать, но что это только уловка начальства, придуманная съ какою то дьявольской цѣлью. Патрикій, добравшись съ большимъ трудомъ до стѣнъ тюрьмы, сталъ съ грустнымъ видомъ искать родителей Тима, которыхъ онъ надѣялся здѣтъ найти, и дѣйствительно скорѣ замѣтилъ среди оживленной группы людей.

„Патрикій Моранъ, сказалъ одинъ изъ этихъ людей съ потеряннмъ видомъ, схвативши фермера за платье, вѣрите ли вы этому? Можетъ-ли быть, чтобы бѣдный Тимъ спасся изъ ихъ проклятыхъ когтей?

— Джонъ Вельшъ, Тимъ бѣжалъ.

— Те! Помилуй насъ Богъ! сказали всѣ въ одинъ голосъ.

— Объ этомъ теперь говорить опасно. Я боюсь, чтобы меня не услышалъ одинъ изъ этихъ людей съ жѣдными пуговицами, прибавилъ онъ, бросая взглядъ на тюремнаго сторожа, показавшагося за рѣшеткой. Но вы, Джонъ Вельшъ, и вы, Микъ Поуэръ, прѣзжайте въ полночь на телѣгѣ на поперечную дорогу по ту сторону парома; вы встрѣтите тамъ друга. Но, ради вѣчнаго своего спасенія, молчите!

Тюремщики не долго находились въ недоумѣннн относительнн пути, по которому спасся бѣглець. Осмотрѣли отверстие сточной трубы и конецъ ея, выходящій въ рѣку. Искали слѣдовъ у самой рѣвки, но волны смыли ихъ. Наконецъ, отрядъ тюремныхъ служителей и солдатъ направился къ хижинѣ фермера Морана.

Кѣтъ кормила куръ, а ея мать чистила картофель, когда онѣ услышали тяжелые шаги и замѣтили красные мундиры.

„Господи, спаси насъ нынѣ и во вѣки, аминь! прошептала Моранъ, роняя картофель, который она только что собралась чистить, и обращаясь къ дочери, которая шептала, не подымая головы:

— Милая матушка! Ради Бога, показывайте видъ, что вы ничего не знаете и она весело звала птицъ, надѣляя ихъ пищею.

— Къ вашимъ услугамъ, милостивый государь, сказала она, вытирая свои руки, и дѣлая реверансъ офицеру, который подходилъ къ двери, разгоняя куръ стукомъ своей сабли.

— Здѣсь, милая, живетъ фермеръ Моранъ?

— Да, сударь.

— Вы его дочь?

— Да, сударь, а вотъ моя мать.

— Гдѣ вашъ мужъ, госпожа Моранъ? спросилъ офицеръ, обращаясь къ бѣдной женщинѣ, которая старалась принять спокойный видъ.

— На ярмаркѣ, сударь. Но я надѣюсь, милостивый государь, что съ нимъ ничего не случилось?

— Что же съ нимъ можетъ случиться? Рѣчь не о немъ, а о бѣжавшемъ преступникѣ. Я полагаю, вы позволите сдѣлать у васъ обыскъ?

— Дѣлайте, сударь, сказала Моранъ. Ищите вездѣ, гдѣ вамъ угодно; только мнѣ кажется странно обыскивать домъ честнаго человѣка, какъ какого-нибудь плута.

— Я долженъ исполнять свою обязанность, возразилъ офицеръ.

— Пожалуйста, сударь, сказала Кэтъ, прикажите вашимъ людямъ не топтать картофель.

Моранъ не ошибся, сказавши, что обыщутъ вездѣ при поискахъ бѣглеца; послѣ самаго подробнаго обыска, три солдата направились ко вспаханному полю, чтобы опросить человѣка, который ходилъ за плугомъ.

У Вельша, какъ говорится, кровь застыла, при ихъ приближеніи; но, разсудивши, что они не знаютъ его въ лицо, онъ посмотрѣлъ на нихъ черезъ плечо и крикнулъ на лошадей.

Солдаты были молодые и беззаботные. Они удовольствовались предложить ему два или три вопроса, смотря по переменно къ верху и себѣ на ноги, какъ будто они ожидали, что арестантъ прилетитъ или выскочитъ

изъ воды; послѣ этого они ушли. Но черезъ нѣсколько минутъ появились 6 другихъ солдатъ и офицеръ, съ двумя господами въ длинныхъ темныхъ скуртукахъ съ красными обшлагами.

„Сколько вы времени работаете? спросилъ офицеръ.

— Съ восхода солнца, сударь! Но! Много ужъ я васъ видѣлъ: съ самого завтрака все пристають ко мнѣ съ вопросами: не видалъ-ли человѣка, который, кажется, бѣжалъ.

Говоря такимъ образомъ, Вельшъ обернулся спиной къ тюремнымъ сторожамъ.

„Полагають, что онъ переплылъ черезъ рѣку, прибавилъ офицеръ. Но, если это такъ, то вы не могли его не видѣть.“

— Переплылъ-ли онъ, я этого не знаю. Нужно быть замѣчательнымъ пловцемъ для того, чтобы переплыть рѣку въ такое время года, когда вода холодна какъ ледъ, возразилъ работникъ недовѣрчиво. Онъ могъ выплыть выше этого мѣста; а во всякомъ случаѣ, я ничего не видѣлъ.

Послѣ этого, онъ, прикрикнувъ на лошадей, налегъ на плугъ.

Офицеръ направился съ своими солдатами въ другое мѣсто.

Этотъ долгій день долженъ былъ однако кончиться и Кэтъ пришла звать работника обѣдать, сказавши ему на ухо, что дома нѣтъ никого, кромѣ отца и матери.

Фермеръ рассказалъ имъ нѣсколько исторій, ходившихъ по городу насчетъ бѣглеца. Говорять, что его тѣло вытащили за городомъ за 4 мили, одежду нашли

въ кустахъ, а кандалы, перепиленные по поламъ, оказались въ болотѣ за 10 миль отсюда.

„Право, я отъ души смѣялся, прибавилъ Патрикій, боясь сказать, что Мартинъ Лири передѣлалъ ручные кандалы въ колесныя затычки, а Кэтъ зарыла одежду въ прошлогодней навозной кучѣ.

Всѣ болтали весело. Только Тимъ молчалъ, вздыхая и бросая украдкой взгляды въ сторону Кэтъ.

— Развѣ мужчина долженъ такъ вздыхать? сказалъ фермеръ шутливымъ тономъ. Богъ дастъ черезъ годъ вы будете танцовать на своей свадьбѣ въ Америкѣ. .

— Нѣтъ, господинъ Моранъ, я ни на комъ не женюсь въ Америкѣ.

Кэтъ встала тотчасъ же и пошла подложить углей въ каминъ.

— О, я убѣжденъ въ противномъ, возразилъ недальновидный фермеръ.

— Ахъ, господинъ Моранъ! Мало найдется такихъ отцовъ, которые согласились бы выдать своихъ дочерей за такого человѣка, какъ я, сказалъ Вельшъ тихо.

— Вотъ еще, честный Тимъ! Кто же станетъ уважать васъ меньше за то, что съ вами случилось такое несчастье.

— Не всѣ на васъ похожи, сказалъ со вздохомъ Тимъ.

— Во-первыхъ въ Америкѣ никто не узнаетъ ваше прошлое, Тимъ. Вѣдь вы туда поѣдете, какъ я полагаю? спросила Моранъ, холодно и серьезно.

— Да, сударыня, я надѣюсь.

Жена Морана была проникательнѣе своего мужа и такъ какъ оборотъ, принимаемый разговоромъ, ей не

правился, то она заговорила о другомъ, но неудачно, потому что Патрикя скоро сталъ одолевать сонъ, Кэтъ молчала, а Тимъ, съ грустнымъ лицомъ, обмѣнивался съ нею взглядами.

Въ полночь Вельшъ и фермеръ собрались въ условленное мѣсто, гдѣ должны были ихъ ожидать родители Вельша въ телѣгѣ. Вельшъ пожалъ морщиноватую руку госпожи Моранъ и, обернувшись къ плакавшей Кэтъ, хотѣлъ въ нѣсколькихъ словахъ выразить ей свою благодарность, но языкъ его не шевелился.

— Я запру за вами ворота, сказала Кэтъ, слѣдуя за ними въ темнотѣ.

Но такъ какъ это оказалось не подъ силу Кэтъ, то Вельшъ остановился на минутку, безъ сомнѣнiя для того, чтобы ей помочь. Какъ-бы тамъ ни было, но онъ успѣлъ произнести нѣсколько словъ, которыя не имѣли никакого отношенiя къ воротамъ.

— Крѣпитесь Кэтъ, прошепталъ онъ; я вамъ напишу, когда, Богъ дастъ, я буду внѣ опасности.

Вельшъ, проведя нѣсколько недѣль секретнымъ образомъ въ Ливерпульѣ, сѣлъ на парусный корабль, такъ какъ въ то время въ Америку не ходили еще пароходы. Высадившись на берегъ, онъ розыскалъ одного своего родственника, переселившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америку и, благодаря трудолюбію и честности, (полученный имъ урокъ не пропалъ для него даромъ) вскорѣ сталъ независимъ отъ своего бузена и приобрѣлъ себѣ небольшой домикъ.

Онъ аккуратно писалъ къ Моранамъ: сначала къ отцу, потомъ къ матери и наконецъ дочери, когда получилъ возможность предложить ей раздѣлить съ нимъ

его небольшое имѣніе; жена Морана пришла отъ такого предложенія въ негодованіе; но время дѣлаетъ чудеса и Кэтъ, дождавшись терпѣливо смерти матери, отправилась вмѣстѣ съ отцомъ въ Америку съ прочими эмигрантами. Тимъ Вельшъ не забылъ ее... и она не забыла Тима Вельша. Читатель догадается, что вскорѣ они сдѣлались мужемъ и женой.

Эта исторія не вымыселъ; ее рассказала автору одна вдова съ сѣдыми волосами, ирландская эмигрантка, которая возвратилась въ Европу для того, чтобы, послѣ долгаго пребыванія въ новомъ свѣтѣ, умереть на родинѣ. Хотя она уже нѣсколько сгорбилась подъ тяжестью своихъ 70 лѣтъ, но въ ея голубыхъ глазахъ сіялъ блескъ молодости, когда она начинала рассказывать объ опасностяхъ, которымъ подвергался Вельшъ, ея вѣрный и нѣжный мужъ, съ которымъ она дѣлила горе и радости въ теченіи 40 лѣтъ. Онъ умеръ и она возвращалась доживать свои послѣдніе дни въ маленькомъ домикѣ на берегу рѣки, гдѣ она познакомилась съ нимъ и подала ему руку помощи въ минуту испытанія и опасности.

„Только грустно думать, закончила свой рассказъ вдова, что мы не можемъ успокоиться въ той же могилѣ, гдѣ спятъ наши родители. Но, благодаренье Богу, мы скоро соединимся вмѣстѣ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Мессепскій полководецъ Аристоменъ (684 г. до Р. Х.). . .	1
Эгезистратъ (475 г. до Р. Х.).	3
Марій (85 г. до Р. Х.).	5
Секундъ Куріонъ (XVI в.).	10
Густавъ Ваза (1519—1523).	12
Бенвенуто Челлини (1538)	19
Марія Стюартъ (1568)	45
Комонъ де-ла-Форсъ (1572)	55
Грөшіі (1621).	65
Кардиналь Рець (1654)	69
Квикеранъ де-Божё (1671).	76
Бланка Комонъ (1687).	79
Аббатъ графъ Бюккуа (1700—1702).	85
Баронъ фонъ-Тренкъ (1746—1763).	93
Жакъ Казанова.	136
Латюдъ (1750—1784)	213
Бепёвскій	227
Лавалеттъ (1815)	249
Феличе Орсини (1854).	258
Людвигъ-Наполеонъ (1846).	268
Бѣгство Гарибальди съ Капреры, описанное имъ самимъ .	278
Побѣгъ изъ тюрьмы	279
